

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ОРГАН ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

№ 4-5
1-9-3-0

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ОРГАН ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 4—5

1930

К XVI ПАРТИЙНОМУ СЪЕЗДУ

XVI партийный съезд созывается в необычайно важный период для всего социалистического строительства в СССР. Поэтому основными вопросами, стоящими на партийном съезде, являются задачи определения дальнейшего направления социалистического строительства. Строительство социализма в нашей стране поднимается на новую ступень. Последний период внес целый ряд новых коренных изменений в нашу общественную структуру; вместе с этим целый ряд крупнейших трудностей преодолено за этот период, от XV до XVI партсъезда.

Индустриализация страны сделала огромный шаг вперед. Вдвое увеличилась валовая продукция промышленности по сравнению с довоенным временем. Продукция новых, построенных предприятий поднялась до 14% в общей продукции промышленности. Закончен строительством ряд крупнейших предприятий, могущих конкурировать по своей мощности с предприятиями капиталистических стран. Построена величайшей важности железная дорога, соединяющая Сибирь и Среднюю Азию—Турксиб. Рост производства в промышленности идет все более и более ускоряющимся темпом: 24% роста продукции в 1928/29 году; 31,3—в 1929/30 г. и для 1930/31 г. намечается около 50%. Значительный рост рабочего класса, улучшение его благосостояния и систематическое сокращение безработицы,—все это характеризует рост социалистического сектора народного хозяйства. Страна превращается из агропромышленной страны в промышленно-аграрную. Этим самым создается прочная база для строящегося социализма. Но перед XVI партийным съездом стоят задачи дальнейшего решительного усиления индустриализации страны. В этой области, как мы видим, сделано больше, чем это предполагалось пятилетним планом развития нашего народного хозяйства. Но потребности социалистического строительства, с одной стороны, с другой стороны, открывшиеся возможности, и в первую очередь в области новых социалистических форм труда: сорев-

нование, ударничество, вступление в работу новой техники в виде переоборудованных и вновь отстроенных предприятий,—все это вместе взятое ставит перед нами конкретную задачу дальнейшего усиления индустриализации страны, чем будет достигаться и экономическое и политическое укрепление и чем будут выполняться на деле практические задачи строительства социализма.

Но в особенности вся важность индустриализации страны встает в свете тех колоссальных сдвигов, которые происходят в сельском хозяйстве.

XV партийный съезд дал направление развертыванию широкой коллективизации и определил роль индустриализации страны в деле реконструкции сельского хозяйства. Коллективизация означала переделку мелких крестьянских предприятий в формы крупного обобщественного сельского хозяйства. Эта переделка должна была совершаться самой основной массой крестьянства, его бедняцких и середняцких хозяйств, под руководством партии. Но для этого надо было подготовить переход сельского хозяйства на новую техническую базу и в новые формы. И именно этот переход могла дать только индустриализация страны.

Производство сельскохозяйственных машин в 1930 г. в шесть раз больше, чем в довоенный период. В весеннюю посевную кампанию свыше 70 тыс. тракторов работало в обобщественном секторе сельского хозяйства, а к осени 1931 г. будет около 150 тыс. Производственные преимущества крупного обобщественного сектора сельского хозяйства стали бесспорны и очевидны для самых широких масс бедняцкого и середняцкого хозяйства. Особенно следует отметить показательную роль, какую сыграли совхозы и, в частности, совхозы Зернотреста, показавшие блестящий пример значения плановости в сельском хозяйстве, высокой техники и организованности труда. Некоторые из совхозов Зернотреста обогнали крупнейшие зерновые хозяйства капиталистических стран. Все это вместе взятое привело к тому, что политика партии и советской власти, направленная на коллективизацию, нашла свое выражение в массовом переходе миллионов крестьянских хозяйств на путь коллективизации. В важнейших зерновых районах (Северный Кавказ, Южная Украина, Среднее и Нижнее Поволжье) коллективизировано 40—50% крестьянских хозяйств, в других районах около 25%. 30—35 млн. га весеннего посева являются посевом колхозов. Создался ряд районов сплошной коллективизации, этого нового явления в жизни деревни. Зерновой товарной продукции уже нынешнего 1930 г. обобщественный сектор будет иметь свыше 50%. Впервые создалась возможность поставить вопрос о решительной ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации, иными словами, приступить к решению труднейшей социальной задачи в деревне.

Перед XVI партийным съездом стоит проблема намечения путей дальнейшей перестройки деревни на основах коллективизации. Ближайшие годы — это годы перехода советской деревни на базу социалистического производства. Это — величайшей исторической важности задача. Все основные области сельскохозяйственного производства должны будут перестраиваться по-новому. Эти задачи являются строго деловыми, строго практическими задачами, и проведение генеральной линии партии требует в первую очередь борьбы с правым уклоном, несущим опасность отступления от задач строящегося социализма. Вместе с этим — „левые“ загибы и заскоки показали на практике всю свою вредность и по существу сослужили службу правым. Поэтому в тезисах съезда определяются как общие принципиальные положения, так и конкретные цифровые задания.

Таким образом и в области промышленности и в области сельского хозяйства пятилетний план приходится пересмотреть в смысле изменения темпов и масштабов развертывания народного хозяйства. Пятилетний план оказался превзойденным нашей практикой социалистического строительства.

Социалистическое строительство — это эпоха борьбы с капитализмом во вне и с остатками капитализма внутри страны, борьбы, резко обострившейся в настоящий период; это — жестокая борьба с трудностями, где каждый шаг вперед достигается преодолением этих трудностей, и одновременно — это борьба с теми, кто отступает от генеральной линии партии, кто сдает позиции строящегося социализма нашим противникам, это — борьба с оппортунизмом, борьба с элементами, отражающими враждебные нам классовые группировки, и примиренческим к ним отношением.

Успехи проведения генеральной линии партии в деле строительства социализма были достигнуты благодаря нанесению решительного поражения троцкистам и правой оппозиции. Как те, так и другие старались затормозить дело социалистического строительства, старались повернуть его вспять. На своем последнем этапе троцкизм скатился полностью к социал-демократии, а Троцкий в своих произведениях пошел в хвосте за Каутским. Правая опасность продолжает оставаться главной опасностью, потому что правая опасность смыкается с остатками капиталистических элементов в деревне, потому что она мешает решительному наступлению на них, потому что она тормозит дело коллективизации, индустриализации страны.

Растущая мощь социалистического строительства в СССР с все большей силой сказывается за пределами СССР. Поэтому предстоящий период это период, когда нужно считаться с большим обострением во взаимоотношениях с капиталистическими странами. В то время, как мы находимся на восходящей линии, капитализм, находясь в эпоху развала, потрясается жесточайшим экономическим кризисом.

Эпоха распада толкает капиталистические страны на искание путей к выходу с помощью военных авантур. В этом отношении нам необходимо учитывать усиливающуюся опасность военного нападения на СССР, чтобы во-время дать ему решительный отпор.

Строительство социализма в СССР будет неуклонно продолжаться дальше, закрепляясь на достигнутом этапе, располагая в огромной степени выросшими материальными ресурсами, борясь со всеми трудностями, которые стоят на пути этого строительства. Со всей решительностью мы будем вести его вперед.

Л. Крицман

К АНАЛИЗУ ПРОИСХОДЯЩЕГО ПЕРЕЛОМА ¹.

С момента прекращения гражданской войны, которая естественно не могла быть эпохой экономического процветания, началось на новой, созданной революцией основе развертывание крайне сжавшегося за время гражданской войны производства. Его развертывание привело вскоре к тому, что происходившее до того проедание имевшихся в стране основных фондов не только прекратилось (если брать все основные фонды в их совокупности), но и сменилось (с 1923/24 г.) ростом и расширением этих фондов, как это видно из нижеследующих данных:

Годы	Процент ежегодного прироста всех основных фондов в стране ²
1923/24	+ 1
1924/25	+ 2
1925/26	+ 4
1926/27	+ 5
1927/28	+ 6
1928/29	+ 7
1929/30	+ 14
	(Намечено планом)

¹ Настоящая статья представляет извлечение из подготовляемой к печати брошюры.

² Табличка эта составлена по материалам „Контрольных цифр“. Контрольные цифры за каждый год дают разные данные. Вот они:

Процент прироста основных фондов по „Контр. цифрам“
на 1926/27 г.   на 1927/28 г.   на 1928/29 г.   на 1929/30 г.

Годы				
1923/24	+ 0,7			
1924/25	+ 1,5	+ 2,2		
1925/26	+ 3,4	+ 3,7	+ 4,1	+ 4,1
1926/27		+ 4,6	+ 5,0	+ 5,1
1927/28			+ 6,9	+ 6,1
1928/29				+ 7,3
1929/30	(Намечено планом)			+ 14,3

В „Контр. цифрах“ на 1926/27 г. основные фонды даны по исчислению на 1 октября 1924 г. (повидимому в ценах 1923/24 г.), а изменения в ценах соответственного года; в „Контр. цифрах“ на 1927/28 и 1928/29 гг. — в ценах 1925/26 г.; в „Контр. цифрах“ на 1929/30 г. — в ценах 1926/27 г.; абсолютные цифры как основных фондов, так и их прироста, возрастают (за те же годы) от одних „Контр. цифр“ к другим вследствие все большего охвата объектов (в „Контр. цифрах“ на 1928/29 г. охвачены сельское хозяйство, промышленность, районные электростанции, транспорт, связь, торгово-складское дело, коммунальное хозяйство, просвещение, здравоохране-

Табличка эта показывает непрерывный и непрерывно усиливающийся рост всех имевшихся в стране основных фондов, начиная с 1923/24 г. В истекшем 1928/29 г. этот рост составил семь процентов. Согласно плану, изложенному в „Контр. цифрах“ на 1929/30 г., в наступающем году предположен громадный скачок — удвоение прироста основных фондов с семи до четырнадцати процентов (в абсолютных цифрах с пяти до десяти с лишним, почти до одиннадцати миллиардов руб.). Необходимо иметь при этом в виду, что до сих пор госплановские предположения о темпах роста всех основных фондов в стране весьма близко подходили к действительным³.

Уже приведенные данные позволяют сделать весьма существенные выводы. Так как речь идет о всех основных фондах в СССР, взятых в их совокупности (и притом в неизменных ценах), то каковы бы ни были изменения во взаимоотношениях отдельных их частей, эти изменения приводили во всяком случае не к падению и даже не приостановке роста основных фондов в СССР, а к их непрерывно нарастающему подъему. Диктатура пролетариата привела, следовательно, к непрерывно нарастающему хозяйственному подъему, а те формы, которые приняла эта диктатура в последние годы в условиях обострения классовой борьбы, не только обусловили продолжение этого непрерывно нарастающего хозяйственного подъема, но сулят—согласно „Контр. цифрам“ на 1929/30 г.—гигантский скачок вверх, который сообщит производительным силам народного хозяйства СССР совершенно небывалый темп подъема, скачок, который подымет темп роста производительных сил нашей страны на новую ступень.

не, управление и жилищный фонд). В тексте взяты округленные до целых (чтобы не внушать иллюзий об их точности) данные с приблизительным учетом поправок на максимальный (к 1929/30 г.) охват объектов. В основу, следовательно, положены данные последних „Контрольных цифр“. Для 1923/24 и 1924/25 гг. использованы данные предыдущих „Контрольных цифр“ с поправками, вытекающими из сопоставления с характером изменений соответственных данных для других лет по всей совокупности „Контрольных цифр“. Нет сомнения, что приведенные здесь и далее данные неточны. Госплан гонится — и вынужден гнаться по существу своей работы—за свежей статистикой. Он стремится—к этому он опять-таки вынужден характером его работы, и в этом его большая заслуга—к обобщающим статистическим данным. Там, где нехватает свежих статистических данных и элементов для обобщающих данных, Госплан восполняет их на основе так наз. экспертных оценок. Это неизбежно ведет к увеличению неточности данных и к необходимости непрерывных последующих исправлений. Однако общий характер изменений госплановские данные в общем и целом отражают. Трудно думать, что последующие уточнения изменят общую картину в чем-либо существенном. От большой точности я отказался заранее, отбросив повсюду десятые доли процента.

³ По отдельным подразделениям—в частности в социальном разрезе—дело обстоит много хуже. Что тем не менее предположенные „Контр. цифрами“ темпы роста всех основных фондов в стране, взятые в их совокупности, до сих пор осуществлялись почти полностью, показывает следующее сопоставление.

Увеличение процента прироста всех основных фондов

	Предполагалось	Оказалось
1926/27	+ 0,5	+ 0,9 (0,9; 1,0)
1927/28	+ 1,2	+ 1,4 (1,0)
1928/29	+ 1,4	+ 1,2

Во втором столбце приведены данные ближайших последующих контрольных цифр; в скобках данные дальнейших контрольных цифр.

Ведущей силой в экономике СССР является, как известно, государственное хозяйство пролетариата. Его развитие характеризуется следующими данными ⁴:

Процент ежегодного прироста основных фондов в СССР

Годы	государственных	всех
1923/24	— 1	+ 1
1924/25	+ 0	+ 2
1925/26	+ 3	+ 4
1926/27	+ 6	+ 5
1927/28	+ 8	+ 6
1928/29	+ 11	+ 7
1929/30 (намечено планом)	+ 22	+ 14

Итак, рост основных фондов пролетарского государственного хозяйства начался на целых два года позже, чем рост всех основных фондов в СССР, взятых в их совокупности. Еще целый год (1923/24), когда уже происходило увеличение всех основных фондов в СССР, взятых в их совокупности, государственное хозяйство пролетариата еще продолжало проедать свои основные фонды. А следующий (1924/25) год, когда приращение всех основных фондов в СССР, взятых в их совокупности, усилилось, государственное хозяйство пролетариата оказалось еще не в состоянии перейти к сколько-нибудь заметному расширению своих основных фондов. Только в 1925/26 г. начинается явственное расширение основных фондов пролетарского государственного хозяйства.

Разумеется, рост пролетарского государственного хозяйства (рост его продукции) начался гораздо раньше, чем расширение его основных фондов, не с 1925/26, а уже с 1920/21 г. ⁵. Но это не меняет

⁴ К этим данным полностью относятся все замечания сноски 2. И здесь контрольные цифры за каждый год дают разные данные.

Процент прироста государственных основных фондов по „Контрольным цифрам“

Годы	на 1926/27 г.	на 1927/28 г.	на 1928/29 г.	на 1929/30 г.
1923/24	— 0,8			
1924/25	+ 0,5	+ 0,3		
1925/26	+ 4,1	+ 3,2	+ 3,3	+ 3,3
1926/27		+ 5,1	+ 5,5	+ 5,8
1927/28			+ 8,6	+ 8,3
1928/29				+ 11,2
1929/30 (намечено планом)				+ 22,3

⁵ Так для фабрично-заводской промышленности, почти сплошь государственной и дающей основную массу продукции государственного хозяйства (кроме нее сколько-нибудь заметную роль играло до последнего года, если не считать транспорта, только государственное лесное хозяйство), мы имеем в довоенных ценах (см. „Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР“) согласно данным вероятной оценки Госплана.

Г о д ы	Процент прироста валовой продукции фабрично-заводской промышленности (в довоенных ценах)
1920/21 (к 1920 г.)	+ 32
1921/22	+ 33
1922/23	+ 48
1923/24	+ 22
1924/25	+ 53
1925/26	+ 45
1926/27	+ 17
1927/28	+ 21

того факта, что на высшую ступень от использования наличных основных фондов к расширению своих основных фондов—государственное хозяйство перешло на два года позже, чем все народное хозяйство СССР, взятое в его совокупности.

Но та же табличка показывает не только запоздание пролетарского государственного хозяйства в переходе на высшую ступень, но и более быстрое нарастание темпа прироста основных фондов государственного хозяйства пролетариата по сравнению с темпом прироста всех основных фондов в СССР, взятых в их совокупности. В результате в 1926/27 гг. темп прироста основных фондов государственного хозяйства обгоняет темп прироста всех основных фондов в СССР, взятых в их совокупности, и затем с каждым годом оставляет их все дальше позади себя.

Разница процентов прироста основных фондов государственного хозяйства и всех основных фондов СССР

Г о д ы

1923/24	— 2	} государственное хозяйство отстает
1924/25	— 2	
1925/26	— 1	
1926/27	+ 1	} государственное хозяйство обгоняет
1927/28	+ 2	
1928/29	+ 4	
1929/30 (намеч. планом)	+ 8	

1927 г. оказывается здесь переломным годом. Перелом этот имеет поистине громадное принципиальное значение. Удельный вес и ведущая роль пролетарского государственного хозяйства стали возрастать непосредственно после окончания гражданской войны⁶; они продолжали возрастать и тогда, когда государственное хозяйство еще сокращало (проедало) свои основные фонды, при уже наступившем расширении всех основных фондов в СССР, взятых в их совокупности. Но пролетарское государственное хозяйство не смогло бы не только длительно увеличивать свой удельный вес и усиливать свою ведущую роль в экономике СССР, но даже и сохранить их, если бы оно не оказалось способным не только перейти к расширению своих основных фондов, но и к такому их расширению, которое обгоняет расширение всех основных фондов в СССР, взятых в их совокупности.

Для всей государственной промышленности и государственного сельского хозяйства, взятых вместе, имеем такую картину:

Г о д ы	Процент прироста валовой продукции госпромышленности и госсельхозяйства	
1924/25	+ 42	} в довоенных ценах; исчислено по данным „Контр. цифр“ на 1926/27 гг.
1925/26	+ 36	
1926/27	+ 20	} в ценах 1926/27 гг.; исчислено по данным „Контр. цифр“ на 1929/30 гг.
1927/28	+ 24	
1928/29	+ 20	
1929/30 (намеч. планом)	+ 30	

Расчет приблизительный. Валовая продукция взята в ценах 1926/27 гг., а доля государства отдельно в промышленности и в сельском хозяйстве по проценту, исчисленному на основании данных в ценах соответствующих лет. Однако неточность должна быть невелика, поскольку промышленность и сельское хозяйство рассчитаны отдельно.

⁶ Об этом говорят следующие данные: (см. прод. вноска табл. на с. 11)

То, что пролетарское государственное хозяйство, исчерпав в основном возможности использования своих наличных основных фондов ⁷, оказалось способным осуществить переход к такому расширению своих основных фондов, означает не что иное, как новое выявление социалистического характера нашей революции ⁸. В этом и состоит громадное принципиальное значение происшедшего в 1927 г. перелома.

Значительная разница между темпами прироста основных фондов государственного хозяйства и всех основных фондов в СССР, взятых в их совокупности, говорит о росте удельного веса и усилении ведущей роли пролетарского государственного хозяйства в экономике СССР, но одновременно говорит о том, что экономика СССР еще далеко не тождественна с государственным хозяйством пролетариата. В самом деле, если бы они совпадали, то темпы прироста их основных фондов также совпадали бы. Только потому, что в своей значительной части по валовой продукции и в большей своей половине по численности населения экономика СССР еще выходит за пределы государственного хозяйства пролетариата, становится возможной указанная разница в темпах прироста их основных фондов.

Основную массу этой не являющейся государственным хозяйством части экономики СССР составляет то, что известно под названием частного хозяйства ⁹.

Г О Д Ы	у д е л ь н ы й в е с			
	фабр.-зав. промышленности	государственного хозяйства		
	в валовой продукции народного хозяйства (промышленности и с. х-ва) (в довоен. ценах)	в совокупном народном доходе (в ценах соотв. лет)	в основных фондах народного хозяйства СССР (в ценах 1926/27 гг.)	
1920	8%	—	—	—
1920/21	11%	—	—	—
1921/22	16%	—	—	—
1922/23	18%	—	—	—
1923/24	19%	21%	—	—
1924/25	26%	27%	—	—
1925/26	30%	31%	38%	49%
1926/27	32%	33%	41%	49%
1927/28	37%	37%	42%	50%
1928/29	—	41%	42%	52%
1929/30 (намечено планом)	—	46%	48%	56%

⁷ Эти возможности исчерпаны еще отнюдь не полностью; но настолько, что без перехода к расширению его основных фондов государственному хозяйству пролетариата грозила бы утеря его ведущей роли в экономике СССР.

⁸ Наоборот, если бы пролетарское государственное хозяйство оказалось вообще неспособным к такому расширению своих основных фондов, это означало бы, что наша революция лишь буржуазная и следовательно лишь национальная русская революция.

⁹ То, что объединяется под этим названием, совершенно неоднородно: под него подводится не только капиталистическое и мелкобуржуазное хозяйство, но даже и домашнее хозяйство работников (рабочих и служащих) пролетарского государственного хозяйства.

О развитии этого так наз. частного хозяйства говорят следующие данные:

Процент ежегодного прироста
основных фондов ¹⁰

Г о д ы	Частных	Всех
1923/24	+ 4	+ 1
1924/25	+ 4	+ 2
1925/26	+ 5	+ 4
1926/27	+ 4	+ 5
1927/28	+ 3	+ 6
1928/29	+ 2	+ 7
1929/30 (намечено планом)	+ 3 (?)	+ 14

Здесь прежде всего обращает на себя внимание, что уже в 1923/24 г. частное хозяйство в противоположность еще сокращавшему тогда свои основные фонды государственному хозяйству расширяло свои основные фонды и притом почти максимальным оказавшимся доступным для него темпом. Оно начало расширять их явным образом раньше, повидимому с 1922/23 г. и вероятно даже с 1921/22 г. (кроме, разумеется, сельского хозяйства пораженных неурожаем 1921 г. районов), так как едва ли оно сразу достигло такого значительного темпа расширения своих основных фондов. Чтобы оценить этот (снившийся лишь в самые последние годы) темп по достоинству, нужно принять во внимание, что 4—5% среднего ежегодного прироста основных фондов давали в предвоенные десятилетия из больших капиталистических стран лишь Соединенные штаты Северной Америки, а Англия напротив только около 1/2% ¹¹ и что у нас—по отношению к частному хозяйству—речь идет о приросте основных фондов (если брать главную их массу) не капиталистического, а мелкобуржуазного хозяйства, характеризующегося вообще значительно меньшей способностью к расширению, чем капиталистическое хозяйство, и уж тем бо-

¹⁰ И к этим данным относятся замечания сноски 2, в частности о разное данных „Контр. цифр“ за разные годы.

Процент прироста частных основных фондов по
„Контр. цифрам“

Г о д ы	на 1926/27	на 1927/28	на 1928/29	на 1929/30
1923/24	+ 2,2			
1924/25	+ 2,3	+ 3,6		
1925/26	+ 2,4	+ 3,9	+ 4,7	+ 4,7
1926/28		+ 3,8	+ 4,2	+ 4,2
1927/27			+ 3,4	+ 3,4
1928/29				+ 2,0
1929/30 (намеч. планом)				+ 2,7

Значительная разница в данных „Контр. цифр“ на 1926/27 гг. и на 1927/28 гг. обусловливается в основном недоучетом в первых крестьянских построек и прироста скота. Поэтому и для 1923/24 гг. мы приняли в тексте тот же прирост, что и для следующего года. Проектируемое „Контр. цифрами“ на 1929/30 гг. новое увеличение процента прироста основных фондов частного хозяйства (перелом в движении процента прироста этих фондов) явно не будет иметь места; громадный непредвиденный „Контр. цифрами“ размах коллективизации заставляет ожидать прямого снижения частных основных фондов. Поэтому соответственные предположения „Контр. цифр“ на 1929/30 гг. сопровождаются в этой, как и в последующих таблицах, вопросительным знаком.

¹¹ См. С. Фалькнер, Соединенные штаты в мировом хозяйстве.

лее—чем капиталистическое хозяйство самой мощной (и притом молодой) капиталистической страны мира. В этом темпе роста производительных сил так наз. частного хозяйства сказалась прежде всего реализация завоеваний аграрной революции, развязавшей производительные силы мелкого (крестьянского) хозяйства, которые были до того скованы опутывавшими крестьянское хозяйство пережитками крепостнических отношений. В период гражданской войны крестьянство вынуждено было, поскольку оно (нехотя) шло на удушение рынка, временно отказаться от реализации завоеваний аграрной революции, от своего превращения в свободного товаропроизводителя, с переходом же пролетариата к так наз. новой экономической политике крестьянство (те слои его, которые располагали необходимыми средствами производства) приступило наконец к реализации завоеваний аграрной революции¹². Конечно в темпе расширения основных фондов частного хозяйства в известной мере сказался также и рост капиталистического хозяйства (хотя главным образом не он, а рост мелкобуржуазного хозяйства)¹³.

В противоположность отмеченному выше быстрому нарастанию темпа прироста основных фондов пролетарского государственного хозяйства, частное хозяйство характеризуется сначала (с 1923/24, а вероятно и с более раннего года, по 1925/26 г.) медленным¹⁴ нарастанием темпа прироста его основных фондов, сменяющегося затем (в 1926/27 г.) уменьшением темпа прироста его основных фондов, следовательно замедлением расширения этих фондов, а с 1929/30 г., по всей вероятности, прямым сокращением их.

В результате в 1926/27 г. темп прироста основных фондов частного хозяйства отстает от темпа прироста всех основных фондов СССР, взятых в их совокупности, и чем дальше, тем сильнее.

Разница процентов прироста основных фондов частного хозяйства и всего народного хозяйства

Годы		
1923/24	+ 3	} частное хозяйство обгоняет
1924/25	+ 2	
1925/26	+ 1	
1926/27	- 1	} частное хозяйство отстает
1927/28	- 3	
1928/29	- 5	
1929/30 (намечено планом)	-11	

1927 г. и здесь оказывается переломным годом.

Однако под именем частного хозяйства объединяются, как уже было отмечено выше, весьма различные вещи. Необходимо поэтому подробнее рассмотреть его.

Прежде всего в частное хозяйство включено домашнее хозяйство, в том числе и домашнее хозяйство работников (рабочих и слу-

¹² В то же время начался и рост кооперации, носящей в условиях диктатуры пролетариата социалистический характер. (1) ростом кооперации (о ней см. ниже) и связано в основном снижение темпа роста частного хозяйства в последние годы.

¹³ О темпах роста капиталистического и мелкобуржуазного хозяйства смотри ниже.

¹⁴ На десятые доли процента, т. е. примерно в десять раз более медленным нарастанием темпа прироста его основных фондов, чем у государственного хозяйства пролетариата за те же годы. По указанной в сноске

жащих) пролетарского государственного хозяйства и пролетарского государства вообще. Рост численности и подъем жизненного уровня этих работников ведет в течение известного времени к росту их частного домашнего хозяйства, пока еще не развернулась полным темпом социалистическая перестройка домашнего хозяйства, неизбежно далеко отстающая от социалистической перестройки производства (и обмена).

Рассмотрим поэтому отдельно движение производственных (включая обмен) и потребительских (жилищных) фондов частного хозяйства:

Процент прироста основных фондов частного хозяйства ¹⁵

Годы	всех	производственных	потребительских (жилищных)
1923/24	+ 4	+ 5	+ 2
1924/25	+ 4	+ 5	+ 3
1925/26	+ 5	+ 6	+ 3
1926/27	+ 4	+ 6	+ 3
1927/28	+ 3	+ 4	+ 2
1928/29	+ 2	+ 1	+ 2
1929/30 (намечено планом)	+ 3 (?)	+ 2 (?)	+ 3

Мы видим, что все сказанное выше об основных фондах частного хозяйства полностью относится и к производственным основным фондам его; однако замедление расширения последних более резкое. Жилищные фонды частного хозяйства напротив того расширяются:

10 причине процент для 1923/24 г. принят в тексте такой же, как и для 1924/25 г.

В „Контр. цифрах“ нет подразделения сельскохозяйственных жилых построек на частные, кооперативные и государственные; они целиком отнесены в вышеприведенных расчетах к частным. Однако соответственная поправка ввиду ее ничтожных размеров не могла бы изменить результатов сколько-нибудь заметно.

¹⁵ К этим данным также относятся замечания сноски 2. Разнобой здесь еще больше.

Процент прироста производственных основных фондов частного хозяйства по „Контр. цифрам“.

Годы	на 1926/27	на 1927/28	на 1928/29	на 1929/30
1923/24	+ 3,7			
1924/25	+ 3,7	+ 4,7		
1925/26	+ 3,5	+ 5,7	+ 6,5	+ 6,3
1926/27		+ 4,8	+ 5,9	+ 5,8
1927/28			+ 3,7	+ 4,2
1928/29				+ 1,4
1929/30 (намечено планом)				+ 2,9

Процент прироста потребительских (жилищных) основных фондов частного хозяйства по „Контр. цифрам“

Годы	на 1926/27	на 1927/28	на 1928/29	на 1929/30
1923/24	+ 0,9			
1924/25	+ 1,1	+ 2,5		
1925/26	+ 1,4	+ 2,4	+ 2,8	+ 3,0
1926/27		+ 3,4	+ 3,0	+ 2,7
1927/28			+ 3,0	+ 2,3
1928/29				+ 2,5
1929/30				+ 3,2

довольно равномерно ¹⁶. В результате уже в истекшем 1928/29 г. рост потребительских основных фондов частного хозяйства обгоняет рост его производственных основных фондов: иными словами частное хозяйство начинает развиваться преимущественно как домашнее хозяйство, как придаток государственного хозяйства пролетариата (и связанного с ним кооперативного хозяйства). Напротив того рост производства (продолжая, как мы видели, нарастать усиливающимся, переходящим в скачкообразный темп) происходит почти целиком в рамках государственного (и кооперативного) хозяйства ¹⁷.

Если выключить домашнее хозяйство, то частное хозяйство окажется включающим в себя в основном ¹⁸ мелкобуржуазное хозяйство (хозяйство мелких товаропроизводителей) и хозяйство капиталистическое. Мелкобуржуазное хозяйство, как известно, непрерывно порождает капитализм и является его самой глубокой и самой прочной основой. К сожалению, „Контр. цифры“ не содержат еще данных, которые позволили бы отделить основные фонды мелкобуржуазного и капиталистического хозяйства ¹⁹.

Придется поэтому об интересующем нас вопросе судить по другим менее надежным признакам.

Годы	Процент прироста производственных основных фондов частного хозяйства	Процент прироста числа наемного персонала частного хозяйства ²⁰
1924/25	+ 5	+ 13
1925/26	+ 6	+ 20
1926/27	+ 6	+ 2 (+ 5)
1927/28	+ 4	- 10 (- 6)
1928/29	+ 1	- 4 (- 2)
1929/30 (намечено планом)	+ 2 (?)	- 3 (- 1) (?)

¹⁶ По приведенным в предыдущей ссылке данным с 1925/26 г. по 1927/28 г. их расширение несколько замедлилось, а в 1928/29 году несколько ускорилось.

¹⁷ Из прироста основных фондов частного хозяйства приходилось (в %).

Годы	На прирост производственных фондов	На прирост потребительских (жилищных) фондов
1927/28	67	33
1928/29	36	64

Из прироста производственных (включая обмен) фондов приходилось:

Годы	На государственное и кооперативное хозяйство	На частное хозяйство
1925/26	51%	49%
1926/27	64%	36%
1927/28	77%	23%
1928/29	94%	6%

К производству (включая обмен) отнесены: промышленность, электростанции, сельское хозяйство, транспорт, связь, торгово-складское дело и коммунальное хозяйство.

¹⁸ В основном, т. к. в экономически отсталых частях Союза, где еще сохранились пережитки докапиталистических отношений, в основные фонды частного хозяйства включены и основные фонды хозяйств с указанными пережитками. Играла известную роль в этих частях Союза, они для общесоюзных итогов имеют весьма небольшое значение.

¹⁹ В полном объеме такое выделение наталкивается пока на значительные трудности.

²⁰ Данные разных контрольных цифр в этом пункте сильно расходятся: (продолж. см. стр. 16).

Прежде всего обращает на себя внимание исключительно высокий темп увеличения числа наемных рабочих (и служащих) частного хозяйства в 1924/25 и 1925/26 гг. В 1925/26 г. около двух третей

Процент прироста числа наемных рабочих (и служащих) частного хозяйства в „Контр. цифрах“

Годы	на 1926/27	на 1927/28	на 1928/29	на 1929/30
1924/25	+ 13,1			
1925/26	+ 14,1	+ 20,4 (+ 21,9)		
1926/27		+ 3,3 (+ 2,7)	+ 3,8 (+ 6,8)	+ 1,8 (+ 4,5)
1927/28			+ 0,9 (+ 1,1)	- 9,8 (- 6,3)
1928/29				- 4,3 (- 2,2)
1929/30 (намечено планом)				- 2,8 (- 1,3)

Особенно сомнителен здесь размер сокращения в 1927/28 г. Согласно „Контр. цифрам“ на 1928/29 г. в 1927/28 г. вообще еще сокращения не было, а был небольшой прирост, по „Контр. цифрам“ на 1929/30 оказывается сокращение на 10%. В действительности сокращение, повидимому было, но не такое значительное.

Некоторые качания „Контр. цифр“ совершенно непонятны. Напр. данные о числе наемного персонала мелкой частной промышленности таковы:

Годы	Число в тыс. по „Контр. цифрам“		
	на 1926/27	на 1927/28	на 1928/29
1923/24	221		
1924/25	215	69,9	
1925/26	224	74,1	238
1926/27		74,1	274
1927/28			283
1928/29			

Что означает переход от двухсот с лишним тысяч к неполным ста и затем опять возврат к двумстам с лишним тысячам, нам неизвестно.

В тексте взяты округленные до единиц данные последних „Контр. цифр“, для 1924/25 и 1925/26 — данные предыдущих „Контр. цифр“, причем более поздним из них (более полно охватывающим объекты учета) придано основное значение. Данные охватывают промышленность, сельское хозяйство, строительство, транспорт, связь и торговлю. В скобках данные обо всем наемном персонале, включая производство разного рода услуг (преимущественно личную прислугу).

Не лишено интереса, что при сокращении наемного персонала частного хозяйства в производстве и обмене наемный персонал домашнего хозяйства и в производстве услуг возрастает хотя и замедляющимся темпом.

Процент прироста наемного персонала частного хозяйства

Годы	в производстве (и обмене)	прочего
1925/26	+ 20	+ 32
1926/27	+ 2	+ 22
1927/28	- 10	+ 8
1928/29	- 4	+ 6
1929/30 (намечено планом)	- 3	+ 5

Данные округлены до целых. Из непроизводственного персонала частного хозяйства основная масса (до 90%) приходится на личную прислугу.

В связи с этим доля производственного найма все время падает.

Процент наемного персонала частного хозяйства занятого производстве и обмене

Годы	
1925/26	86
1926/27	83
1927/28	80
1928/29	79
1929/30 (намечено планом)	77

И здесь следовательно проявляется процесс оттеснения частного хозяйства в сферу потребления.

этого прироста падало на сельскохозяйственных рабочих. Учет батрачества был поставлен очень плохо, кроме того наемный труд в деревне (в сельском хозяйстве) был легализован лишь весной 1925 г. Не исключена поэтому возможность, что этот темп увеличения числа наемных рабочих (и служащих) частного хозяйства отражает не только экономический процесс, но и изменение его юридических облачений и статистического отображения.

Однако, при составлении „Контрольных цифр“ указанные моменты были повидимому учтены ²¹. Значительный рост капитализма в эти годы показывает, что помимо роста числа наемных рабочих (и служащих) частного хозяйства и другой показатель развития капитализма—обороты частной торговли—дает весьма сходную картину.

Годы	Процент прироста числа наемного персонала частного хозяйства (в производстве и обмене)	Процент прироста оборотов частной торговли	Процент прироста числа наемного персонала частной торговли ²³
1924/25	+ 13	+ 3	+ 10
1925/26	+ 20 (+ 21)	+ 50	+ 30
1926/27	+ 2 (+ 5)	- 14	+ 10
1927/28	- 10 (- 6)	- 43	- 28
1928/29	- 4 (- 2)	- 25	- 38

И частная торговля характеризуется, как видно из этих данных, исключительно высоким темпом роста в 1925/26 г. (так что за два года—1924/25 и 1925/26—рост применения наемного труда в частном хозяйстве и рост частной торговли дают примерно одну и ту же величину).

1927 г. и здесь оказывается переломным. Высокие темпы прироста исчезают, сменяясь для частной торговли снижением, а для

²¹ Так прирост числа с.-х. рабочих частного хозяйства оказывается (по данным „Контр. цифр“ на 1926/27 г.) после легализации их найма в 1925/26 г. меньше, чем в 1924/25 г., а именно в 1924/25 г. + 18%, в 1925/26 г. + 14%. Впрочем, если даже для этих лет принять темп прироста 1926/27 г. (+ 4%), т. е. если принять, что явно неправдоподобно, что снижение темпа прироста к 1926/27 г. вовсе не имело места, прирост числа наемных рабочих (и служащих) частного хозяйства (хотя и понижается вдвое), все еще останется высоким (соответственно 7% и 10%).

²² Исчислено по данным Наркомторга СССР об оборотах торговли за период с 1923/24 по 1928/29 г. Обороты в ценах соответствующего года. Данные с 1925-26 по 1928/29 г. близки к данным „Контр. цифр“ на 1929/30 г.

²³ Процент прироста частного наемного персонала частной торговли по данным „Контр. цифр“.

Годы	на 1926/27	на 1927/28	на 1928/29	на 1928/29
1924/25	+ 9,7			
1925/26	+ 31,7	+ 33,1		
1926/27		+ 0,0 (?)	+ 10,0	+ 9,8
1927/28			- 26,9	- 27,6
1928/29				- 37,8
1929/30	(намечено планом)			- 29,2

Неизменность численности наемного персонала частной торговли в 1926/27 г. по данным „Контр. цифр“ на 1927/28 г. объясняется повидимому отсутствием в момент составления „Контр. цифр“ данных об изменении этой численности.

В тексте взяты для первых двух лет округленные до десятков данные двух первых „Контр. цифр“, для остальных лет округленные до целых данные последних „Контр. цифр“.

Намеченное на 1929/30 г. сокращение скорее слишком мало.

применения наемного труда сначала (в 1926/27 г.) невысоким темпом роста, а затем также снижением.

Уже в 1927 г., в котором началось обострение классовой борьбы, происходит крайне резкое падение—почти приостановка—прироста наемного персонала частного хозяйства—с 20% до 2. Поэтому же с 1928 года начинается—сначала в торговле, а затем и в производстве—перевешивать процесс вытеснения капитализма, который после нескольких лет сравнительно медленного течения вступает в свою решающую фазу в 1930 г. с началом ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации.

Разумеется, капитал многолик, как Янус, и изворотлив, как Протей. К тому же после происшедшей у нас экспроприации крупного капитала он исключительно распылен, представлен преимущественно мелкими, даже мизерно-мелкими и потому трудно уловимыми экземплярами. Поэтому установить действительные размеры капиталистического хозяйства, особенно в период наступления на капитализм трудно, и вполне возможно, что приведенные о сжатии капитализма данные отражают не только экономический процесс, но частично и изменение его юридического облачения и статистического отображения ²⁴.

До 1927 г. шел рост не только применения наемного труда в частном хозяйстве и рост частной торговли, но и раздаточной системы в мелкой промышленности и сдачи средств производства в сельском хозяйстве. Как обстояло дело с этими видами капиталистического предпринимательства в 1928 и 1929 гг., не шел ли одновременно с (сравнительно незначительным) сокращением применения наемного труда и (весьма значительным) сокращением частной торговли рост раздаточной системы в мелкой промышленности, а также—до перехода в 1930 г. к ликвидации кулачества как класса в райо-

²⁴ Так например „Контр. цифры“ на 1929/30 г. дают сокращение в 1927/28 г. наемного персонала в частном хозяйстве (в производстве и обмене с 1833 тыс. до 1653 тыс., т. е почти на 10%).

Это сокращение складывается из следующих частей:

Годы	Численность наемного персонала (в тыс.)	
	в частном с. х-ве	в прочем частн. х-ве
1926/27	1 434	399
1927/28	1 345	308
разница	—89	—91

Таким образом почти половина сокращения приходится на (частное) сельское хозяйство, в котором наемный персонал сократился по этим данным на 6%. Между тем по данным ЦСУ (См. „Сельское хозяйство СССР 1925/28“, Москва 1929, с. 84): численность годовых, срочных и помесичных рабочих в крестьянских хозяйствах и сельских обществах изменялась следующим образом:

Годы	Численность с.-х. рабочих		
	В крестьян. х-вах и о-вах	Только в крестьян. х-вах	В крест. о-вах
	1927 (авг.)	2 382	1 632
1928 (авг.)	2 311	1 492	819
Изменение в % . . .	—3	—8½	+9

Таким образом при сокращении найма в частных крестьянских хозяйствах шел рост его в крестьянских обществах, повидимому не принятый в расчет „Контр. цифрами“.

Между тем этот необычайный рост наемного труда в крестьянских обществах (9% в один год) вероятно представлял собой в значительной части прикрытый вывеской общества наем частными хозяйствами.

нах сплошной коллективизации—и рост сдачи средств производства в сельском хозяйстве и известный рост лжекооперативов (промысловых и сельскохозяйственных) и лжеколхозов, на этот счет данных нет ²⁵.

Однако, если даже прямое сокращение капиталистического хозяйства началось быть может на год позже и происходило менее резким темпом, чем рисуют приведенные выше данные (что вполне возможно, пока еще существовал и тем более пока—до 1929/30 г.—продолжал еще расширяться огромный массив мелкобуржуазного хозяйства, непрерывно порождающего капитализм), то во всяком случае не подлежит сомнению, что в развитии капитализма на нашей советской почве наступил в 1927 г. перелом ²⁶ от сравнительно значительного расширения капитализма к приостановке этого расширения и к прямому его сокращению.

В связи с этим, если до 1927 г. темп расширения капитализма превосходил темп расширения всего частного хозяйства (производства), то с 1927 г. он уже отстает от темпа расширения всего частного хозяйства.

Разница процентов прироста числа наемного персонала частного хозяйства и основных (производственных) фондов

Годы		частного хозяйства
1924/25	+8	капиталистическое хозяйство обгоняет все частное хозяйство (производство)
1925/26	+14	
1926/27	-4	капиталистическое хозяйство отстает от всего частного хозяйства (производства)
1927/28	-14	
1928/29	-5	
1929/30 (намечено планом)	-5	

Как видно из приведенных выше данных до этого перелома в 1924/25 и 1925/26 гг. (и вероятно и до того, быть может уже с 1921 г.) шел интенсивный рост капитализма. Расширение за один год на 20, даже на 10 процентов, это—несомненно рост весьма значительный. Темп роста капитализма в эти годы повидимому не намного отставал,

²⁵ Довольно многочисленные случаи утайки колхозами хлебных излишков, продажи их из-под полы и т. п. в хлебозаготовительную кампанию прошлого года с особенной ясностью обнаружили наличие лжеколхозов (и капиталистических влияний внутри колхозов вообще). Они несомненно, существовали и раньше, обострение классовой борьбы только выявило их. Их наличие, разумеется, не меняет значения колхозного движения, как формы перехода мелкой буржуазии к социализму, но лишь подчеркивает, что это движение не есть мирное вращение в социализм, а весьма острая классовая борьба. Произведенное в этом году решительное очищение колхозов от кулаков и ликвидация кулачества в районах сплошной коллективизации нанесли, несомненно, решительный удар лжеколхозам и кулацкому влиянию внутри колхозов.

²⁶ Перелом 1927 г. отражают и данные Комиссии СНК СССР по изучению тяжести обложения населения Союза. Согласно этим данным составил (в %):

Прирост дохода (в ценах соответств. года)

Годы	Всех пролет. слоев населения	Буржуазии	Разница
1925/26	+39	+60	+21
1926/27	+2	-4	-6

Однако здесь кулаки не включены в буржуазию (из-за трудностей их выделения) (См. „Тяжесть обложения в СССР“, Москва 1929, с. 37).

а может быть и вовсе не отставал от темпа роста государственного хозяйства пролетариата, как это видно из следующих данных ²⁷:

Процент (прироста наемного персонала (в производстве и обмене)

Годы	Гос. х-ва	Частн. х-ва	Разница	
1924/25	+11	+13	-2	Пролетарское гос. хозяйство отстает от капиталистического
1925/26	+23	+20	+3	
1926/27	+7	+2	+5	Пролетарское государственное хозяйство обгоняет капиталистическое
1927/28	+7	-10	+17	
1928/29	+8	-4	+12	
1929/30				
(намечено планом)	+13	-3	+16	

Итак, до 1927 г. происходил наряду с ростом пролетарского государственного хозяйства и рост капитализма, по своему темпу мало уступавший, а может быть вначале и превосходивший темп роста пролетарского государственного хозяйства ²⁸.

Если принять во внимание, что столь высокий темп прироста рабочих (и служащих) пролетарского государственного хозяйства

²⁷ С 1926/27 г. данные „Контр. цифр“, на 1929/30 г.; для двух предыдущих лет данные предыдущих „Контр. цифр“.

В разных „Контр. цифрах“ и здесь разные данные.

Процент прироста наемного персонала (в производстве и обмене) государственного хозяйства по „Контр. цифрам“

Годы	на 1926/27	на 1927/28	на 1928/29	на 1929/30
1924/25	+10,6			
1925/26	+25,5	+23,4		
1926/27		+4,5	+7,3	+7,2
1927/28			+4,1	+7,0
1928/29				+8,1
1929/30				
(намечено планом)				+13,0

В тексте взяты для каждого года данные наиболее поздних „Контр. цифр“, округленные до целых.

Если брать весь наемный персонал (не только занятый в производстве и обмене), получим:

Процент прироста наемного персонала

Годы	Гос. х-ва	Частного х-ва	Разница
1924/25	+11,6	+13,1	-1,5
1925/26	+19,5 (+25,5)	+21,9 (+14,1)	-2,4
1926/27	+7,9 (+6,8 +5,8)	+4,5 (+6,8 +2,7)	+3,4
1927/28	+6,1 (+3,7)	-6,3 (+1,1)	+12,4
1928/29	+7,2	-2,3	+9,5
1929/30			
(намечено планом)	+10,9	-1,2	+12,1

В столбцах данные наиболее поздних „Контр. цифр“, в скобках предыдущих. ²⁸ Однако удельный вес пролетарского государственного хозяйства возрастал, благодаря более медленному темпу развертывания мелкобуржуазного хозяйства, по сравнению с которым удельный вес капитализма был невелик, так как основной массив капитала был экспроприрован уже Октябрьской революцией. В 1921 и 1922 гг. происходило сокращение числа рабочих (и служащих) в государственном хозяйстве при росте их в частном; в 1923 и 1924 гг. рост числа их в государственном хозяйстве был более медленным, чем в 1925 и 1926 гг.

имел в эти годы место благодаря расширению производства наличных предприятий (использованию до того неиспользованного или неполно использованного оборудования) в то время, как капиталистическое хозяйство расширялось, не располагая неиспользованным оборудованием (в сколько-нибудь значительном размере), то значительность темпа расширения капиталистического хозяйства до 1927 г. выступит особенно выпукло. Причина такого значительного темпа роста капитализма лежит не в чудотворных свойствах капитала, но прежде всего ²⁹ в том, что мелкое товарное производство усилению выделяло капитализм, перерастание мелкого товарного производства в крупное шло пока еще в значительной мере ³⁰ по линии капиталистического развития. В 1927 г. и в этом отношении происходит перелом. Процесс выделения мелким товарным производством капитализма становится менее интенсивным. Зато усиливается особенно резко с 1928 г. процесс кооперативной (коллективистской) переделки мелкого товарного производства, как это показывают следующие данные.

Процент ежегодного прироста основных фондов ³¹

Годы	Всех	Кооперативных
1923/24	+ 1	+10 (?)
1924/25	+ 2	+10 (?)
1925/26	+ 4	+10
1926/27	+ 5	+12
1927/28	+ 6	+22
1928/29	+ 7	+40
1929/30 (намечено планом)	+14	+60

Основные фонды кооперативного хозяйства характеризуются исключительным темпом своего расширения уже с 1923/24 г. (а возможно и раньше). В 1928 г. в этом и без того высоком темпе наступает перелом, начинается его совершенно исключительный

²⁹ Но не исключительно. Известную роль играло и использование капиталом (частником) хозяйственного аппарата пролетарского государства, как это показал ряд процессов (астраханский, смоленский и др.). Вскрытие этих фактов привлекло внимание пролетариата и его партии к этой опасности по всей стране и резко усилило борьбу с таким использованием хозяйственного аппарата пролетарского государства капиталом.

³⁰ Но не только по этой линии. Все принципиальное значение другой — по своему конечному смыслу социалистической — линии перерастания мелкого хозяйства в крупное, значение, подчеркнутое Лениным, выявляется на наших глазах в стремительно бурном росте колхозного движения.

³¹ К этим данным также полностью относятся замечания сноски 2. Здесь разноречивой данных разных „Контр. цифр“ совершенно исключительный.

Процент прироста кооперативных основных фондов по „Контр. цифрам“.

Годы	на 1926/27	на 1927/28	на 1928/29	на 1929/30
1923/24	+20,9			
1924/25	+14,9	+21,5		
1925/26	+23,5	+17,7	+17,6	+10,0
1926/27		+23,9	+21,7	+11,6
1927/28			+37,3	+22,4
1928/29				+40,4
1929/30 (намечено планом)				+60,4

(Прод. сноски см. на об.).

рост, так что, напр. в истекшем 1928/29 г., кооперативные основные фонды возросли за год на сорок (1) процентов.

Разные виды кооперации представляют собой—в наших условиях, в условиях диктатуры пролетариата—форму перерастания мелкобуржуазного хозяйства (а также домашнего хозяйства) в хозяйство общественное. Поэтому полный смысл отмеченного роста кооперативного хозяйства выступает лишь при сопоставлении его с частным хозяйством.

Процент ежегодного прироста основных производственных (включая обмен) фондов народного хозяйства ³²

Годы	частных	кооперативных
1923/24	+5 (+4)	+10 (?)
1924/25	+5 (+4)	+10 (?)
1925/26	+6 (+5)	+10
1926/27	+6 (+4)	+12
1927/28	+4 (+3)	+22
1928/29	+1 (+2)	+40
1929/30 (намечено планом)	+2 (?) (+3)	+60

Здесь очень ярко выступает параллелизм ускорения темпа прироста основных фондов кооперативного и замедления темпа прироста частного хозяйства. Перед нами идущий под руководством пролетариата процесс кооперативной переработки мелкобуржуазного хозяйства в переходную к социализму форму товарищеского коллективного хозяйства, перехода мелкой буржуазии под руководством пролетариата и в борьбе с капиталом с капиталистического пути развития на социалистический. Совокупное рассмотрение кооперативного и частного хозяйства показывает следующую картину ³³.

В тексте взяты округленные до целых данные последних „Контрольных цифр“, а для 1923/24 и 1924/25 гг., поскольку данные соответственных „Контр. цифр“ не показывают значительных изменений процента по сравнению с 1925/26 г., мы приняли процент последнего.

Необходимо иметь в виду, что в кооперативные основные фонды „Контр. цифры“ не включают потребительские (жилищные) основные фонды (последние подразделены на обобщественные и частные).

³² Как указано в предыдущей сноске, потребительские (жилищные) основные фонды кооперативного хозяйства не учтены. Поэтому в тексте сопоставлены производственные основные фонды. В скобках дан процент прироста всех основных фондов частного хозяйства.

³³ Соответствующие „Контр. цифры“ дают следующие данные, по отношению к которым также действительны замечания сноски 2.

Процент прироста частных и кооперативных производственных (включая обмен) основных фондов по „Контр. цифрам“

Годы	на 1926/27	на 1927/28	на 1928/29	на 1929/30
1923/24	+3,7			
1924/25	+4,0	+5,3		
1925/26	+4,1	+5,8	+6,9	+6,4
1926/27		+5,6	+5,8	+6,1
1927/28			+5,0	+5,4
1928/29				+3,9
1929/30 (намечено планом)				+7,0

Процент ежегодного прироста основных производственных (включая обмен) фондов кооперативного и частного хозяйства

Годы	
1923/24	+5
1924/25	+5
1925/26	+6
1926/27	+6
1927/28	+5
1928/29	+4
1929/30	(намечено планом) +7

Сокращение темпа прироста с 1928 г. выступает и здесь, однако значительно смягченное, а именно с 1926/27 г. по 1928/29 г. процент прироста основных производственных фондов сократился

для частного хозяйства. . . . . с 6 до 1, т. е. на 85%³⁴

для частного и кооперативного хозяйства . с 6 до 4, т. е. на 35%.

Но частное хозяйство обнимает в приведенных данных не только мелкобуржуазное, но и капиталистическое хозяйство. Совокупные производительные силы индивидуального мелкобуржуазного и кооперативного хозяйства вероятно не дают снижения темпа их прироста³⁵, но так как одновременно происходило сначала резкое замедление темпа прироста, а затем и сжатие производительных сил капиталисти-

³⁴ Проценты округлены до 5.

³⁵ Основные производственные фонды частного хозяйства в их подавляющей массе (выше чем на 95%) это основные (производственные) фонды частного сельского хозяйства. Если по данным ЦСУ СССР о классовом составе советской деревни (основанным на результатах выборочной переписи 1927 г., охватившей около 660 тыс. хозяйств) и по данным о среднем размере основных фондов производства на одно хозяйство каждой классовой группы в 1926/27 г. (основанным на данных о 480 хозяйствах) оценить долю основных фондов средств производства, приходящуюся на капиталистические хозяйства, то получим, что у неполных 4 процентов крестьянских хозяйств сосредоточено около 11% основных средств производства. Едва ли этот результат преувеличен, вероятнее обратное (данные см. „Сельское хозяйство СССР“, с. 24 и 52).

Что касается мелкой промышленности, на которую приходится почти все остальные основные (производственные) фонды частного хозяйства, то в ней, если принять валовую продукцию на одного рабочего одинаковой в государственной мелкой промышленности и в капиталистической, на капиталистическую приходилось около 11% валовой продукции всей мелкой частной промышленности (см. „Контр. цифры“ на 1929/30 г.).

Если теперь принять, что из основных, производственных фондов частного хозяйства (в 1926/27 г.) 11% составляли основные фонды капиталистического хозяйства, то исходя из приведенных выше ежегодных темпов роста всего частного и капиталистического хозяйства, получим:

Процент ежегодного прироста основных производственных фондов

Годы	Мелкобур-	Мелкобурж.
	жуазного х-ва и	х-ва и
	кооперации	кооперации
1924/25	+4	+4
1925/26	+5	+5
1926/27	+6	+6
1927/28	+6	+7
1928/29	+2	+5
1929/30	(намечено планом) +3 (?)	+8

И здесь выступает снижение темпа, но только в последнем 1928/29 г. (Оно связано с сокращением в этом году скота).

Соотношение между капиталистическим, мелкобуржуазным и кооперативным хозяйством менялось при этом (если исходить из указанных предпосылок) следующим образом (принимая их вместе за 100):

ческого хозяйства, то мелкобуржуазное, капиталистическое и кооперативное хозяйство, взятое вместе, дают (в 1927/28 и 1928/29 гг.) известное замедление прироста их основных фондов.

Кроме того 1928/29 г., в котором это снижение было наиболее значительно, является не только годом резкого усиления процесса идущей под руководством пролетариата кооперативной переработки мелкобуржуазного хозяйства в товарищеское, но и годом громадного роста государственного хозяйства, частично оттягивавшего к себе возможный прирост мелкобуржуазного хозяйства³⁶: втягивание в государственную промышленность (и в другие отрасли государственного хозяйства пролетариата) мелких хозяйств города и деревни, особенно их молодого поколения, частичная ликвидация при этом низшими слоями этих мелких хозяйств своего собственного хозяйства, все более вступающего как цепи, приковывающие их к нищете и культурной отсталости.

Итак, перерастание мелкого хозяйства в крупное все в большей мере идет не в капиталистических, а в кооперативных (коллективистских) формах, следовательно по пути развития—в условиях диктатуры пролетариата—к социализму. Совокупные производительные силы мелкобуржуазного хозяйства и кооперативного (коллективистского) хозяйства, в которое оно все в большей мере переходит, не падают, а растут, притом повидимому ускоряющимся темпом. Но еще быстрее—со времени перелома—растут, как мы видели, производительные силы пролетарского государственного хозяйства.

Этот неудержимо нарастающий темп развертывания производительных сил пролетарского государственного хозяйства, являющийся решающим и неопровержимым доказательством превосходства строя-

Доля в основных (производственных) фондах хозяйства

Годы	капиталистического	мелкобуржуазного	кооперативного
1923/24	8	87	5
1924/25	9	86	5
1925/26	10	85	5
1926/27	10	84 ^{1/2}	5 ^{1/2}
1927/28	9	85	6
1928/29	8	83	9
1929/30 (согласно плану)	7	80	13

Процесс вытеснения капиталистического пути развития мелкого хозяйства (его перехода в крупное) социалистическим выступает здесь с исключительной яркостью. Если рост мелкого хозяйства до 1926/27 г. в большей мере питал развитие капитализма, то с этого—переломного—года он все в меньшей мере питает капитализм, и все в большей мере кооперацию (коллективизацию в сельском хозяйстве и мелкой промышленности). Этот процесс совершался в условиях все возраставшего сопротивления кулачества, все обострявшейся классовой борьбы, приведшей к ликвидации кулачества в районах сплошной коллективизации.

³⁶ Это показывает сопоставление прироста всего населения и пролетариата:

Годы	Прирост за год (в %)	
	всего населения	лиц наемн. труда
1927/28	+2,3	+4,2
1928/29	+2,3	+6,1
1929/30 (намечено планом)	+2,4	+9,2

В 1929/30 г. указанное обстоятельство скажется повидимому еще резче.

щегося социалистического общества над капитализмом и представляющий блестящее доказательство правильности пророческого предвидения Маркса, ведет ко все большему разрыву в темпах развития между пролетарским государственным хозяйством и так наз. частным хозяйством.

Процент ежегодного прироста основных фондов (в производстве и обмене) хозяйства

Годы	государственного ³⁷	частного	разница	
1923/24	— 1	+ 5	— 6	} Государственное хозяйство отстает
1924/25	+ 1	+ 5	— 4	
1925/26	+ 5	+ 6	— 1	
1926/27	+ 8	+ 6	+ 2	} Государственное хозяйство обгоняет
1927/28	+ 11	+ 4	+ 7	
1928/29	+ 15	+ 1	+ 14	
1929/30 (намеч. планом.)	+ 29	+ 2 (3)	+ 27	

Разрыв в темпах развития несомненно усиливался благодаря уменьшению с 1928 г. темпа развития частного хозяйства: но этот разрыв обусловлен в основном не уменьшением темпа роста частного хозяйства, а исключительным увеличением темпа роста государственного хозяйства пролетариата: темп прироста основных фондов государственного хозяйства в настоящем году (согласно плану) превысит почти в пять раз максимальный темп роста, какого достигало у нас частное хозяйство.

Этот факт разрыва в темпах развития производительных сил государственного хозяйства пролетариата и так наз. частного хозяйства, притом разрыва, вызванного быстрым нарастанием темпа развития пролетарского государственного хозяйства есть факт громадной принципиальной важности.

Чтобы оценить все фундаментальное значение этого факта, достаточно поставить перед собой вопрос, что означало бы, если бы такого рода разрыв темпов не имел места, т. е. если бы темп роста производительных сил пролетарского государственного хозяйства не обогнал бы темп роста производительных сил так наз. частного хозяйства, а наоборот отставал бы от него. Это означало бы, что Октябрьская революция развязала в большей мере производительные силы частного хозяйства, это означало бы, что рост производительных сил обобщественного хозяйства не в состоянии удовлетворить тем требованиям, которые им предъявляет развязанное революцией развитие

³⁷ И к этой таблице относятся замечания сноски 2. Разные „Контр. цифры“ дают следующие данные:

Процент ежегодного прироста основных фондов государственного хозяйства (в производстве и обмене) по „Контрольным цифрам“

Годы	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30
1923/24	— 1,1			
1924/25	+ 0,2	+ 1,0		
1925/26	+ 4,3	+ 4,3	+ 4,4	+ 4,8
1926/27		+ 6,0	+ 6,7	+ 7,6
1927/28			+ 10,2	+ 10,6
1928/29				+ 14,9
1929/30 (намечено планом)				+ 28,7

производительных сил частного хозяйства, что обобщественное хозяйство становится препятствием для развития производительных сил пооктябрьского общества, что оно поэтому может существовать лишь как временное явление, словом, что наша революция есть революция по существу дела буржуазная и следовательно революция национальная, как это утверждают современные социал-демократы и прочие идеологи капитала.

Но именно поэтому тот факт, что при общем непрерывно нарастающем подъеме производительных сил страны, взятых в их совокупности, темп роста обобщественного хозяйства не только не отстает, а напротив того резко обгоняет темп роста частного хозяйства, этот факт означает, что наша революция развязала в большей мере производительные силы обобщественного хозяйства, что рост производительных сил частного хозяйства оказывается не в состоянии удовлетворить тем требованиям, которые им предъявляет развязанное революцией развитие производительных сил обобщественного хозяйства, что частное хозяйство становится препятствием для развития производительных сил пооктябрьского общества, словом, что наша революция есть по основному своему содержанию революция социалистическая, что диктатура пролетариата есть лишь политическое выражение социалистического характера нашей революции, выражение переворота в способе производства, а не случайный эпизод истории. Это означает в то же время, что наша революция не просто национальная русская революция, а предвестник и этап мировой пролетарской социалистической революции. И именно вследствие того, что наша революция является социалистической революцией и что в процессе своего развития она вступила в такой период, когда частное хозяйство стало препятствием для развития производительных сил советского общества, именно поэтому наступил связанный и в стадии его подготовки и в стадии его осуществления с резким обострением классовой борьбы момент нового скачка от частного хозяйства к обобщественному. Убедительнейшим свидетельством этого является наряду со стремительным ростом совхозов исключительно бурный подъем коллективизации, развернувшийся в течение последних месяцев, ведущий к решающему изменению социальной структуры нашего сельского хозяйства и тем меняющий структуру всей экономики СССР, в котором капитализм лишается питающей его базы мелкого товарного хозяйства и ликвидируется по мере исчезновения этой базы (ликвидация кулачества в районах сплошной коллективизации), а обобщественное хозяйство становится господствующим во всех основных отраслях народного хозяйства СССР.

К АНАЛИЗУ ПЕРЕХОДНОГО ХОЗЯЙСТВА ¹

Пролетарская революция ставит своей целью превращение капиталистического общества в социалистическое. „Эту цель нельзя осуществить сразу, она требует довольно продолжительного переходного периода от капитализма к социализму,—и потому, что реорганизация производства вещь трудная, и потому, что нужно время для коренных перемен во всех областях жизни, и потому, что громадная сила привычки к мелкобуржуазному хозяйничанью может быть преодолена лишь в долгой упорной борьбе. Поэтому Маркс и говорит о целом периоде диктатуры пролетариата, как периоде перехода от капитализма к социализму“ ². В течение этого переходного периода совершается процесс трансформации хозяйства, „реорганизации производства“. Хозяйство как бы непрерывно меняется, превращаясь из капиталистического в социалистическое. Можно ли в таком случае говорить о переходном хозяйстве единого типа на протяжении всего периода перехода от капитализма к социализму?

В статье А. Леонтьева „Ленин об экономике и политике в эпоху диктатуры пролетариата“ ³ мы находим следующую критику теории правого уклона: „Историческую эпоху боев за социализм правые теоретики окрашивают в весьма гармонические цвета процесса мирного вставания кулака в социализм. Скрадывая противоречия переходного периода, правые идеологи не в состоянии брать переходную эпоху в ее развитии. В их представлении переходный период превращается в какое-то неизменное, всегда себе равное состояние... Они снимают проблему продвижения к социализму, предполагающую смену различных этапов внутри переходного периода. Правые оказываются слепыми по отношению к этой неизбежной смене этапов, смене различных периодов внутри переходной эпохи“ (разрядка моя—Б. Р.). В этом случае Леонтьев считает, что переходный период не представляет какого-то „неизменного, всегда себе равного состояния“, что внутри переходного периода имеются различные этапы, еще различные „периоды“.

Против подобных утверждений, высказанных в такой общей форме, возражать конечно, не приходится. Всякая эпоха, даже и непереходного хозяйства, не представляет „всегда себе равного состоя-

¹ В порядке обсуждения—Ред.

² Ленин, т. XVI, изд. 1-е, с. 226—227.

³ „Экономич. Обзор.“ № 1, 1930, с. 23.

ния". Внутри капитализма мы можем напр. разграничить эпохи (этапы, периоды) торгового, промышленного и финансового капитализма. Смешивать промышленный капитализм с периодом империализма отнюдь не приходится. Но, разделяя эти этапы, необходимо всегда помнить, что мы имеем дело все-таки с этапами развития одного и того же хозяйства, одного и того же типа хозяйства. У нас нет оснований считать, что т. Леонтьев отрицает единство природы переходного хозяйства на разных этапах развития этого хозяйства. Но многие другие авторы такой теории этапов придерживаются (в том числе много практических работников, которые, не вдаваясь в сущность такой теории, в своей работе претворяют ее в действительность).

В нашей литературе достаточно разъяснен вопрос о единстве системы переходной экономики, выяснены ошибки „правых“ и „левых“, не понимающих природы этого единства, но очень мало затрагивалась проблема единства переходной экономики на разных этапах развития этой экономики, между тем как единство в этом смысле очень многими отрицается. В самой общей форме это делается при отрицании возможности воспроизводства системы переходной экономики.

1. ВОСПРОИЗВОДИТСЯ ЛИ СИСТЕМА ПЕРЕХОДНО. О ХОЗЯЙСТВА?

„Какова бы ни была общественная форма процесса производства, он во всяком случае должен быть непрерывным, т. е. должен периодически все снова и снова пробегать одни и те же стадии. Общество не может перестать производить, как не может оно перестать потреблять. Поэтому всякий процесс общественного производства, рассматриваемый в постоянной связи и в непрерывном потоке своего возобновления, является в то же время процессом воспроизводства“^{3а}.

Многие, думая, что данное положение Маркса неприменимо к переходному хозяйству, объясняют это следующим образом: воспроизводство предполагает воссоздание наличных общественных отношений, напр., „если производство имеет капиталистическую форму, то и воспроизводство имеет такую же форму“⁴. Между тем в переходном хозяйстве происходит трансформация одних отношений—капиталистических—в другие—социалистические. Отношения, которые имеются к началу производственного процесса, отнюдь не восстанавливаются к концу этого процесса, т. к. система находится в постоянном процессе перерождения общественных отношений. „Говорить при таких условиях о воспроизводстве системы производственных отношений переходной экономики, понимая под этим воспроизводство наличного сочетания социально-экономических отношений, значит просто не понимать переходного характера нашей экономики“⁵.

Но раз так, то не может быть и системы переходного хозяйства как длительно существующего явления, а существуют лишь последовательно друг за другом следующие какие-то системы производственных отноше-

^{3а} Маркс, Капитал, т. I, изд. 1930, с. 443.

⁴ Там же, с. 444.

⁵ Виткуп Арк., статья в журнале „Плановое хозяйство“ № 7 за 1929, с. 173.

ний, но не развитие одной и той же системы. И Арк. Виткуп вполне последовательно заявляет: „В применении к экономике переходного периода ясно, что нельзя говорить о трансформационном процессе, как об имманентных фазах развития данного уклада (разрядка автора—*Б. Р.*), уклада экономики переходного периода, прежде всего потому, что наша хозяйственная система не есть хозяйственный уклад, формация хозяйственная (вспомним тот признак, который Маркс кладет в основу определения хозяйственной формации)“⁶. Что система переходного хозяйства есть сочетание разных хозяйственных укладов—это факт, не подлежащий никакому сомнению. Но вопрос не в этом, а в том, можно ли рассматривать наше хозяйство как систему производственных отношений, как развивающуюся, воспроизводящую систему или такой подход к нашему хозяйству не применим? Можно ли смотреть на наше хозяйство в различных периодах его развития, как на развитие определенной системы, определенного „сочетания социально-экономических отношений“ или этого нельзя делать? При отрицательном ответе отпадают все проблемы, связанные с условиями воспроизводства переходного хозяйства.

Но так как это хозяйство со всеми его проблемами существует и действительно требует разрешения этих задач, то т. Виткуп (на сей раз совсем непоследовательно) принужден признать, что „тем не менее понятие „воспроизводство“ не только применимо к нашим условиям,— оно составляет одно из основных орудий исследования трансформационного процесса. Но в наших условиях воспроизводится именно трансформационный процесс; воспроизводится не динамика наличных отношений, не экономическая система, а динамика ее перерождения“⁷. Итак, экономическая система не воспроизводится, а воспроизводится „динамика перерождения“ этой системы.

Если точку зрения т. Виткупа конкретно применить к нашему хозяйству, то это означает, что экономическая система, которую мы имели в 1922 г., и экономическая система, которую мы имеем в 1930 г., являются принципиально различными системами. Общее для них только то, что как в 1922 г., так и в 1930 г., налицо имеется „трансформационный процесс“, который, как „дух святой“, носится над этими экономическими системами. Здесь полное непонимание природы переходного хозяйства. В сущности говоря, здесь мы имеем тот же методологический подход, который заставляет некоторых авторов разграничивать переходный период на этапы: в одних господствует закон стоимости, в других плановое регулирование и т. д. У т. Виткупа наиболее ярко проявилась эта в корне неправильная точка зрения. А между тем, мы только тогда правильно поймем природу нашего хозяйства на отдельных этапах его развития, если мы всегда будем рассматривать его, как момент в развитии переходного хозяйства. Нельзя разграничивать нашу систему от трансформационного процесса, без которого нет никакой системы переходного хозяйства. Тов. Виткуп считает, что „не только можно, но и обязательно должно исследовать проблему воспроизводства в СССР, но это не есть исследование условий воспроизводства

⁶ Виткуп Арк., цит. статья, с. 175.

⁷ Там же, с. 173.

нашей системы, это есть исследование условий воспроизводства форм становления социалистических производственных отношений" ⁸. Итак, может быть какая-то „наша система“ (экономики), которая в то же время не является „формой становления“ социалистических производственных отношений.

Пункт, на котором споткнулся т. Виткуп (и многие другие), станет особенно ясным из его применения термина „наличные“: „В наших условиях воспроизводится не система наличных отношений" ⁹ (с. 173, разрядка моя—*В. Р.*) или: „нельзя говорить о воспроизводстве системы наличных отношений в целом" ¹⁰ (разрядка автора). Ясно, что из „наличных“ отношений автор исключает их переходный характер. Система наличных отношений является совокупностью укладов, а т. к. удельный вес этих укладов все время меняется, то „нельзя говорить о воспроизводстве системы наличных отношений в целом“. Но совокупность различных укладов еще не делает из них системы. И при капитализме могут существовать различные уклады, но все они вместе составляют систему капиталистических отношений. Если в нашем хозяйстве мы имеем систему переходного к социализму хозяйства, то основное, что определяет характер нашей системы,—это не наличие разных укладов, и даже не удельный вес каждого из них в отдельности, а характер отношений между этими укладами, характер, выявляющийся из тенденций развития нашего хозяйства и присущий ему на каждом этапе его развития. На разных этапах развития переходного хозяйства удельный вес разных секторов различен; но на каком бы этапе мы ни взяли систему отношений переходного хозяйства, эта система предполагает наличие двух основных укладов: социалистического сектора и частного сектора и наличие определенного типа взаимоотношений между ними, характеризующегося тенденцией превращения всего народного хозяйства в социалистическое хозяйство. „Трансформационный процесс“ не витает в воздухе, он является основным отношением системы переходного хозяйства и в каждый данный момент определяет характер его, как переходного хозяйства.

Поэтому-то „не только можно, но и обязательно должно исследовать проблему воспроизводства в СССР“, и это есть исследование условий воспроизводства нашей системы, как системы переходного хозяйства. „Наличные“ в данный момент отношения в нашем хозяйстве, т. е. система, представляющая объединение различных укладов, трансформирующихся в социалистическое хозяйство, воспроизводится процессом воспроизводства этого хозяйства, которое понятно включает экономическую политику пролетарского государства как один из своих определяющих факторов.

Для тех, кому непонятна сущность нашей системы хозяйства, кажется, что если мы признаем наличие воспроизводства этой системы, то этим самым мы декларируем застывание этой системы: „в отношении хозяйства переходного периода было бы бессмысленно говорить о схеме воспроизводства данной системы,—системы на-

⁸ Виткуп А. р. к., цит. статья, с. 173, разрядка автора.

⁹ Там же, с. 173.

¹⁰ Там же, с. 172.

личных отношений производства (хотя бы и на расширенной основе); бессмысленно строить схему воспроизводства, т. е. непрерывного повторения наличных взаимосвязей и отношений, составляющих лицо нашей экономики на сегодняшний день. Тем самым мы как бы *a priori* отрицаем переходный характер нашей экономики и возможность перехода к социализму“¹¹. Из указанного выше ясна ошибка автора: он не понимает, что „наличные взаимосвязи и отношения, составляющие лицо нашей экономики на сегодняшний день“ уже включают в себя тенденцию к превращению нашего хозяйства полностью в социалистическое хозяйство.

Схема воспроизводства нашего хозяйства должна предполагать наличность минимум двух секторов и изменение их взаимоотношений между этими секторами в сторону обобществления народного хозяйства. Отсюда следует, что понятие „воспроизводство“ в переходном хозяйстве, включая в себя понятие трансформации общественных отношений, тем самым отличается от понятия воспроизводства всякого иного более устойчивого хозяйства. Но иначе и быть не может: переходный характер нашего хозяйства ведь прежде всего проявляется в условиях воспроизводства этого хозяйства.

II. „ЭТАПЫ“ ПЕРЕХОДНОГО ХОЗЯЙСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ ПЕРЕХОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Отрицание единства природы переходного хозяйства на всем периоде его развития, не всегда высказывается в форме отрицания воспроизводства системы переходного хозяйства. Очень часто мы имеем его в форме разбивки переходного хозяйства на этапы, когда оказывается, что в природе хозяйств этих „этапов“ в сущности нет ничего общего. Наиболее ярко выражена эта теория „этапов“ т. Козловым¹².

Тов. Козлов считает, что „руководящая роль плана имманентно присуща хозяйству переходного периода. Но она реализуется не сразу“¹³. В зависимости от этого и определяются три этапа в развитии переходного хозяйства: „Первый короткий этап—этап господства стоимости..., второй этап—этап зарождения планового начала“¹⁴. Более подробной характеристики первого этапа т. Козлов не дает. Второму этапу он уделяет большее внимание: „Одни оценивали план и стоимость как две антагонистические по своему существу силы с момента зарождения планового начала в нашей экономике... они не понимали этапа, когда должна и может существовать гармония между планом и стоимостью“¹⁵. „...План вносит коррективы в действие закона стоимости. Однако в основном дело сводится не столько к созданию новых пропорций, сколько к предвосхищению стихийных закономерностей, к ускорению всего темпа развития“¹⁶.

Третий этап т. Козлов характеризует, как период господства плана: „...приходится констатировать наличие двух начал в совет-

¹¹ Виткуп А., цит. статья, с. 172.-

¹² Козлов, К вопросу о природе денег и о законах денежного обращения в СССР. Статья в журнале «Плановое хозяйство» № 8 за 1928.

¹³ Там же, с. 117.

¹⁴ Там же, с. 120.

¹⁵ Там же, с. 118. Разрядка моя—Б. Р.

¹⁶ Там же, с. 116.

ской экономике, проходящих этапы сотрудничества, обостренной борьбы и преобладания одного из них—плана“¹⁷. Об этом третьем этапе говорится, что „внешняя форма связи здесь не должна обманывать... суть же дела заключается в том, что развитие плана, его решающая во всем хозяйстве роль означает уничтожение в решающей степени противоречия между абстрактным и конкретным трудом. В той же мере, в какой оно все же остается, оно играет весьма подчиненную роль“¹⁸.

Устанавливаемая на этом этапе „плановая система цен означает поэтому принципиально иные отношения (здесь разрядка моя — *Б. Р.*), — такое состояние обобществления, когда в основном направлении развитие хозяйства (пропорции) устанавливается планом. Но это означает, что система цен освобождается от каких бы то ни было эквивалентных отношений к золоту, что система цен—это просто намечаемое перераспределение труда путем действия этого именно механизма (мы подчеркиваем, этого именно, у плана есть ряд других перераспределяющих рычагов)“¹⁹. „Полная рационализация хозяйственной жизни еще не достигнута. Еще существуют участки хозяйства, хотя и подчиненные плану, но через стоимость. Отсюда сам план облекается во внешнюю форму стоимости. Но это лишь мимикрия плана“²⁰.

Итак, переходное хозяйство в своем развитии проходит три этапа: первый этап господства стоимости, второй этап сотрудничества стоимости и плана, хотя план только предвосхищает стихийные закономерности, третий этап, господства плана, хотя и в стоимостной оболочке.

Теория „сотрудничества“ плана и стихии и предвосхищения планом стихийных закономерностей за последнее время получила свою оценку в процессе борьбы партии с правым уклоном (теория „равновесия секторов“, „закон трудовых затрат“ и т. д.). Но и в своей характеристике третьего этапа т. Козлов далеко не остается одиноким. Вот более авторитетный голос:

„Крупнейшим поворотом в ходе нашей революции был поворот 1921 г., переход от железного, сурового и прямолинейного „военного коммунизма“ к гибкой, эластичной и маневренной „новой экономической политике“..., в настоящее время мы переживаем другой крутой перелом, с большой перегруппировкой классовых сил, с чрезвычайным обострением классовой борьбы, с перестройкой рядов внутри рабочего класса... Наконец, необходимо отметить, что техническая революция в целом меняет формы связи между городом и деревней, ускоряя все тенденции, сокращающие объем рыночных отношений и заменяющие их договорными отношениями между различными государственными, кооперативными и другими организациями. А это есть не что иное, как сокращение объема нэпа“²¹. Как видим, по Бухарину, переживаемый нами сейчас этап отличается от предыдущего „этапа нэпа“, так же, как последний отличается от периода военного коммунизма; на этом этапе происходит „сокращение объема нэпа“.

¹⁷ Козлов, цит. статья, с. 120. Разрядка моя—*Б. Р.*

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, с. 123.

²⁰ Там же, с. 120. Разрядка моя—*Б. Р.*

²¹ Бухарин Н. И., Великая реконструкция, «Правда» от 19 февраля 1930.

Бухарин ставит знак тождества между «рыночными отношениями» и нэпом. Здесь сказывается понимание новой экономической политики как политики «сожительства» с частным сектором, понимание, являющееся евангелием правого уклона, с которым партия все время боролась и продолжает бороться. Точно так же, как Бухарин в политике нэпа не заметил того, что это не политика сожительства с частным сектором, а политика борьбы с ним, политика построения социализма, точно так же он не видит, что последний переживаемый нами этап сохранил основные черты предыдущих. Если в период нэпа частные отношения не изживаются и не преобладают, а «сожительства», то последний этап характеризуется тем, что отношения с частными хозяйствами на этом этапе совершенно не играют роли, решающими являются только «договорные отношения между государственными, кооперативными и другими организациями»,—всюду «организации», а частные хозяйства исчезли, исчезла следовательно и необходимость связи с этими частными хозяйствами, исчезла основная особенность переходного хозяйства. Понятый таким образом «этап» развития нашего хозяйства превращает его из этапа переходного хозяйства в этап социалистического.

Тов. Бухарин перескочил через целый этап переходного хозяйства, имеющий свои особенности, отличающие его от предыдущих этапов, но все же остающийся этапом переходного хозяйства, так как в этом случае изживаются, но еще не изжиты окончательно частные хозяйства, частный «сектор» нашего хозяйства. Если бы мы имели отношения не с частными хозяйствами, а с «организациями», тогда задача переходного хозяйства была бы уже решена. Именно поэтому Ленин и говорил о «социалистическом продуктообмене»: «Продналог есть одна из форм перехода от своеобразного «военного коммунизма», вынужденного крайней нуждой, разорением и войной к правильному социалистическому продуктообмену. А этот последний, в свою очередь, есть одна из форм перехода от социализма с особенностями, вызванными преобладанием мелкого крестьянства в населении, к коммунизму»²². Преобладание мелкого крестьянства в стране не может не наложить своего отпечатка и на первую фазу коммунизма—социализм. Последний будет так же иметь свои особенности в зависимости от особенностей отношений реального капитализма, из которого он вырос. Когда крестьянские хозяйства в нашей стране будут полностью обобществлены и когда между этим обобществленным сельским хозяйством и обобщественной промышленностью установится правильный продуктообмен, когда мы будем иметь единое плановое организованное хозяйство, тогда установившийся строй можно будет характеризовать как строй социализма, хотя и с определенными особенностями.

Правильный социалистический продуктообмен означает наличие единого хозяйства в смысле единого субъекта хозяйствования, исключая рыночные отношения и роль стоимостного стихийного регулятора. Когда мы имеем дело с частными хозяйствами, с частным «сектором», то здесь даже при полном охвате «товарообмена» государственными и кооперативными организациями (что при значительном количестве частных хозяйств—невозможно: рынок, хотя

²² Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, с. 198. Разрядка моя.—Б. Р.

и в местных узких пределах, наверное сохранится до полного обобществления крестьянского хозяйства) нельзя говорить о полном подчинении народного хозяйства плану. Поэтому нельзя считать, что на каком бы ни было этапе переходного хозяйства «система цен—это просто намечаемое (разрядка т. Козлова—*Б. Р.*) перераспределение труда путем действия этого именно механизма». Это неверно и идет по той же линии недоучета роли частных отношений в нашем хозяйстве, отмеченную нами у т. Бухарина.

Когда крестьянское хозяйство будет полностью обобществлено, когда мы будем иметь социалистический продуктообмен, тогда мы также будем иметь систему «цен». Но это будут «цены», непосредственно отражающие трудовые затраты общества на производство того или иного продукта и намечаемое перераспределение труда. Например, желая поощрить ту или иную отрасль сельскохозяйственного производства, находящуюся в руках кооперированного «крестьянства», общество в лице его центральных органов устанавливает повышенную «расценку» на этот продукт. Или, желая напр. воздействовать на характер потребления тех или иных средств потребления, общество регулирует «отпускные цены» на эти продукты. Регулируется также и расценка «оплаты труда» и т. д. Во всех этих случаях мы имеем дело с отношениями внутри единого хозяйства, отношениями, которые могли быть установленными и иначе: напр. вместо того, чтобы поднимать «расценку» на продукты колхоза, общество могло бы просто выдать этому колхозу «дотацию» из общественных средств, вместо «оплаты труда» могут быть изменены нормы и удельный вес части продуктов и услуг, распределяемых «бесплатно» и т. д. Поэтому мы и можем говорить здесь о намечаемой системе цен.

Совсем другое представляет система цен переходного хозяйства даже на последнем этапе, здесь еще необходимо считаться с частнособственническими отношениями и система цен отражает не только волю и желание планирующих органов, но и «волю и желание» стихии, рынка. Этот последний еще не отмер окончательно и он дает себя знать даже во взаимоотношениях гос- и кооперативных организаций с частными хозяйствами. Мы не можем регулировать цены на зерновые продукты, мясо, технические культуры, масло, молоко и т. д. так же, как напр. регулируем отпускные цены на продукты госпредприятий. Точно так же и с ценами розничной торговли, поскольку речь идет о продаже частному собственнику. Здесь цена не превратилась еще лишь в форму, скрывающую отношения, не имеющие ничего общего с отношениями цены. Стоимостная оболочка здесь не просто «мимикрия плана» и противоречие (в данном случае между абстрактным и конкретным трудом) в значительной степени еще не уничтожено.

За последние годы нами достигнуты крупные успехи в развитии социалистической промышленности и в обобществлении товарооборота; наряду с этим реально наметилось массовое движение крестьян к формам коллективного хозяйства; это подвело базу к проведению ликвидации кулачества как класса, т. е. к ликвидации последней эксплуататорской группы, которая у нас существовала еще как класс и имела серьезный удельный вес в экономике страны, главным образом в сельскохозяйственном производстве. Эти успехи вскружили многие слабые головы и в результате—все те перегибы, извращения, «головотяпства» и т. д., которые, конечно, принесли

только вред и затруднили процесс обобществления народного хозяйства.

Все такие извращения шли по линии немедленного превращения частного хозяйства в обобществленное: обобществляли предметы домашнего хозяйствования, домашний мелкий скот, птицу и т. д., избирали самую высшую форму коллективизации—коммуны, коллективизацию проводили часто административными методами без достаточной подготовки и разъяснения в самой коллективизируемой массе, запрещали какие бы то ни было продажи крестьянских продуктов на вольном рынке и т. д. и т. п. Все эти извращения являются «ультра-революционными», «левыми», «загибами» или перегибами, но именно здесь наиболее ярко выявилась общая мелкобуржуазная сущность «правого» и «левого» уклонов.

Что все эти перегибы, отталкивая середняка от колхоза и настраивая его против политики партии, объективно творят правое дело контрреволюции,—это совершенно ясно. Поэтому прав С. Крылов, который говорит: «...антисередняцкие перегибы в данное время и в данной обстановке являются также перегибами правыми, имеющими за своей спиной кулацкую классовую ненависть к середняку в колхозном движении. Перегибы эти часто совершаются под флагом «левых» фраз. В конечном счете эти перегибы, преследующие цель срыва сплошной коллективизации, направлены против политики ликвидации кулачества как класса, против раскулачивания»²³. Конечно, субъективно большинство «перегибателей» отнюдь не «преследовало цели срыва сплошной коллективизации», наоборот они честно думали, что творят дело революции. Но объективно их «дела и речи» принесли только вред, что сейчас ясно каждому. «Левые» по форме перегибы явно оказались правыми по существу.

Но не только здесь ясно видна близость «левых» загибов к правым делам по результатам этих «левых» загибов. В данном случае мы прямо можем «руками нащупать» идеиную близость обоих уклонов. Выше мы видели, как Бухарин новый этап охарактеризовал как этап, в котором задача обобществления частного хозяйства уже решена. Но вот что пишет вполне правильно в той же статье С. Крылов: «Значительная часть наших низовых работников в деревне первые достижения сплошной коллективизации возвела чуть ли не в окончательные. Прежде чем сплошная коллективизация (как союз бедноты и середняков) успела как следует померяться силами со своей противоположностью—кулачеством как классом, добравшись до начала этой борьбы, сплошная коллективизация в воображении некоторых «коллективизаторов» представлялась уже дошедшей до конца своей борьбы и победы. Здесь одна из причин искривлений», полностью совпадающая с оценкой данной Бухариным о характере переживаемого нами этапа революции.

Такое превращение правой «воды» в левое «вино» не представляет никакого чуда, а непосредственно вытекает из «философии» правого уклона, его недialeктической, механистической сущности. В самом деле: если нэп есть сожительство с частным хозяйством, рыночная связь с ним, сотрудничество плана и стихии и т. д., то где же выход к социализму? Его нет, нэп не представляет формы перехода, формы строительства социалистического хозяйства. Отсюда разрыв

²³ Крылов С., статья в «Правде» от 25 марта 1930.

между нэпом и новым этапом, отсюда перескакивание через период обобществления и коллективизации, отсюда представление об этапе переходного хозяйства, как об этапе отношений между «организациями», отсюда административный нажим и принудительная коллективизация. Здесь же берут начало и все разговорчики о «нео-нэпе», которые часто приходится слышать сейчас в связи с твердым курсом партии по линии выправления «левых» перегибов. Правые, поняв политику сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса, как политику «отказа от нэпа», понимают выпрямление перегибов, как возвращение на позиции «сожителства» с частным сектором. Такие колебания и непонимание истинной природы взаимоотношений рабочего класса и крестьянства в период пролетарской диктатуры полностью отвечают мелкобуржуазной природе и механистическому методу правого уклона.

III. ЕДИНСТВО ПРИРОДЫ ПЕРЕХОДНОГО ХОЗЯЙСТВА НА РАЗНЫХ ЕГО ЭТАПАХ

В действительности же и на переживаемом нами этапе революции все еще „главным вопросом для нас остается правильное установление отношений между этими двумя классами (пролетариатом и крестьянством—*Б. Р.*), правильное с точки зрения уничтожения классов“²⁴. Ленин писал, что эта задача „неминуемо останется“ еще „и в течение долгого ряда лет“; сейчас конечно ясно, что нами пройдена добрая половина или даже две трети этого „ряда лет“, что мы приближаемся к концу решения задачи уничтожения классов, но они все еще не уничтожены и „правильное установление отношений между этими двумя классами“ все еще стоит в порядке дня переживаемого этапа. Задача нэпа еще не решена окончательно и переживаемый этап является этапом, завершающим собой нэп как политику правильных отношений между классами, „правильных с точки зрения уничтожения классов“.

Конечно, сплошная коллективизация (процесс, а не его завершение,—которое еще потребует ряда лет, хотя и не столь долгого,—процесс, которого не знали предыдущие этапы нэпа) накладывает свой отпечаток на все взаимоотношения и тем самым по-иному ставит и характер „правильных отношений между классами“; но „ставить по-иному“ не значит—совершенно снимать с порядка дня, считать завершенным то, что в действительности еще не сделано.

Но и предыдущие этапы нэпа не являлись только „сожителством“ разных секторов, связанных рыночными отношениями: нэп всегда являлся правильным отношением между классами, правильным с точки зрения уничтожения классов.

У т. Козлова мы видели совершенно безжизненную, архисхоластическую, недиалектическую схему этапов переходного хозяйства: 1) этап господства стоимости, 2) этап сожителства стоимости и плана, причем последний только предугадывает стихийные закономерности, и 3) этап господства плана. Почему первые два этапа являются этапами переходного хозяйства, почему они приводят к победе плана—социализма, а не стихии—капитализма,—из этой схемы нельзя понять. В действительности же в жизни советского хозяйства в СССР ничего похожего на эти „этапы“ не было. Но и абстрактно рассуждая, ни-

²⁴ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, с. 237. Разрядка моя—*Б. Р.*

какое переходное от капитализма к социализму хозяйство «вообще» через такие „этапы“ проходить не будет и не может: из господства стоимости ничего кроме стихии, т. е. капитализма получиться не может и ни на одном этапе переходного хозяйства невозможно господство стоимости.

У т. Бухарина разбивка на „этапы“ несколько иная: 1) эпоха „военного коммунизма“, 2) эпоха „нэпа“ или сожительства секторов, находящихся в равновесии и связанных рынком и 3) этап отношений между „организациями“. В другом месте, как увидим ниже, т. Бухарин „донэповский“ этап относит к предистории переходного хозяйства и характеризует его, как период экспроприации экспроприаторов. Нэп понимается и там как период сожительства с частным сектором. С действительной природой нэпа такое его понимание не имеет ничего общего: нэп всегда являлся периодом строительства, периодом становления социализма. Вспомним, например, определение „становления“ Гегелем:

„...становление... есть единство бытия и ничто. Другой довольно легко приходящей на ум иллюстрацией служит начало. Вещи еще нет, когда она начинается, но в ее начале содержится не только ее ничто, но уже также и ее бытие. Начало само есть становление, но мы говорим о начале, когда еще кроме того имеется в виду дальнейшее поступательное движение“²⁵. Период переходного хозяйства есть период становления социализма, его начала, но это не означает единства «бытия» (социализма) и «ничто». Социализм зарождается не в пустом пространстве, а из остатков старого общества, капитализма. Поэтому становление социализма означает борьбу двух начал или, вернее, одного „начала“ (социализма) и другого— „конца“ (капитализма). Хотя капитализм жестоко борется за свое существование и непрерывно вновь возрождается в условиях мелко-собственнического производства, однако действительным „поступательным движением“ в переходном хозяйстве обладает только одно начало—социалистическое, именно это и делает это хозяйство переходным от капитализма к социализму. Таким „поступательным движением“ социалистическое начало в переходном хозяйстве обладает с самого зарождения переходного хозяйства и поэтому переходное хозяйство на каждом из своих этапов всегда является эпохой господства социалистического начала, эпохой становления социализма.

У Ленина мы находим следующее толкование этого вопроса: „Но что значит слово—переход. Не означает ли оно в применении к экономике, что в данном строе есть элементы, частички, кусочки капитализма и социализма. Всякий признает, что да“²⁶. И, конечно, эти разнородные «элементы» в переходном хозяйстве имеются с первого же момента образования переходного хозяйства. Но «когда новое только что родилось,—старое всегда остается в течение некоторого времени сильнее его, это всегда бывает так и в природе и в общественной жизни»²⁷. Именно из этого представления о слабости народившегося социализма вытекают все теории о господстве стоимости, приспособлении плана к стихии, равновесии секторов и т. д.

²⁵ Гегель, Наука логики, с. 153.

²⁶ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, с. 188.

²⁷ Ленин, Собр. соч., т. XVI, с. 253.

Но Ленин эту слабость народившегося социализма понимал совсем иначе: «Этот переходный период не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом, или, иными словами, между побежденным, но не уничтоженным капитализмом и родившимся, но совсем еще слабым коммунизмом»²⁸. Хотя коммунизм только что родился и еще слаб, но капитализм уже побежден, хотя еще не уничтожен. Ясно, что побежден он только в смысле «дальнейшего поступательного движения» в сторону социализма, движения, совершающегося в «периоде борьбы—между умирающим капитализмом и рождающимся (родившимся) коммунизмом». Ясно, что элементы социализма в начальном периоде переходного хозяйства, как бы они ни были слабы, все-таки оказываются настолько сильными, чтобы в процессе борьбы с элементами капитализма придать всему народному хозяйству „поступательное движение“ к социализму.

Поэтому прав т. Гатовский, когда он пишет, что „регулятором экономики СССР является плановый регулятор процесса построения социализма“²⁹. Содержание этого регулятора т. Гатовский объясняет так: „Наличие народно-хозяйственного плана как регулятора означает, что из двух тенденций, плановой и стихийной, плановая определяет пути развития народного хозяйства, тем самым подчиняя стихийную тенденцию, последняя же в подчиненном виде не является стихийным регулятором“³⁰. Поскольку с самого начала определяется направление хозяйственного развития в сторону социализма, постольку ясно, что господствующей тенденцией и „регулятором“ хозяйства с самого начала является плановая, социалистическая тенденция. Но это есть только господствующая тенденция, предполагающая наличие другой тенденции, с которой идет борьба, которая должна быть подавлена и в конце концов уничтожена, но которая на протяжении переходного хозяйства всегда существует.

И т. Гатовский делает вполне правильный вывод из своих положений: „Огромный интерес представляет вопрос о том, имеем ли мы на всем протяжении всего переходного периода с момента новой экономической политики господство плана, или, по крайней мере, на два основных этапа—восстановительный и реконструктивный—приходится по различному регулятору (или системе регуляторов). В связи со всем вышесказанным следует ответить на этот вопрос в первом смысле. Бесспорно, что форма планового регулятора менялась, менялся характер, форма, соотношение его рычагов, но ведь плановый регулятор переходного периода не может не изменяться и притом быстрым темпом, ведь закон построения социализма постоянно модифицируется, сохраняя общие неизменные принципы, в конкретных условиях того или иного этапа“³¹. Переживаемый нами этап т. Гатовский справедливо считает этапом нэпа: „Нэп есть существует и опасности, порождает им, не сняты“³². Ведь нэп „предусматривает постоянно трансформирующуюся систему воздей-

²⁸ Ленин, Собр. соч., т. XVI, с. 347. Разрядка моя—Б. Р.

²⁹ Гатовский Л., О предмете и методе теории советского хозяйства, статья в „Пробл. экон.“ № 1, 1930, с. 51.

³⁰ Там же, с. 53.

³¹ Там же, с. 59. Разрядка моя—Б. Р.

³² Там же, с. 62.

ствия социалистического сектора на мелкотоварное хозяйство при ограничении капиталистических элементов..., это воздействие через обмен города и деревни направлено в сторону полной коллективизации сельского хозяйства" и—следовало бы добавлять для большей ясности—полной ликвидации классов. Поэтому, „концентрируя внимание на особенностях того или иного этапа нэпа, мы не можем тем не менее отрицать наличие и общих основных закономерностей, общего планового регулятора для всего периода нэпа; разумеется, что этот регулятор не существовал вообще, вне тех модификаций, которые он претерпевал на различных этапах“³³. Напомню еще, что для т. Гатовского „производственные отношения в их динамике, закон движения хозяйственной системы и ее «регуляторов» тождественны“³⁴.

С этим выводом т. Гатовского нельзя не согласиться. Считаю только, что напрасно т. Гатовский не отменил своего положения более резко: „Мы не можем тем не менее отрицать...“—такое выражено слишком слабо. Сейчас, когда выяснились все те перегибы и головотяпства, которые имели место, когда уже многие собирались хоронить нэп, когда пошли разговоры о „сокращении объема нэпа“, когда в связи со всем этим была внесена значительная доза замешательства в наши ряды, и когда многие заговорили уже о „неонэпе“ сейчас необходимо более резко оттенять как истинную природу нэпа, т. е. переходного хозяйства, так и общность основных закономерностей переходного хозяйства на всех этапах его развития.

С этим связана также и сложность задачи характеристики разных этапов переходного хозяйства, так как при этом приходится выявить все их основные особенности и модификации, но выявить так, чтобы не выветрилась основная их сущность, как этапов переходного хозяйства; на этой задаче, как мы знаем, споткнулись очень многие. Следует иметь в виду, что здесь речь идет не об описании и характеристике конкретных этапов, через которые проходило и проходит конкретное советское хозяйство в СССР,—задача заключается в теоретическом обобщении, в выявлении основных закономерностей переходного хозяйства на разных его этапах. Здесь-то и начинаются главные трудности.

Ленин считал, что „в России диктатура пролетариата неизбежно должна отличаться некоторыми особенностями по сравнению с передовыми странами, вследствие очень большой отсталости и мелкобуржуазности нашей страны. Но основные силы и основные формы общественного хозяйства—в России те же, как и в любой капиталистической стране, так, что особенности эти во всяком случае не могут касаться самого главного“.

Ясно, что при характеристике отдельных этапов эти особенности России сказываются больше всего, и я думаю, что если бы мы попытались дать разбивку переходного хозяйства на этапы, применимую ко всем странам, то ничего, кроме нескольких общих замечаний мы не получили бы. Этапы переходного хозяйства, которые мы можем выделить на основании опыта СССР, не могут иметь всеобщего значения. Но эти этапы должны все же представлять, как уже

³³ Гатовский Л., О предмете и методе теории советского хозяйства, ст. в «Проблемах экономики» № 1, 1930, с. 62.

³⁴ Там же, с. 49.

отмечено, обобщение опыта СССР, а не просто простую регистрацию конкретной смены отношений.

Может показаться, что такого рода обобщение не имеет большого смысла, но это конечно, не так. Мы уж не говорим о том, что в той или иной мере оно будет иметь значение не только для понимания особенностей экономики СССР, но также и для других стран, и в особенности для тех, которые по своей экономической структуре приближаются к экономике дореволюционной России. Но это обобщение опыта строительства социализма в СССР на разных этапах имеет основное значение и для самого понимания конкретной истории хозяйства СССР. Мы ничего не поймем в этой истории [и как мы видели, в практике сегодняшнего и завтрашнего дня также], если не подойдем к ее анализу с точки зрения определенного понимания природы отношений переходного хозяйства вообще, и развития этих отношений на отдельных этапах в частности.

Например в конкретной истории хозяйства СССР мы можем отметить следующие этапы: 1) период с Октября 1917 г. по середину 1918 г.—этот период можно условно обозначить как период рабочего контроля, 2) период военного коммунизма—до весны 1921 г., когда была объявлена «новая экономическая политика», н э п, который также проходил через разные этапы; из них первый это 3) период «отступления»—приблизительно до конца 1922 г.; 4) «восстановительный» период—приблизительно до 1926 г.; 5) период реконструкции; и наконец 6) т. н. «новый» этап, переживаемый нами сейчас, период сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Каково же место и значение этих этапов в развитии переходного хозяйства?—Ясно, что без определенного обобщения на основе определенной теории переходного хозяйства, мы на этот вопрос не ответим.

Выше мы видели, как определяется на основе этой теории место «нового этапа» в системе нэпа. Природа первого этапа нэпа, этапа «отступления» будет совершенно непонятна, если не рассматривать его в связи с периодом «военного коммунизма», так как не нужно забывать, что хотя экономика «военного коммунизма» в основном определялась «крайней нуждой, разорением и войной», но многие из достижений и мероприятий «военного коммунизма» не были после отменены, от них мы не отступили; таким образом эти мероприятия должны быть учтены для понимания периода «отступления» и всей «новой экономической политики», т. е. переходного хозяйства в целом. В этой связи получает свою определенность и первый период переходного хозяйства в СССР, период «рабочего контроля»: вспомним те ссылки Ленина на этот период, которые он делал при введении нэпа.

Мы не предполагаем дать здесь развернутую характеристику этапов переходного хозяйства; это—задача слишком сложная и требующая специального изучения советского хозяйства под этим углом зрения. В качестве исходного пункта для такого изучения могла бы, мне кажется, послужить следующая наметка этапов: 1) первый этап—период завоевания и укрепления диктатуры пролетариата, экспроприации крупного капитала и организации системы переходного хозяйства. Кратко этот период мог бы быть определен просто как период организации переходного хозяйства. Но здесь есть опасность, что может быть не понят характер этого этапа, как этапа.

именно переходного хозяйства, а не предистории этого хозяйства. Такое выделение этого периода за пределы собственно переходного хозяйства (ниже на этой теории я еще остановлюсь подробнее) ведет прямым путем к оппортунистическому пониманию природы остальных этапов переходного хозяйства. Из конкретных этапов хозяйства СССР в выделенный нами этап—организации переходного хозяйства войдут первые три периода: 1) период до-«военного коммунизма», 2) период «военного коммунизма» и 3) начальный этап нэпа, т. н. период «отступления». К концу этого периода можно считать, что в основном организационный этап переходного хозяйства был закончен.

2) Второй этап—охватывающий 4 и 5-й периоды, намеченные нами выше при характеристике конкретного развития советского хозяйства. Первый из них характеризуется как «восстановительный» период, но в сущности, за исключением уровня продукции и объема производственного аппарата промышленности, ничего, конечно, в этом периоде не «восстанавливалось». В связи с этим и следующие периоды в развитии нашего хозяйства не могут быть противопоставлены этому периоду, как периоды реконструкции. Реконструкция хозяйства происходила и в так называемый восстановительный период очень энергично.

Конечно, необходимость накопления не только оборотного капитала, но и основного имеет сама по себе громадное значение, но с точки зрения трансформации общественных отношений этот признак вряд ли может быть достаточным для разграничения отдельных основных этапов в переходном хозяйстве. Что касается создания новой технической базы под новыми общественными отношениями, то не нужно смешивать процесс с его результатами: в этом смысле реконструкция производства даже и сейчас еще крайне слаба и вряд ли можно сказать, что мы уже достигли уровня развития техники, соответствующего социалистическому типу хозяйствования. Задача «догнать и перегнать» передовую капиталистическую страну—Соединенные штаты нами пока еще только поставлена, мы едва приступили к ее выполнению и считать, что мы уже добились качественных сдвигов в нашем техническом аппарате пока еще не приходится.

Поэтому с этой точки зрения нет серьезных оснований к тому, чтобы проводить принципиальную разницу между т. н. восстановительным периодом и периодом «реконструкции». С другой стороны оба эти периода тесно связаны по другой основной линии: выше мы видели, как в начале нэпа Ленин считал, что «главным вопросом для нас остается—и в течение долгого ряда лет неминусом останется—правильное установление отношений между этими двумя классами, правильное с точки зрения уничтожения классов». Если на первом этапе переходного хозяйства был экспроприрован крупный капитал, то перед переходным хозяйством еще осталась задача искоренения самых корней капитализма, а эта задача решается в процессе „правильных отношений“ между рабочим классом и крестьянством.

И вот, если рассматривать развитие состояния этого „главного вопроса“, то мне кажется, что мы можем весь период от конца 1922 г. до, приблизительно, 1928 г. выделить как один этап переходного хозяйства и определить как его период борьбы за направление

развития крестьянского хозяйства. Будет ли деревня развиваться в сторону смычки с пролетарской промышленностью и через коллективизацию к социализму, или она пойдет через дифференциацию и выделение крупного кулацкого слоя на смычку с нэпманами города—к капитализму,—вот вопрос, который решался и был решен на продолжении этапа борьбы за направление развития крестьянского хозяйства. К концу этого периода направление, по которому пошла деревня, ясно определилось. Это конечно не значит, что путь этот уже пройден и что коллективизация деревни к концу второго этапа уже закончена, наоборот, она к этому времени только начинается и в основном процесс этой коллективизации происходит только на третьем этапе переходного хозяйства. На этом этапе по-настоящему можно говорить о переходе количества в качество и определить его как период „реконструкции“.

3) Третий этап—основные характерные черты этого этапа более ясны, чем у обоих предыдущих. Они заключаются в процессе коллективизации сельского хозяйства и окончательной ликвидации классов. Сплошная коллективизация есть основной путь ликвидации кулачества как класса (ясно, что путь этот в качестве своего дополнения предполагает непосредственную экспроприацию и обезвреживание кулака), но не нужно забывать, что сплошная коллективизация в первую очередь является ликвидацией самого крестьянства, как класса, а следовательно и ликвидацией классов вообще.

Когда сплошная коллективизация будет проведена, мы будем иметь уничтожение мелкособственнического крестьянского производства и превращение крестьян в членов обобществленного хозяйства. Конечно не только многие частнособственнические предрассудки у коллективизированных крестьян еще останутся, само участие „крестьян“ в общем хозяйстве будет отличаться от характера участия в нем рабочих, однако все это будут уже только особенности социализма, развившегося в стране с преобладанием крестьянства. В основном же крестьянского хозяйства уже не будет, оно, идя по путям обобществления, тем самым ликвидирует и крестьянство как класс.

Как сказано выше, участие коллективизированного „крестьянина“ в обобществленном хозяйстве к моменту завершения процесса сплошной коллективизации, будет еще отличаться от участия в этом хозяйстве рабочего. Однако это различие не будет настолько велико, чтобы давать возможность разграничивать крестьян и рабочих как два класса. Конечно различия здесь будут сильнее, чем различия между разными группами в самом „рабочем классе“, однако, все же это уже будут различия не разных классов (все средства производства уже обобществлены), а различия среди членов социалистического хозяйства, только что возникшего из условий отсталой страны и еще носящего на себе следы своего происхождения.

„Следы“ эти будут весьма существенными. Не нужно забывать, что индустриализация страны еще долгое время будет вызывать необходимость уделять значительную долю народного дохода на нужды накопления и хотя производительность труда и вся сумма народного дохода с обобществлением сельского хозяйства сильно увеличится, однако удовлетворить возросшие потребности населения еще долго будет невозможно. При таких условиях потребуются жесткая политика, направленная в сторону подавления потребительской, рваческой психологии, которая несомненно разовьется в среде крестьян-

ства при обобществлении их частных хозяйств. Так как в авангарде той группы, которой придется противостоять этой рваческой психологии и проводить политику индустриализации или, правильнее, политику социалистического „накопления“, будет стоять пролетариат, то здесь скрывается основа для сохранения еще некоторого антагонизма между бывшими рабочими и крестьянами. Не может также сразу установиться равенство и в политическом смысле. Сохраняется еще как бы диктатура пролетариата, но это уже очень своеобразная по своему содержанию диктатура пролетариата, так как мы имеем дело с обществом, где уже обобществлены средства производства и где планомерно организовано производство и распределение продуктов. В этом случае уже можно говорить о „диктатуре“ передовой части общества, его авангарда по отношению к отсталой части этого общества, а не о диктатуре класса. С точки зрения происхождения это есть продолжение диктатуры пролетариата, но с точки зрения дальнейшего развития это уже организация бесклассового общества.

Такие же остатки прошлого мы к моменту завершения коллективизации найдем в лице бывших кулаков, торговцев и т. д. Конечно, по отношению к ним еще нужна будет диктатура. Но и здесь мы уже имеем дело с новыми отношениями: ведь все эти группы уже не представляют класса, их существование и необходимость установления какой-то формы сожительства с ними (в основе этой формы, конечно, должно будет сохраниться подавление и насилие по отношению к ним) все же не меняет основной сущности наличных отношений хозяйства бесклассового с обобществленными средствами производства.

Но все это относится к периоду, когда коллективизация будет пройденным этапом, т. е. когда закончится третий основной этап переходного хозяйства. Сплошная коллективизация предполагает не только объединение крестьянства в колхозы, но и включение этих колхозов в общую систему обобществленного народного хозяйства, как составной части этого хозяйства. Она предполагает следовательно определенную организацию труда в этих колхозах, организацию „социалистического продуктообмена“, т. е. социалистической организации производства и распределения продуктов в общественном масштабе.

На протяжении предыдущих этапов переходного хозяйства была уже проведена достаточная подготовительная работа к решению этой задачи. Корни частнособственнического производства и частнособственнической психологии были в достаточной мере подорваны. Но только подорваны, а не уничтожены. На третьем этапе мы имеем поэтому все еще неизжитые отношения между „социализмом“ (социалистическим сектором) и частнособственническими отношениями, и при проведении сплошной коллективизации с наличием этих отношений приходится еще считаться. Ведь даже крестьянин, уже вступивший в колхоз (артель), на первых порах все еще продолжает оставаться крестьянином, т. е. мелким собственником. Это значит, что на третьем этапе все еще сохраняется основное отношение и основная задача переходного хозяйства („правильное установление отношений между этими двумя классами“), хотя и в новой постановке, в новой форме. Но об этом уже достаточно сказано выше.

Вот те положения, из которых, мне кажется, необходимо исходить при определении этапов нашего переходного хозяйства.

IV. „ЭКСПРОПРИАЦИЯ ЭКСПРОПРИАТОРОВ“ И „СОЮЗ“ С МЕЛКОЙ БУРЖУАЗИЕЙ

Если общность природы переходного хозяйства на втором и третьем его этапе сейчас уже вряд ли может возбуждать серьезные сомнения, то этого нельзя сказать о первом этапе. Кажется, что мы имеем здесь совершенно иной тип отношений: если на последних этапах определяющими являются отношения между рабочим классом и крестьянством, то на первом этапе мы имели отношения между рабочим классом и капиталистами, процесс экспроприации экспроприаторов. Отсюда — попытки провести непреходимую грань между этими этапами, попытки, которые, как я уже заметил, являются неверными и ведущими к оппортунистическим извращениям.

Наиболее ярко разрыв между этими этапами проявился опять-таки у т. Бухарина.

Критикуя Преображенского, Бухарин, как известно, принял к сведению известное замечание Ленина и показал, почему лучше не применять термин „первоначальное социалистическое накопление“. Но у него же находим следующее место:

«Что же можно было бы—весьма условно—назвать „периодом первоначального социалистического накопления?“ Так можно бы назвать только акт „экспроприации экспроприаторов с сопутствующими ему мероприятиями. Если капиталистическое первоначальное накопление характеризовалось как разъединение производителей со средствами производства, то тут налицо их объединение, применение насилия, характеристика процесса как „переворота“, „внезапность и насильственность“ процесса, наконец характеристика процесса как „исторической предпосылки“ и „исходного пункта“ процесса, а не его „результата“—все это элементы сходства»³⁵.

Следовательно Бухарин, хотя и весьма условно, считает возможным термин „первоначальное социалистическое накопление“ применять к акту „экспроприации экспроприаторов“, так как здесь мы имеем „элементы сходства“ с отношениями „первоначального накопления“ капитала. Но помимо „экспроприации экспроприаторов“ диктатура пролетариата имеет перед собой еще задачу обобществления мелкого товарного производства. И вот что говорит там же Бухарин об этой задаче: «Там (т. е. при первоначальном накоплении капитала—*Б. Р.*) дальнейшие мероприятия (разрядка моя—*Б. Р.*) идут по той же линии дальнейшей экспроприации „третьих лиц“; у нас проблема экспроприации направлена против буржуазии и помещиков, а главная дальнейшая проблема, о которой идет речь у т. Преображенского, это проблема мелкого производителя, т. е. другого класса: там дальнейшая эволюция идет под углом зрения разорения, вытеснения или, если хотите, „пожирания“, здесь—под углом зрения „ужиться“, „переделать“, „ассимилировать“ и т. д.».

Мелкая собственность, экспроприация которой составляет основное содержание эпохи первоначального накопления капитала, продол-

³⁵ Бухарин Н. И., К вопросу о закономерности переходного периода „Правда“ от 7 июля 1926.

жает еще существовать и в эпоху господства капиталистического способа производства. Судьба этой собственности при капитализме известна, это и есть т. н. проблема „третьих лиц“, но не эта проблема составляет основную характеристику капиталистического способа производства. Бухарин, который сам считает неправильным распространять понятие „первоначального накопления“ на весь период существования капитала наряду с мелкой частной собственностью, в данном месте допускает по крайней мере неясность, когда пишет, что при первоначальном накоплении капитала „дальнейшие мероприятия“ „идут по той же линии“ дальнейшей экспроприации „третьих лиц“: при переходе от первоначального накопления к капитализму „линия“ конечно меняется: вместо экспроприации мелкого собственника выступает эксплуатация наемного рабочего. Этих двух периодов смешивать не приходится, хотя они и тесно между собою связаны.

Но более существенную ошибку т. Бухарин в приведенной цитате допустил при анализе этапа переходного от капитализма к социализму хозяйства; здесь у него, наоборот, полный разрыв: и классы другие, и отношения другие; в одном периоде—отношения пролетариата к капиталистам; „дальнейшая проблема“—отношение пролетариата к мелкому производителю; первые отношения выражаются в экспроприации, применении насилия, вторые—в „уживании“ „переделке“, „ассимиляции“ и т. д. Более того, процесс первого рода объявляется „исторической предпосылкой“ и „исходным пунктом“ процесса; речь идет о предпосылке переходного хозяйства; поскольку „дальнейшая проблема“ характеризуется как проблема отношения к мелкому производителю, то в социалистическом хозяйстве такой проблемы не будет. Но тогда получается следующий вывод: переходное хозяйство имеет своей предпосылкой экспроприацию экспроприаторов, эта экспроприация таким образом не является основным содержанием переходного хозяйства. Такая постановка вопроса может вытекать только из непонимания: 1) сущности процесса „экспроприации экспроприаторов“ и 2) связи капитализма с мелким товарным хозяйством.

Что «экспроприация экспроприаторов» не может произойти без насилия—это ясно каждому, но насилием не характеризуется содержание происходящего здесь процесса. «Я доказывал вам, что диктатура пролетариата неизбежна, необходима и безусловно обязательна для выхода из капитализма. Диктатура означает не только насилие, хотя она невозможна без насилия, она означает также организацию труда более высокой, чем предыдущая организация»³⁶. Если даже предположить, что мы имеем дело с переходом от капитализма, в котором совершенно отсутствует мелко-товарное производство, то и в этом случае нельзя себе мыслить процесс экспроприации без необходимости перехода от капиталистического к социалистическому типу хозяйствования. Декрет о национализации средств производства еще не решает дела, капитализм отнюдь не создает необходимых организаций для руководства обобществленным хозяйством, эти организации должны быть еще созданы и не только на бумаге, должна быть создана действительная связь и плановое регулирование всего общественного хозяйства, далее—приспо-

³⁶ Ленин, Собр. соч., т. XVI, с 222. Разрядка моя—Б. Р.

собление самого рабочего к условиям работы на общественных предприятиях также требует времени. Все это предполагает необходимость периода, в течение которого совершается «революционное превращение» капитализма в социализм. «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе»³⁷.

С этим также связано и понимание «внезапности» процесса— это „внезапность“ исторического масштаба. «Превращение раздробленной, покоящейся на собственном труде отдельных лиц частной собственности в собственность капиталистическую есть, конечно, процесс несравненно более продолжительный, тяжелый и трудный, чем превращение капиталистической собственности, фактически уже основанной на общественном производстве, в общественную собственность. Там дело заключалось в экспроприации народной массы немногими узурпаторами, здесь народной массе предстоит экспроприировать немногих узурпаторов»³⁸. Но, будучи менее продолжительным, чем процесс превращения раздробленной собственности в капиталистическую, сам по себе процесс обобществления капиталистической собственности также требует времени. Поэтому Маркс и говорит в «Критике готской программы» об особенностях, присущих «первой фазе коммунистического общества, в том его виде, как оно выходит после долгих мук родов из капиталистического общества». Как указано выше, дело здесь заключается не только в необходимости насильственно подавить сопротивление эксплуататоров, а главным образом, в необходимости времени для самой перестройки производства на новых началах.

Очень часто приводят следующую цитату из Ленина: «Если бы мы имели государство, в котором преобладает крупная промышленность или же, скажем даже, не преобладает, а очень сильно развита, и очень сильно развито крупное производство в земледелии, тогда прямой переход к коммунизму возможен. Без этого переход к коммунизму невозможен экономически»³⁹. Понятая буквально, без связи с временем и местом и контекстом, в котором это сказано, цитата может и часто действительно дает повод к различным ложным толкованиям. Одним из таких ложных толкований было бы понимание слов—«прямой переход» в смысле ненужности всякого перехода в условиях превращения развитого капитализма в коммунистическое хозяйство. Это толкование неправильно; переход, хотя и «прямой», необходим будет и при этих условиях.

Но если требуется время для перехода от капиталистического (даже чисто-капиталистического) способа хозяйствования к коммунистическому, то это означает, что в течение этого времени будет существовать и переходное хозяйство. Не все капиталистические хозяйства могут быть одновременно национализированы, точно так же, как и не все формы капитала (производство, торговля, кредит). Некоторое время будут существовать рядом элементы, кусочки, «частички» капитализма и социализма, и эти «элементы» будут в определенной связи между собой. Это есть отношение «экспроприации экспроприаторов», процесс превращения, перехода капиталистического производства в социалистическое.

³⁷ Маркс, К критике готской программы.

³⁸ Маркс, Капитал, т. I, изд. 1930, с. 613. Разрядка моя—Б. Р.

³⁹ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, с. 139.

В условиях перехода не чисто-капиталистического общества, а «реального» капитализма, да еще в отсталой стране, этот процесс требует гораздо больше времени и становится гораздо более сложным, переплетаясь с процессом обобществления мелкого производства. Но нельзя отрывать один процесс от другого и считать, что сначала мы имеем какую-то „предисторию“ переходного хозяйства, когда происходит процесс экспроприации экспроприаторов, дальше начинается сама «история», ничего общего с этим процессом не имеющая. Процесс «экспроприации экспроприаторов» в отсталой стране, переходящей к социализму, есть процесс, продолжающийся на всех этапах переходного хозяйства и заканчивающийся одновременно с завершением самого переходного хозяйства.

«Диктатура пролетариата есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся и многочисленными пролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.) или большинством их, союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны союза в целях окончательного создания и упрочения социализма»⁴⁰. Это и многие другие места, где Ленин указывает на необходимость союза рабочего класса с крестьянством, часто используются в целях оппортунистического извращения природы этого союза.

В приведенной цитате Ленин ясно говорит о том, что целью этого союза является «полное свержение капитала» (кстати это и означает, что «экспроприация экспроприаторов» продолжается во все время существования союза пролетариата с крестьянством); в этой цитате нет характеристики самого союза, следовательно определения характера взаимоотношений внутри этого союза. Но в других местах Ленин на этом достаточно подробно не раз останавливался и правильное представление об учении Ленина по этому вопросу может быть получено только при учете всего учения в целом, а не на основании отдельных, вырванных из текста цитат.

«Основное различие, которое определяет наше отношение к буржуазии и к среднему крестьянству—полная экспроприация буржуазии, союз со средним крестьянством, не эксплуатирующим других»⁴¹. «Насилие по отношению к среднему крестьянству представляет величайший вред... Здесь экономическая задача стоит совсем иначе... Здесь нужна работа длительного воспитания»⁴². Подобных мест, где противопоставляется экспроприация буржуазии союзу со средним крестьянством у Ленина мы найдем очень много. Но одновременно он же указал, что «...надо обнаружить ошибку тех, кто не видит мелкобуржуазных экономических условий и мелкобуржуазной стихии как главного врага социализма у нас»⁴³.

Ленин везде подчеркивает двойственность природы крестьянина: «положение крестьянина таково по его быту, условиям его жизни, условиям его хозяйства, что крестьянин—полутрудовой, полуспекулянт»⁴⁴, «крестьянин—особый класс». «Как труженики, они — враги капиталистической эксплуата-

⁴⁰ Ленин, Собр. соч., т. XVI, с. 241.

⁴¹ Там же, с. 146.

⁴² Там же, с. 150.

⁴³ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, с. 187.

⁴⁴ Ленин, Собр. соч., т. XVI, с. 210.

ции, но в то же время они собственники»⁴⁵. Этой фразой Ленина ясно определяется место и роль крестьянства в союзе пролетариата с крестьянством, в диктатуре пролетариата. Будучи «трудящимся», крестьянин может быть при правильной политике пролетариата союзником последнего в борьбе с капиталом. Однако, как собственник, этот же крестьянин составляет «основу капитализма»: «страшна Сухаревка, которая живет в душе и действиях каждого мелкого хозяина. Эту Сухаревку надо закрыть. Эта Сухаревка есть основа капитализма. Пока она есть, капиталисты в Россию могут вернуться и могут стать более сильными, чем мы»⁴⁶.

Если мелкое производство рождает капитализм, то это ведь происходит именно потому, что капитализм имеет свою основу в самом мелком производстве; капиталистическое хозяйство города и мелко-товарное хозяйство крестьянина являются в своей основе одноклассным хозяйством. Конечно, мелкокрестьянское товарное хозяйство не есть еще капиталистическое хозяйство, но оно в своей основе однотипно с капиталистическим хозяйством, так как опирается на частную собственность на средства производства. Ленин тысячу раз прав, когда он говорит в своих заметках по поводу книжки т. Бухарина „Экономика переходного периода“ о „товарно-капиталистической тенденции крестьянства в противоположность социалистической тенденции пролетариата“. Этим именно и объясняется, что „мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе“... (Ленин)⁴⁷.

Отсюда следует, что процесс обобществления мелкого производства (обобществления на социалистической, а не капиталистической основе), как бы он ни был сложен и своеобразен, как бы он не отличался от процесса «экспроприации экспроприаторов», есть в то же время процесс подавления «товарно-капиталистических тенденций крестьянства», процесс борьбы с основой капитализма и самым капитализмом: «Борьба социализма с капитализмом в его последней форме происходит именно здесь, когда нужно побороть не только старые учреждения и не только помещиков и капиталистов, а все воспитанные капитализмом привычки и условия хозяйства миллионов мелких хозяев»⁴⁸.

Пока существует мелко-товарное производство, до тех пор существует и капитализм в переходном хозяйстве и существует не только в тенденции: кулак, торговец и скупщик не могут быть окончательно ликвидированы до тех пор, пока не ликвидировано само мелкое производство. «Экспроприация экспроприаторов» таким образом не только в своей «последней форме», но и в своей непосредственной форме растягивается на весь период переходного хозяйства, тесно переплетаясь с процессом обобществления мелко-товарного производства. Используя трудовую часть «души» мелкого собственника, пролетариат превращает его в союзника по борьбе с капиталом, но при этом постоянно приходится учитывать и ту часть природы мелкого собственника, которая делает его основой капитализма. Поэтому отрывать процесс «экспроприации экспроприаторов» от процесса обобществления мелкого производства нельзя и во времени («предистория» и «дальнейшее развитие»). Хотя на отдельных

⁴⁵ Там же, с. 215. Разрядка моя—Б. Р.

⁴⁶ Там же, с. 427.

⁴⁷ Сталин, Речь на конференции аграрников-марксистов.

⁴⁸ Ленин, Собр. соч., т. XVI, с. 290. Разрядка моя—Б. Р.

этапах развития переходного хозяйства взаимоотношения пролетариата, буржуазии и мелкой буржуазии не могут не изменяться, но какой бы этап переходного хозяйства мы ни взяли, мы всегда найдем в нем взаимоотношения этих трех классов, отношения, представляющие тот или иной этап развития классового союза пролетариата с трудящимися в целях полного свержения капитала.

V. ОБОБЩЕНИЕ КАК ОСНОВНОЕ ОТНОШЕНИЕ ПЕРЕХОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

До сих пор делалось много попыток выразить в сжатой формуле основной „закон“ развития переходного хозяйства. Как выражение двух противоположных, но имеющих близкую социальную базу точек зрения мы имели т. н. „закон первоначального социалистического накопления“ и т. н. закон „равновесия секторов“. Несоответствие обоих этих „законов“ действительным отношениям, характеризующим переходное хозяйство, в настоящее время достаточно выяснено. Но это не мешает тому, чтобы в борьбе с той или иной формулировкой не рождались новые формулировки, приближающиеся к одной из них. Напр. в одном из последних номеров „Большевика“ читаем: „Не закон «равновесия», к чему вслед за Бухариным идет и Леонтьев, а закон расширенного воспроизводства социалистического сектора в переходной экономике лежит в основе нашего движения к социализму“⁴⁹. Что „социалистический сектор“ в переходной экономике должен расширяться или „расширенно воспроизводиться“, — это не подлежит сомнению. Но вся проблема заключается ведь не во внутренних взаимоотношениях социалистического сектора, весь вопрос ведь в характере его связей с другими секторами, а „закон расширенного воспроизводства социалистического сектора“, если и делает возможным заключить чтонибудь об этих связях с другими „секторами“, то только то, что лежит в основе „закона первоначального социалистического накопления“, а именно, что социалистический сектор должен расти, а несоциалистический — уменьшаться.

Конечно, т. А. С., надо думать, имеет правильное представление о характере взаимоотношений социалистического „сектора“ с другими „секторами“ переходного хозяйства, но в таком случае ему лучше было бы это правильное представление не обобщать в неправильную формулу. Еще в 1921 г. Ленин заявил: „Мы предполагали, что, создав государственное производство и государственное распределение, мы этим самым непосредственно вступили в другую по сравнению с предыдущей экономическую систему производства и распределения. Мы предполагали, что обе системы — система государственного производства и распределения и система частного-торгового производства и распределения — вступят между собой в борьбу в таких условиях, что мы будем строить государственное производство и распределение, шаг за шагом отвоёвывая его у враждебной системы. Мы говорили, что задача наша теперь уже не столько экспроприация экспроприаторов, сколько учет, контроль, повышение производительности труда, повышение дисциплины. Это мы говорили в марте и апреле 1918 г., но мы совершенно не ставили вопроса о том, в каком соотношении окажется наша экономика к рынку,

⁴⁹ „Большевик“ № 3—4, 1930, рецензия А. С. на книжку Леонтьева.

к торговле“⁵⁰. Ясно, что проблема „соотношения нашей экономики к рынку“ есть проблема единства разных секторов переходного хозяйства, единства „системы государственного производства и распределения“ (социалистического сектора) с „системой частного производственного и распределительного“, единства хозяйства, находящегося на пути от капитализма к социализму. „Закон“, лежащий „в основе нашего движения к социализму“ и должен отразить все особенности, противоречия и тенденции переходного хозяйства, этой связи „элементов, частичек, кусочков капитализма и социализма“.

Трудность формулировки в немногих словах „закона“ развития переходного хозяйства усугубляется еще тем, что, как мы видели, этот „закон“ должен охватить как взаимоотношения с капиталистическим „сектором“, так и взаимоотношения с мелко-товарным „сектором“. „Закон“ включает и „экспроприацию экспроприаторов“ и обобществление мелко-товарного хозяйства. При таких условиях формулировка „закона“ по необходимости должна быть очень общей, иначе она не охватит всего круга явлений, которые этот „закон“ должен охватить.

Мне кажется, что наиболее подходящим термином для характеристики основных процессов, основных отношений нашего хозяйства, является—„процесс обобществления“. Этот термин имеет тот недостаток, что его обычно применяют и по отношению к капиталистическому хозяйству для характеристики процесса превращения раздробленного, мелкого хозяйства в единое, крупное. Но по отношению к нашему хозяйству этот термин получил право гражданства в несколько ином смысле: мы им характеризуем процесс роста социалистических элементов в нашем хозяйстве: нами не будет включен в процесс обобществления нашего хозяйства напр. рост кулацкого хозяйства и т. п. О процессе обобществления в нашем хозяйстве следует судить на основании динамики удельного веса государственной и кооперативной промышленности, торговли, кредита, движения кооперирования населения, роста различных форм коллективного ведения сельского хозяйства, роста влияния социалистического сектора на частный в различных формах этого влияния (контрактация, кредитование, налоги, цены и т. д.) и др. показателей, дающих картину процесса превращения нашего хозяйства в социалистическое хозяйство. Понятие обобществления охватывает, таким образом, как процесс „экспроприации экспроприаторов“, так и процесс обобществления мелкого производства.

Когда мы говорим, что основным „законом“ нашего хозяйства является „закон“ обобществления хозяйства, то этим мы уже 1) охарактеризуем наше хозяйство как состоящее из разных „секторов“ или элементов, 2) указываем, что эти „элементы“ находятся в определенном соотношении между собой, образуя единое хозяйство и 3) подчеркиваем, что эти элементы находятся между собой в соотношении обобществления, превращения в социалистическое хозяйство.

Термин „обобществление“ ничего не говорит о методах обобществления, но, как известно, эти методы настолько сложны и разнообразны, что выразить их в одной общей краткой формуле нельзя. Их можно конечно свести к двум основным группам: 1) методы „экспроприации экспроприаторов“ и 2) методы обобществления

⁵⁰ Ленин и, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, с. 360. Разрядка моя—Б. Р.

мелкого хозяйства. Между этими группами не существует непроходимой грани: возможны всякого рода „изъятия“ из мелко-товарного сектора, с другой стороны, возможно и существование „государственного капитализма“. Однако методы „обобществления“ капиталистического хозяйства и хозяйства мелко-товарного, конечно, в основном существенно различаются. Но ни одна краткая общая формула этих различий в методах выразить не сможет.

Достаточно, если эта формула выразит хотя бы основное отношение и основные тенденции переходного хозяйства. Ни „закон первоначального накопления“ ни „закон расширенного воспроизводства социалистического сектора“ этих основных отношений переходного хозяйства не выражают. Закон „равновесия“ вообще никакого понятия перехода не отражает. Термин „обобществление“ основные отношения переходного хозяйства отражает, но понятно, что облечен „плотью и кровью“ этот термин может только тогда, когда ему предшествует развитая характеристика отношений и противоречий переходного хозяйства.

В основе этой характеристики должны лежать следующие моменты:

1. Переходное хозяйство есть особая хозяйственная система, особый тип хозяйства.

2. Составляя переход от капитализма к социализму, переходное хозяйство включает черты того и другого, состоит из разных элементов, „секторов“.

Поскольку переход совершается от „реального“ капитализма, постольку существование „докапиталистических“ отношений может наложить существенный отпечаток на форму переходного хозяйства; мелко-товарное хозяйство является третьим основным „сектором“ переходного хозяйства, при этом должна быть учтена своеобразная, промежуточная природа этого „сектора“.

3. Социалистический „элемент“, социалистическое начало с самого момента образования переходного хозяйства является господствующим началом, придавая переходному хозяйству направление развития к социализму.

4. Основным отношением переходного хозяйства является отношение обобществления („становления“ социализма). Методы обобществления различны (конфискация, национализация, налоги, неэквивалентный обмен, кредит, цены, контрактация, кооперирование, коллективизация и т. д.). Их можно разделить на две группы: 1) обобществление капиталистического хозяйства — „экспроприация экспроприаторов“ и 2) обобществление мелко-товарного хозяйства. Оба эти типа отношений тесно между собой связаны.

5. В зависимости от достигнутого уровня обобществления хозяйства и конкретной стороны этой задачи, которая в тот или иной период выдвигается на первый план, мы можем различать этапы в развитии переходного хозяйства. Однако на всех его этапах переходное хозяйство сохраняет свои основные черты, основную структуру, выделяющую его в особую систему, особый тип хозяйства.

6. Если основным отношением переходного хозяйства является обобществление, то ясно, что воспроизводство переходного хозяйства, воспроизводя это отношение, тем самым в конце концов „отрицает“ переходное хозяйство. Доведенное до конца обобществление превращает переходное хозяйство в хозяйство социалистическое.

ОБ ОДНОЙ ОПАСНОЙ ТЕОРИИ

1. ЧЕТЫРЕ ТЕЗИСА Л. ШАНИНА

В своем выступлении по докладу И. Трахтенберга „Теория современного кредита“ в Комакадемии и в статье „Prolegomena к теории советского банка“ („Проблемы экономики“ № 4—5 за 1929 г.) т. Шанин выдвинул оригинальную, но, как мы попытаемся показать, чреватую опасными политическими выводами теорию по вопросу о причинах, требующих существования банка в переходный период. Хотя непосредственным объектом изучения в статье Шанина является банк в советских условиях, но по существу в ней дается ответ на более широкий вопрос,—чем вызвано существование категорий товарно-капиталистического хозяйства в хозяйстве переходного периода и какова их характеристика в советских условиях в отличие от капиталистических.

Центральный тезис Шанина заключается в том, что неизбежность существования банка в переходный период диктуется в конечном счете не наличием необобществленной среды, а только взятыми вне всякой связи с этой средой особенностями самого обобщественного сектора на определенном этапе, незавершенной его консолидацией, слабой организованностью. „Мне думается, что в самом нашем обобщественном хозяйстве, если взять его нынешний статус, существуют элементы, требующие создания советского банка как восполнения, как корректива и как метода преодоления дефектов самого нашего обобщественного сектора“¹.

Такая же постановка вопроса дается Шаниным вполне последовательно не только в отношении банка и кредита, но и в отношении остальных категорий товарно-капиталистического хозяйства в применении к условиям СССР. И эти категории, по его мнению, также выражают организационную отсталость обобщественного сектора, которая у него неправильно выступает в качестве самоудовлетворяющей причины появления этих категорий в обобщественном секторе (они призваны к жизни этой отсталостью и их задача преодолеть ее). „Они (категории товарно-капиталистического хозяйства—*М. Р.*) и в обобщественном секторе имеют совершенно реальную базу. Но они выражают здесь не социально-экономическую сущность его, а временную его технико-организационную отсталость, незавершен-

¹ Все цитаты приводятся из речи Шанина в Комакадемии („Вести. Комакадемии“ № 32, с. 152) или из его ст. в „Проблемах экономики“ № 4—5, 1929.

ность его организационно-технической консолидации, отставание организационно-технического построения от социально-экономической сущности его“. В обеих приведенных цитатах Шанина имеется зерно истины, состоящее в том, что категории товарно-капиталистического хозяйства в условиях обобществленного сектора советского хозяйства должны восполнять недостаточную организованность этого сектора. Но тем не менее одни эти моменты, взятые сами по себе, не дадут правильного решения проблемы, если не усмотреть связи между недостаточной организованностью обобществленного сектора и наличием необобществленного окружения, если не понять, что это окружение в конечном счете обуславливает недостаточную организованность обобществленного сектора и неизбежность в последнем указанных категорий.

В чем же Шанин видит организационную слабость нашего обобществленного сектора? В том, что последний имеет построение в виде ряда автономных предприятий, хоть и связанных между собою планом, и соприкасается с частным сектором не как единое, социалистически организованное целое, а своими автономными частями; в том, что сами эти автономные части внутри обобществленного сектора смыкаются с рынком и друг с другом в товарно-денежных формах. Существующий тип организации нашего обобществленного сектора—как говорит Шанин—„есть тип, который выражает преходящую историческую слабость самого обобществленного сектора, которая вероятно будет преодолена прежде, чем будет преодолено частное окружение обобществленного сектора“ (разрядка моя—*М. Р.*). Так как у самого Шанина поднятие существующего типа организации обобществленного сектора на более высокую ступень, когда будет преодолена его организационная слабость, делает банк уже ненужным (ибо банк необходим лишь для компенсации организационной слабости обобществленного сектора), то из приведенной цитаты непосредственно вытекает, что банк, а равно и прочие категории товарно-капиталистического хозяйства в переходный период как таковые могут исчезнуть и даже вероятно исчезнут прежде, чем исчезнет необобществленное окружение.

В чем—в чем, но в непоследовательности Шанина обвинить нельзя; категории в обобществленном секторе вызваны неорганизованностью последнего; эта неорганизованность преодолевается быстрее, чем преодолевается частное окружение; отсюда—категории должны исчезнуть раньше этого частного окружения—такова стройная цепь его рассуждений.

Как же Шанин представляет себе более высокий тип организации обобществленного сектора? Он ставит вопрос, неизбежно ли является единственно возможным такое построение обобществленного сектора, которое основано на связи отдельных автономных частей его с частным окружением, а также этих частей между собой на базе рыночных отношений. На этот вопрос он отвечает отрицательно: „А между тем возможен был бы и другой тип нэпа, когда организационно-объединенный и социалистически построенный обобществленный сектор допускает моменты нэпа лишь на стыке своем с частным сектором, но не внутри себя (разрядка моя—*М. Р.*), аналогично, скажем, тому, как движение ресурсов внутри предприятия протекает не в порядке товарно-денежного обмена, а путем нату-

рального снабжения и сдачи продукции; товарно-денежные же отношения имеют место лишь на стыке предприятия или треста с другими организациями“.

Заметим, что сама посылка Шанина является неправильной, ибо, как будет ниже показано, при наличии частного окружения, обобществленный сектор не может достигнуть уровня социалистической организованности. Но если даже исходить из этой посылки, то при втором, более высоком типе нэпа, где обобществленный сектор изгоняет изнутри себя рыночные отношения и связывается как замкнутое целое с частным сектором, по Шанину, нэп имеется в частном секторе, имеется на стыке обобщественного и частного секторов, но совершенно отсутствует внутри обобщественного сектора. Далее он отмечает, что историческое развитие нашего обобщественного сектора привело сперва к объединению отдельных предприятий в тресты, что отрезало их от рынка; затем тресты были охвачены синдикатской системой, которая оперировала на стыке с частным сектором; наконец синдикатская система уступает свое место кооперации, снабжающей промышленность с.-х. продуктами и сбывающей ее товары и т. д., так. обр. обобществленный сектор у него быстро поднимается на высокую организационную ступень только в силу самостоятельных законов, независимо от преодоления частного сектора. Чрезвычайно характерна позиция Шанина в вопросе о связи процесса организации обобщественного сектора с процессом преодоления частного сектора. Эти два процесса у него протекают совершенно отдельно, оторванно друг от друга: „Обобществленный сектор интенсивнейшим образом переделывает частный сектор. Но наряду с этим (разрядка моя—*М. Р.*) идет еще более бурный процесс внутренней переделки самого обобщественного сектора, чтобы лучшей своей организацией эффективнее воздействовать на частный сектор“. И далее: „слабость нашего обобщественного сектора... может быть изжита независимо (разрядка моя—*М. Р.*) от того и прежде чем будет полностью преодолен частный сектор“. Не спасает положения и третье утверждение: „Организация обобщественного сектора идет в интенсивном темпе и разворачивается в значительной мере независимо от процесса глубинного кооперативно-производственного и коллективистического преодоления основных особенностей самого частного сектора“, и оговорка: „в значительной мере“, ибо, как будет ниже показано, как раз первые две цитаты целиком соответствуют основной сути построений Шанина.

Итак основные положения Шанина вкратце сводятся к следующему: 1) наличие категорий товарно-капиталистического хозяйства, в частности банка, в обобщественном секторе советского хозяйства обусловлено в конечном счете не наличием необобщественного окружения, а состоянием самого обобщественного сектора, его слабой организованностью; 2) наивысшая степень организованности обобщественного сектора—социалистическая организованность—возможна при сохранении необобщественного окружения и означает ликвидацию элементов нэпа внутри обобщественного сектора при сохранении последних в частном секторе и на стыке обобщественного и частного секторов; 3) процесс организации и внутренней переделки самого обобщественного сектора и процесс переделки частного сектора обобщественным протекают отдельно, наряду друг с другом, независимо друг от друга, причем первый процесс опережает второй;

4) так как наивысшая степень организации обобщественного сектора установится раньше преодоления частного сектора, то категории товарно-капиталистического хозяйства исчезнут раньше из обобщественного сектора, чем исчезнет необобщественное окружение.

II. РАЗБОР ПОЛОЖЕНИЙ Л. ШАНИНА

К разбору этих положений мы и переходим. В каком случае можно говорить об уровне высокой, социалистической организованности обобщественного сектора? Лишь в том случае, когда непосредственным планированием охватывается все хозяйство в целом, когда эта организованность не может быть подорвана стихийными факторами, вытекающими из частного окружения, когда общественные отношения выступают на поверхности в совершенно обнаженном виде, без всяких фетишистских и ценностных оболочек. Короче говоря, подобная организованность обобщественного сектора может наступить лишь тогда, когда этот сектор охватит все хозяйство и останется один, без необобщественного окружения, когда он перестанет быть сектором, а перерастет в обобщественное народнохозяйственное целое. В переходный же от капитализма к социализму период такой организованности, как при социализме, в обобщественном секторе быть не может в силу наличия частного окружения², хотя в силу известных преимуществ советской системы организованность здесь гораздо выше, чем в крупном производстве, соответствующем нашему обобщественному сектору, при капиталистических условиях. В обобщественном секторе СССР мы имеем социалистический тип производственных отношений, однако груз необобщественного окружения не дает возможности применить здесь такие методы организации, какие свойственны социализму (всеобщий план, ликвидация рынка, денег и прочих товарно-капиталистических категорий). Обобщественный сектор вынужден пользоваться категориями товарно-капиталистического хозяйства (конечно в условиях обобщественного сектора социальная сущность этих категорий резко меняется, остается лишь сходная форма, да и та меняется) как единственным способом связи с частным окружением, как известным суррогатом, помогающим организации обобщественного сектора и его укреплению на рыночных рельсах (не говоря уже о внешне-капиталистическом окружении, усиливающем необходимость в этих категориях в обобщественном секторе). Ошибка Шанина заключается не в том, что он рассматривает категории товарно-капиталистического хозяйства внутри обобщественного сектора как факторы, помогающие организации последнего, хотя и на рыночной основе. Это несомненный факт. В частности Ленин неоднократно подчеркивал громадную организующую роль банка в советских условиях как прообраза социалистического учета и контроля над производством и распределением продуктов: „Единый, крупнейший из крупнейших, Государственный банк с отделениями в каждой волости, при каждой фабрике— это уже девять десятых социалистического аппарата. Это—

² Это вовсе не отрицает того факта, что в настоящих условиях, при бурном росте мощности наших командных высот и при решительной переделке частного окружения на социалистических основах (сплошная коллективизация) мы имеем большой рост организованности обобщественного сектора.

общегосударственное счетоводство, общегосударственный учет производства и распределения продуктов, это, так сказать, нечто вроде скелета социалистического общества“ (т. XIV, ч. 2, с. 230). Верно также то, что отсутствие социалистической организованности в обобщественном секторе, но в силу наличия необобщественного окружения, о чем забывает Шанин (и необходимость связи обобщественного сектора с последним), требует наличия в этом секторе товарно-капиталистических категорий. Центральная ошибка Шанина состоит в том, что он совершенно отрывает проблему организованности обобщественного сектора от действия необобщественного окружения; что он не видит взаимодействия процесса организации обобщественного сектора и процесса преодоления частного сектора; что он полагает, будто бы возможна при наличии необобщественного окружения полная социалистическая организация обобщественного сектора, делающая излишними категории товарно-капиталистического хозяйства в последнем³; что он в слабой организованности обобщественного сектора видит самодовлеющую причину появления в нем этих категорий, ибо он игнорирует тот факт, что главной причиной, обуславливающей отсутствие социалистической организованности, а значит и наличие товарно-капиталистических категорий в обобщественном секторе, является необобщественное окружение. А в этом окружении и следует искать разгадку проникновения этих категорий в обобщественный сектор.

Из сказанного выше вытекает, что обобщественный сектор ни в коем случае не может получить такого полного завершения организованности, как при социализме, не может освободиться от товарно-капиталистических категорий, покуда вокруг него имеется частное окружение. Этого не произойдет даже в том случае, если обобщественный сектор будет соприкасаться с необобщественным не отдельными автономными своими частями, а как единое „замкнутое“ целое, ибо замкнутость эта будет чрезвычайно относительной, пропускающей внутрь влияние частного окружения и наоборот. Следует иметь в виду, что, даже при соприкосновении обобщественного сектора с частными автономными частями, последние охвачены общим планом и выступают уже до известной степени как нечто единое, хотя это единство линии может осуществляться лишь в грубых чертах с нередкими значительными отклонениями, ибо этих единиц много и потому трудно согласовать их деятельность; каждая из них не выступает перед частным окружением в качестве столь крупного монополиста, каковым является весь обобщественный сектор в целом; наконец этой стадии обобщественного сектора соответствует еще слабый уровень концентрации командных высот, слабость планирования и т. д.

Представим себе теперь наиболее высокий в условиях переходного периода тип организации обобщественного сектора, при котором он является относительно замкнутым целым, но на стыке общается с необобщественным окружением (к этому типу мы при-

³ Шанин ошибочно полагает, что в данный момент, когда синдикатская система уступает свое место кооперации и завершается процесс ликвидации купли-продажи между предприятиями обобщественного сектора, последний становится якобы уже социалистически-организованным при наличии частного окружения.

ближаемся). Здесь конечно произойдет ряд изменений сравнительно с отсталым типом обобщественного сектора: предприятия отрезаны от частного рынка, исчезает между ними купля-продажа и т. д. Однако совершенно неверно было бы полагать, как это делает Шанин, что нэп отсюда окончательно изгнан и сохранился лишь в частном секторе и на стыке обоих секторов. Ибо, покуда существует денежная периферия, невозможно например расчет между государственными предприятиями вести в социалистических трудовых часах, себестоимость госпредприятий выражается в денежных единицах и т. д. Вот почему мы считаем неверной и формулировку Трахтенберга, у которого в этом случае исчезают категории товарного хозяйства из обобщественного сектора, оставаясь очевидно в необобщественном секторе и на стыке обоих секторов: „Если бы обобщественный сектор имел бы общение с необобщественным окружением как единая замкнутая ⁴ в себе система, если бы в этом общении обобщественный сектор выступал бы как единая организация, то в нем, т. е. в обобщественном секторе, никаких категорий товарного хозяйства не было бы“. Сама постановка вопроса о „нэпе на стыке двух секторов“ является неправильной, ибо нэп есть политика, которая может охватывать лишь все хозяйство в целом, а не по кусочкам. Даже наиболее организованный тип обобщественного сектора в переходный период все же не является социалистически организованным в законченном виде в силу необобщественного окружения, а потому до ликвидации последнего нэп и категории товарно-капиталистического хозяйства в обобщественном секторе будут существовать. Нэп есть система связей, характеризующая все хозяйство в целом; отмереть нэп может тоже только во всем хозяйстве, а не по отдельным секторам.

Посмотрим теперь, какова связь между необобщественным окружением и процессом организации обобщественного сектора. Следует ли из нашей основной установки, что главной причиной, не допускающей полной, как при социализме, организованности обобщественного сектора, является частное окружение, вывод, будто преодоление неорганизованности обобщественного сектора не может осуществляться посредством ряда самостоятельных мероприятий экономической политики, применяемой в самом обобщественном секторе (планирование, создание трестов, синдикатов, концентрация производства и операций по снабжению предприятий и реализации их продукции и т. д.). Ни в малейшей мере. В частности, на всем протяжении переходного периода происходит трансформация банка, процесс все большего удаления его от типа капиталистического банка и все большего приближения к органу общехозяйственного счетоводства и контроля. „...радикальное изменение и упрощение банковских операций путем превращения банковского аппарата в аппарат единого учета и общего счетоводства Советской республики. По мере организации планомерного общественного хозяйства это приведет к уничтожению банков и превращению его (банковского аппа-

---

⁴ Мы уже показали неправильность самой подобной посылки, ибо при наличии частного окружения замкнутость обобщественного сектора может быть лишь весьма относительной.

рата—*М. Р.*) в центральную бухгалтерию коммунистического общества“ (из программы партии). Проходящая сейчас кредитная реформа несомненно делает громадный шаг вперед в деле превращения советского банка в орган учета и контроля.

Но это преодоление недостаточной организованности обобщественного сектора в силу взаимопроникновения последнего с частным сектором не может протекать вне связи с преодолением частного окружения. Обобщественный сектор играет активную, ведущую роль по отношению ко всему народному хозяйству; чем решительнее он будет преодолевать необобщественное окружение, тем все ближе он будет подходить к линии социалистической организации, которая будет достигнута с ликвидацией этого окружения. Между процессом организации обобщественного сектора и процессом преодоления частного окружения имеется и прямая взаимозависимость, которая заключается в следующем: нельзя конечно недооценивать роли всемерного укрепления и самостоятельности организации обобщественного сектора (командных высот) в деле усиления влияния его на переделку необобщественного окружения, но нужно видеть и обратную сторону этого взаимодействия: что чем больше обобщественный сектор переделывает частное окружение, чем больше суживается поле деятельности стихии, тем больше усиливается процесс организации самого сектора. Совершенно ясно, что чем больше будет при помощи командных высот организовано колхозов, совхозов, законтрактовано с.-х. продукции, чем больше будет сломлено сопротивление кулачества и т. д., тем лучше будет организован и сам обобщественный сектор (в смысле снабжения хлебом, сырьем, удержания директивных цен, планомерности сбыта промтоваров, роста планирования и т. д.). Вот этой-то большой роли переделки необобщественного окружения в деле организации самого обобщественного сектора Шанин и не заметил. Ибо у него повышение организованности обобщественного сектора протекало без всякой связи с преодолением частного окружения. Следует ли из нашей установки, что „обобщественный сектор подымается на высшую организационную ступень будто бы только (разр. наша — *М. Р.*) вслед за успехами на фронте необобщественного сектора“ (Шанин), что организованность обобщественного сектора является лишь пассивным рефлексом процессов переделки частного окружения? Нет, не следует, ибо мы не отрицаем, а всячески подчеркиваем значение самостоятельной организации обобщественного сектора. Но что обобщественный сектор подымается на высшую организационную ступень в известной мере и вслед за успехами на фронте необобщественного сектора, в этом также не может быть никакого сомнения. Надо видеть не только самостоятельную организацию обобщественного сектора, но и ту его организацию, которая является обратной стороной процесса преодоления стихии.

Означает ли подобная постановка вопроса принижение ведущей роли обобщественного сектора и наоборот, не передается ли здесь дирижерская палочка частному окружению? Она означает совершенно обратное: необходимость решительного преодоления этого окружения при активном участии и гегемонии обобщественного сектора.

Ш. АРГУМЕНТЫ Л. ШАНИНА В ПОЛЬЗУ СВОИХ ПОЛОЖЕНИЙ

А р г у м е н т № 1. „Эта недостаточная организованность обобщественного сектора определяется не тем, что в стране имеется частный сектор, ибо при большей организационной зрелости самого обобщественного сектора этого состояния могло бы и не быть даже и при наличии частного сектора“. Этот аргумент является бессодержательной тавтологией. По существу же ответ на него дан выше и заключается в том, что при наличии частного окружения организационная зрелость обобщественного сектора не может быть столь полной, как при социализме. Ответ этот полностью покрывает и аналогичный аргумент: „и нэп во взаимоотношениях между обобщественным и частным сектором и внутри этого последнего сам по себе еще не означает качественной слабости обобщественного сектора в пределах того, что он охватил“.

А р г у м е н т № 2. „Недостаточная собственная организованность обобщественного сектора является и теоретическим историческим *prigius*'ом, определяющим данную форму связи между обоими секторами, но не наоборот“. По Шанину обобщественный сектор достигает организационной зрелости при наличии частного окружения в том случае, если он соприкасается с последним как единое целое. Но в этом случае, по установке самого же Шанина, на стыке секторов остаются элементы нэпа. Следовательно, если даже исходить из позиций самого Шанина, эти элементы нэпа не могут уже зависеть от неорганизованности обобщественного сектора, а значит могут быть обусловлены лишь частным окружением.

А р г у м е н т № 3. „Наши банки мало связаны с частным сектором и сильно с обобщественным“. Далее делаются ссылки на Трахтенберга, который подчеркивает организующую роль банка для обобщественного сектора (но который, кстати, не менее решительно подчеркивает роль банка как орудия переделки частного окружения). Этот аргумент должен доказать, что поскольку банк обслуживает преимущественно обобщественный сектор, он вызван к жизни именно неорганизованностью этого сектора, а не частным окружением. Прежде всего Шанин упустил здесь чрезвычайно важную роль банка как регулятора денежного обращения внутри страны и как организатора международных расчетов, в каковом банк имеет дело с окружением. Но даже тот факт, что банк как распределитель „капиталов“ больше всего связан с обобщественным сектором, говорит лишь о том, что он помогает усиливать организованность последнего. Но это—азбучная истина. А дело в том, что наличие банка в обобщественном секторе вызвано (если даже рассматривать его только, как распределителя капиталов) недостаточной организованностью последнего, а она обусловлена частным окружением. Поэтому в конечном счете последнее является главной причиной появления в обобщественном секторе категорий товарно-капиталистического хозяйства.

А р г у м е н т № 4. Не организовывая обобщественного сектора, нельзя успешно преодолеть и частный сектор. Это верно. Но надо видеть и другую сторону медали: что лишь преодоление частного сектора обеспечит социалистическую организованность обобщественного хозяйства.

А р г у м е н т № 5. „Товарно-денежные отношения внутри обобщественного сектора могли бы мимолетно существовать и в таком—

теоретически мыслимом—социалистическом хозяйстве, которое с самого начала формально овладело всем народным хозяйством, но которое еще не сумело по существу консолидировать свое обобществленное хозяйство“. Характерно отметить, что на всем протяжении статьи Шанин ни разу не пытается поставить вопрос, от чего зависит недостаточная организованность или неконсолидированность обобщественного сектора; и это не случайно; ибо ответ на него может быть найден лишь в наличии частного окружения, что означает крах всего построения Шанина. С нашей же точки зрения теоретическое допущение Шанина является бессмысленным, ибо в социалистическом хозяйстве, где нет частного окружения, нет и причины⁵, могущей вызвать недостаточную организованность обобщественного хозяйства. Не странно ли однако, что Шанин для изыскания дополнительного аргумента в защиту своих позиций считает возможным иметь организованный обобщественный сектор при наличии частного окружения и иметь недостаточно организованное обобщественное хозяйство при полном отсутствии частного окружения! Поистине все идет у него навыворот.

Следует отметить, что и сам Шанин очевидно не тверд в своих позициях, потому что нет-нет да и вырвется у него фраза, погребаящая всю его концепцию, вроде следующей: „При правильности мысли, что частное окружение играет огромную роль в смысле определения типа нашего обобщественного сектора (разрядка моя—*М. Р.*), этот подход (объясняющий необходимость советского банка наличием у нас частного сектора) тем не менее представляется мне все же неправильным“. Шанин, который все время доказывал, что тот или иной тип обобщественного сектора (замкнутый в себе, или не замкнутый) обусловлен высокой или низкой степенью организованности обобщественного сектора, здесь противоречит самому себе, сдает позиции и признает огромную роль частного окружения в смысле определения типа обобщественного сектора. Если быть последовательным, то отсюда вытекает: частное окружение определяет тип обобщественного сектора, а от этого типа зависит появление в секторе категорий, так что в конечном счете появление категорий в обобщественном секторе обусловлено этим частным окружением.

IV. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ ИЗ ШАНИНСКОЙ ТЕОРИИ

Шанин вполне правильно подчеркивает всю политическую вредность теории, которая рассматривает процесс организации обобщественного сектора лишь как пассивный рефлекс процессов переделки необобщественного окружения и которая совершенно игнорирует самостоятельные процессы переделки самого обобщественного сектора, проводимые сознательно экономической политикой пролетарского государства. Подобная теория недооценивает роли планирования обобщественного сектора, недооценивает мощности и ведущей роли наших командных высот и наоборот—переоценивает роль необобщественного окружения, придавая последнему характер некоего ведущего начала. Однако не менее вреден и опасен противоположный перегиб, имеющийся у Шанина и заключающийся в недооценке роли частного окружения и задачи преодоления последнего.

⁵ Мы отвлекаемся от стихийных бедствий и т. д.

Правильная позиция состоит в том, что, всячески подчеркивая ведущую роль наших командных высот по отношению к частному окружению, а также громадное значение самостоятельной организации обобщественного сектора, надо в то же время видеть, что частное окружение является в конечном счете причиной отсутствия полной, как при социализме, организованности обобщественного сектора и наличия в последнем категорий товарно-капиталистического хозяйства.

Мы рассмотрели все основные положения Шанина и его аргументы в их защиту. Из этого рассмотрения нетрудно убедиться, что все его рассуждения, хотя и касаются различных вопросов, тем не менее пронизаны единым крупнейшим методологическим грехом. Этот методологический грех заключается в полном отрыве процесса организации обобщественного сектора от процесса преодоления необобщественного окружения. Отсюда уже вытекает у него обусловливание наличия указанных категорий в обобщественном секторе только неорганизованностью последнего как самодовлеющей причиной; возможность установления социалистической организованности обобщественного сектора, отмирания только в нем нэпа и ликвидации в нем этих категорий раньше, чем исчезнет частное окружение и т. д. Самое большее, на что идет Шанин, это признание влияния этого окружения на стыковые звенья обоих секторов.

Теория Шанина представляет собой как раз классический образчик механистической теории равновесия, теории „двух параллельных ящиков“, о которой говорил Сталин. Всякое механистическое извращение материалистической диалектики жестоко мстит за себя и ведет к уклонам от партийной линии как „левого“, так и особенно правого порядка.

С одной стороны, теория Шанина целиком сползает на путь двух регуляторов Преображенского. У него, как и у Преображенского, обобщественный и частный сектор не взаимно проникают друг в друга, а оторваны, отгорожены китайской стеной. При таком положении в каждом секторе должен сидеть особый регулятор, каковой вывод Преображенский последовательно и делает. По Шанину же внутри частного сектора и на стыке обоих секторов есть нэп, а внутри обобщественного—нэп изгоняется. Отсюда неизбежно вытекает необходимость иметь в обобщественном секторе особый регулятор, отличающийся от регулятора частного сектора, хотя Шанин предпочитает об этом обстоятельстве не говорить.

Но наиболее важный вывод из положений Шанина заключается в том, что они создают теоретическую базу для правоуклонистских взглядов.

В самом деле: из концепции Шанина следует один центральный вывод: не нужно спешить с переделкой необобщественного окружения, не нужно спешить с его ликвидацией, в частности с ликвидацией капиталистических элементов, надо твердо помнить, что само частное окружение состоит из простого товарного хозяйства и капиталистического, причем ликвидация этих обоих видов происходит принципиально различными методами; первый переделывается в колхозы на основе добровольного вступления в них мелких товаропроизводителей; капи-

талистические же элементы—кулачество—ликвидируются на определенном этапе развития—с применением к ним экспроприации, ибо и без этого, ибо и при сохранении этого окружения возможна высокая, социалистическая организованность обобщественного сектора, ликвидация в последнем нэпа и категорий товарно-капиталистического хозяйства.

Вряд ли нужно еще дальше доказывать, что подобная теория, особенно в данных конкретно-исторических условиях, когда партия и рабочий класс СССР напрягают все усилия для быстрого преодоления частного окружения—ибо только таким путем можно обеспечить наибольшую организованность нашего обобщественного сектора и быстрое достижение социализма, — является опасной, правоуклонистской теорией.

ДИНАМИКА ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕООРУЖЕНИЯ СССР И КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ¹.

О Ч Е Р К П Е Р В Ы Й

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В плане технического перевооружения производительных сил СССР реконструкция энергетической базы является одним из основных и определяющих моментов. Этот тезис нашел свое развернутое научное освещение в очерках Г. М. Кржижановского ².

Едва ли будет преувеличением сказать, что кривая энергетического перевооружения, кривая количественного и качественного роста энерговооруженности производительных сил наиболее близко из всех возможных измерителей отражает общий процесс поступательного развития производительных сил, переключения их на качественно более высокую техническую ступень. Ибо процесс рационализации системы исполнительных и передаточных механизмов в каждой отрасли производства находится на решающих своих участках, в непосредственной связи и зависимости от техно-экономического уровня энерговооруженности этой системы в широком смысле слова ³.

Трудно переоценить ту руководящую роль, которую играет проблема реконструкции энергетической базы в общей системе технического перевооружения производительных сил нашей страны.

Незавидное наследство получил рабочий класс от капиталистической России. Технический уровень ее производительных сил, как известно, „на много десятилетий“ отставал от соответствующего уровня основных западных стран. И перед рабочим классом, строящим на плановых социалистических основах народное хозяйство своей страны, поставлена важнейшая задача,—в кратчайший исторический срок „догнать и перегнать“ технический уровень производительных сил наиболее передовых капиталистических стран. Не трудно было бы показать, что в этом плане наиболее универсальным и полноценным „барометром“ являются динамика и темпы количественного и качественного роста энерговооруженности производительных сил.

¹ Раздел II—„Общие показатели энерго- и электровооруженности“ печатается в сборнике Госплана „Факторы реконструкции промышленности“ (там же печатается продолжение настоящего очерка, посвященного энерго- и электробалансу).

² См. в частности в журнале „Плановое хозяйство“ за 1928—1930.

³ См. об этом в журнале „Мировое хозяйство“ №№ 7, 8 и 9 за 1929.

Достаточно обратиться к анализу материалов, характеризующих в развернутом виде динамику и темпы энерговооруженности производительных сил СССР и основных стран капиталистического сектора мирового хозяйства за последнее пятилетие (1925—1929 гг.), чтобы убедиться в том, что советская страна этот исторический путь „догона и перегона“ передовой капиталистической техники, этот путь технического перевооружения пройдет в кратчайший срок.

Девять лет тому назад (в июле 1921 г.), докладывая III конгрессу Коминтерна о хозяйственном положении Советской страны, о запроектированном тогда плане ГОЭЛРО, В. И. Ленин указывал: „Единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие. Но этим общим положением нельзя ограничиваться. Его необходимо конкретизировать. Соответствующая уровню новейшей техники и способная реорганизовать земледелие крупная промышленность есть электрификация всей страны“⁴.

Как в этих тезисах к III конгрессу Коминтерна, так и несколькими месяцами позже в своем докладе на IX Всероссийском съезде советов (23/XII 1921 г.) Ленин с гордостью отмечал те тысячи kw новой мощности электрических станций, которые рабочий класс России соорудил в годы гражданской войны⁵.

„Как ни скромно это начало для нашей громадной страны,— писал тогда Ленин,—а все же начало положено, работа пошла и идет все лучше и лучше“⁶. И в другом месте: „Если эти цифры сравнивать с Западной Европой, то они, конечно, покажутся крайне мизерными, нищенскими. Но они показывают, как может идти вперед дело даже при условиях ни в одной стране невиданных трудностей“⁷.

С того времени прошло неполных 9 лет и „в условиях ни в одной стране невиданных трудностей“ страна советов включает уже ежегодно не тысячи, а сотни тысяч kw новой электрической мощности, сооружаемой на наиболее высокой технической и экономической основе. Не только относительно, но и по абсолютным размерам массива включаемой в народное хозяйство электрической мощности мы идем уже в уровень с передовыми странами Западной Европы.

Англия например за 1928 г. включила новую мощность на всех электр. станциях страны в размере около 450 тыс. kw (5,4% прироста к действовавшей мощности), из коих около 350 тыс. kw на станциях общего пользования (6,6% прироста) и около 100 тыс. kw на промышленных электростанциях (3,5% прироста)⁸. Германия

⁴ В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, изд. 1-е, с. 293—294, „Тезисы о тактике РКП“. Разрядка наша—В. В.

⁵ „Если в 1918 г. у нас было вновь построенных электрических станций 8 с 4 757 kw., то в 1919 г. эта цифра поднялась до 36 станц. (а в 1920 г. до 100) с 8 699 kw“ (Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, с. 293). Или в другом месте:

„Если сложить 1918 и 1919 гг., то у нас в этот срок были открыты 51 станция с мощностью в 3½ тыс. kw. Если сложить 1920 и 1921 гг., то открыта была 21 станция с мощностью в 12 тыс. kw“. (Ibidem, с. 409).

⁶ Ibidem, с. 224.

⁷ Ibidem, с. 409. Разрядка наша—В. В.

⁸ По данным „World Power“ 1929, с. 229 и „Elektrizitätswirtschaft“ 1930, с. 3. Очерк Schmelchera, „Stimmungen der Englischen Öffentlichkeit zur dortigen Elektrizitätswirtschaft“.

в том же году включила новую мощность на всех станциях общего пользования в размере около 570 тыс. kw (10% прироста), на промышленных электростанциях—около 300 тыс. kw (6,7% прироста), а всего около 870 тыс. kw (8,6% прироста)⁹. Италия за 1929 г. включила новую мощность на станциях общего пользования в размере 400 тыс. kw (12,7% прироста)¹⁰.

При этом, как показывают цифры „расширенного воспроизводства“ электрификации, кривая строительства новой электрической мощности за последние годы в капиталистических странах показывает в основном затухающие темпы не только в относительных цифрах, но и по абсолютным размерам¹¹. И эти данные относятся еще к сравнительно „благополучным“ годам в хозяйственном развитии этих стран. Не трудно предвидеть резкое снижение кривых роста электрической мощности, в связи с разворачиванием экономического кризиса в капиталистическом секторе мирового хозяйства.

В СССР же кривая „расширенного воспроизводства“ электрификации идет не затухающим, а нарастающим темпом. Если в 1927/1928 г. включенная новая мощность только на районных электростанциях составила всего около 65 тыс. kw (12,7% прироста к действовавшей мощности), то в 1928/1929 г. она уже составила цифру порядка 140 тыс. kw (24,5% прироста), а в 1929/1930 г. она достигнет 460 тыс. kw¹².

Суммарный же прирост мощности на всех электростанциях составил в 1927/1928 г. ок. 160 тыс. kw (ок. 10% прироста), а в 1928/1929 г. цифру около 280 тыс. kw (около 16% прироста). В постройке же находятся 23 новых районных станции с мощностью около 2 млн. kw плюс строящаяся новая мощность на существующих районных станциях в размере около 900 тыс. kw.

Суммарная электрическая мощность на районных станциях, которая будет введена в эксплуатацию к концу 1932/1933 г.—составит около 5 млн. kw плюс 2,5 млн. kw., которые будут начаты постройкой и будут введены в эксплуатацию в течении второго пятилетия. Сюда входят сверхмощные гиганты электрификации, которые Страна советов строит по последнему слову технического прогресса.

Но эти цифры еще недостаточны даже для сравнительной оценки характера и темпов технического перевооружения СССР и крупнейших стран капиталистического сектора мирового хозяйства.

Энергетический эффект одной и той же мощности у нас в несколько раз выше, чем в западных странах. При равновеликих мощностях количественные размеры электробалансов у нас значительно более высокие, чем там. Если например в Англии новый миллион kw мощности дает стране дополнительный поток энергии в размере лишь около (меньше) 2 млрд. kwh, то у нас он составит не менее 5 млрд. kwh¹³.

⁹ По данным „Die deutsche Elektrizitätswirtschaft“, 1930, с. 11 („Труды Комиссии по обследованию условий производства и сбыта в народном хозяйстве Германии 3-я подкомиссия“).

¹⁰ По данным „Annuario Statistico Italiano“, 1929, с. 193.

¹¹ См. цитированные выше источники.

¹² За первые 7 месяцев текущего года на районных станциях включена новая мощность в размере 300 тыс. kw. (кругло) До октября 1930 г. должна вступить в эксплуатацию новая мощность в размере ок. 160 тыс. kw. 65

¹³ См. подробно ниже.

Но и этого еще мало для сравнительной оценки. У нас генеральное направление энергетического перевооружения следует по основному пути, преобладающему наиболее передовой техникой, по пути включения всех энергетических звеньев народного хозяйства в единую народнохозяйственную систему со всеми теми производственно-техническими и экономическими факторами, которые сопровождают этот процесс.

В капиталистическом секторе мирового хозяйства, в его наиболее полнокровных частях, развернутый эффект основных технических достижений в области этого ведущего сектора производительных сил не может быть полностью реализован, ибо монополистический капитализм в современной фазе его развития вступил в органическое противоречие с этим генеральным потоком технического прогресса ¹⁴.

Пожалуй трудно найти более классический пример для иллюстрации тезиса Маркса о том, что:

„Противоречие между общей общественной силой, в которую превращается капитал, и частной властью отдельных капиталистов над этими общественными условиями производства все более развивается в кричащее противоречие, так как он вместе с тем предполагает выработку условий производства во всеобщие, коллективные, общественные условия производства“ ¹⁵. „Капиталистический способ производства впадает в новое противоречие. Его историческое призвание—безудержно подгоняемое вперед в геометрической прогрессии развитие производительности труда. Он изменяет этому призванию, поскольку он, как в настоящем случае (речь идет об имманентных капиталистической системе границах реализации технического прогресса—В. В.), препятствует развитию производительности. Этим он только снова доказывает, что он дряхлеет и все более переживает себя“ ¹⁶.

Электробаланс нашей страны с 3,24 млрд. *kwh* в 1925/1926 г. подымается до 4,8 млрд. *kwh* к началу первого года пятилетки и должен по расчетам достигнуть ок. 33 млрд. *kwh* ¹⁷ в 1932/1933 г. к концу пятилетки, т. е. в относительных цифрах темп роста составит 100% (1925/1926 г.), 148,2% (1927/1928 г.) и ок. 1020% (1932/1933 г.). В то же время действующая мощность электростанций следует по кривой—1,4 млн. *kw* в 1925/1926 г. (100%); 1,83 млн. *kw* к началу пятилетки (131,0%)—к 1925/1926 г.—и примерно 7—8 млн. *kw* ¹⁸ к концу пятилетки (500—570% к 1925/1926 г.).

¹⁴ См. об этом наш доклад на II Всемирной энергетической конференции (Берлин 1930). Ср. также наши очерки в журнале „Мировое хозяйство и мировая политика“, 1929.

¹⁵ Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, с. 246.

¹⁶ Там же, с. 244.

¹⁷ См. статью Ю. Н. Флаксермана „Черновые наброски заданий к генеральному плану электрификации“, печатающуюся в этом же №.

По оптимальному варианту первоначально запроектированного пятилетнего плана электробаланс страны должен был составить в 1932/1933 г. 22 млрд. *kwh* при установившейся мощности электрнч. станции в 5,5 млн. *kw*. (см. „Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР“, т. II, ч. 1, с. 62, Москва 1930).

¹⁸ Там же.

Такого характера развития не знала история хозяйства ни одной из капиталистических стран, которые находились в условиях несравненно более благоприятных, чем СССР.

Уже конкретизируется схема II тома ГОЭЛРО, который также, как и I том, будет „становым хребтом“ (Кржижановский) генерального плана социалистической реконструкции народного хозяйства страны советов. Речь идет о расширенном воспроизводстве электроэнергетической базы на отрезке времени около пятнадцати лет, которое (воспроизводство) должно довести электрическую мощь народного хозяйства до цифры прибл. 35—40 млн. kw с электробалансом прибл. 175—200 млрд. kwh^{18a}. Напомним, что в Соед. штатах при суммарной мощности всех электростанций страны, равной в 1927 г. 36,3 млн. kw, электробаланс составил всего 102,8 млрд. kwh.

Характерно в связи с этим отметить, что в последние годы мы имеем в высоко-развитых капиталистических странах (Германия, Соед. штаты, Англия, Франция) ряд официальных и неофициальных проектов, пытающихся наметить перспективные планы развития электроэнергетической базы производительных сил¹⁹. Мы хорошо знаем цену „планированию“ в монополистическом капитализме и в частности „планированию“ этого основного сектора хозяйства за послевоенные годы. Известно, что социал-реформизм видит в этих планах доказательство возможности автоматического перехода монополистического капитализма в плановое хозяйство^{19a}. Здесь не место конкретному анализу этих „планов“ как с производственно-технической, так и с социально-экономической сторон²⁰. В свое время Ленин в своих замечаниях по поводу тезисов французской компартии об аграрном вопросе писал:

„Крайне важно, по моему мнению, с теоретической и практически-агитационной точки зрения сказать в тезисах (и вообще побольше в коммунистической литературе) о том, что современная передовая техника настоятельно требует электрификации всей страны — и ряда соседних стран — по одному плану, что такая работа вполне осуществима в настоящее время; что больше всего выиграло бы от нее сельское хозяйство и в особенности крестьянство; что, пока остается капитализм и частная собственность на средства производства, электрификация целой страны и ряда стран, во-первых, не может быть быстрой и планомерной (разрядка наша—В. В.)²¹, во-вторых, не может быть произведена в пользу рабочих и крестьян. При капитализме электрификация неминуемо поведет к усилению гнета крупных банков и над рабочим классом и над крестьянами... Франция обладает великолепными возможностями электрификации. При победе пролетариата во Франции от электрификации, произведенной планомерно (разрядка наша—В. В.) и не считаясь с

^{18a} См. цитир. работу Ю. Н. Флаксермана.

¹⁹ Например проект развития электроснабжения Англии до 1940 г. разработан центральным электруправлением; в Германии недавно (в 1930 г.) вышел из печати труд инж. бюро Оскара Миллера с предисловием Юлиуса Курциуса (министра народного хозяйства в б. кабинете с.-д. Мюллера), посвященный генеральному плану электроснабжения страны и т. д.

^{19a} См. напр. работу Fischer'a и др.

²⁰ См. об этом в цит. наших очерках в ж. „Мировое хозяйство и мировая политика“ за 1929.

²¹ Везде, где не оговорено—разрядка в оригинале.

частной собственностью крупных землевладельцев и капиталистов гигантски выиграет особенно мелкое крестьянство. При сохранении власти капиталистов неизбежно, что электрификация не будет планомерной (разрядка наша—В. В.) и быстрой, а поскольку она вообще будет, она будет новой кабалой для крестьян, ограбляемых „финансовой олигархией“²².

Если сравнить характеры и темпы развития нашего электрохозяйства на ближайшие годы с тем развитием электрификации, которое мы имеем в западных странах, то мы увидим, что уже в ближайшие пять лет наш электробаланс передвигается по количественным размерам на первое—после Соед. штатов—место в мировом хозяйстве, опередив все остальные страны. Однако центр тяжести лежит не столько в количестве, сколько в характере и путях энергетического перевооружения, в народнохозяйственной эффективности энергетического сектора производительных сил. Плановое социалистическое хозяйство обеспечивает нам такие возможности, которые не даны капиталистическим странам. Эти конкретные пути технического перевооружения нашей страны наиболее полно освещены в цитированных трудах Г. М. Кржижановского.

Существенно важно в данном случае вынести за скобки и подчеркнуть, что мы на сей день еще далеко не используем в полной мере те рычаги в развитии энергетической базы производительных сил, которые нам дает экономическая система нашего хозяйства; об этом более подробно будет речь ниже.

В настоящем очерке мы попытались дать общий обзор технического уровня энерго- и электровооруженности нашей промышленности на грани первого года пятилетки в сравнении с современным уровнем энерговооруженности промышленности основных стран мирового хозяйства. В силу ограниченности размеров настоящего очерка и имевшегося времени для его разработки в него не мог быть включен ряд весьма важных разделов, в частности основной раздел, посвященный конкретному анализу динамики и темпов энергетического перевооружения СССР и капиталистических стран за 1925/1929 гг. В равной мере по этим причинам ряд существенных моментов был только бегло затронут в этом очерке, что оговорено в каждом отдельном случае²³.

Эти вопросы технического перевооружения промышленности СССР будут подвергнуты дальнейшему специальному анализу в последующих очерках.

Мы хотели бы также обратить внимание на то огромное значение, которое имеет в плане поставленных задач правильное построение основной системы техно-экономических показателей энерговооруженности производительных сил. Очень часто неправильные выводы обуславливаются неполноценностью конкретного материала. В особенности важно иметь в виду единство методологии и внутреннюю сопоставимость основной системы коэффициентов и показателей при сравнительном исследовании динамики энерговооруженности или энергетики разных стран.

Естественно, что критическому освещению вопросов методологии в этом очерке могло быть уделено минимально-необходимое место.

²² Ленин, Собр. соч., том XX, ч. 2, изд. 1-е, 1927., с. 480—481.

²³ Эти вопросы технического перевооружения промышленности СССР будут подвергнуты дальнейшему специальному анализу в последующих очерках.

II. ТЕХНИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ЭНЕРГО- И ЭЛЕКТРОВООРУЖЕННОСТИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР НА ГРАНИ ПЕРВОГО ГОДА ПЯТИЛЕТКИ

(общие показатели энерго- и электровооруженности)

Рассмотрим вначале наиболее общие показатели, характеризующие с количественной и качественной стороны энерговооруженность нашей промышленности.

К началу первого года пятилетки (1928/1929 г.) мощность первичных двигателей (стационарных), установленных в фабрично-заводской промышленности Союза составляла 1 905,7 тыс. kw, установленная первичная мощность районных электростанций—588,9 тыс. kw, а группы так наз. „местных“ станций общего пользования—323,8 тыс. kw. Эти цифры говорят о том, что несмотря на существенные сдвиги в энергетическом перевооружении нашей промышленности, которые, как ниже увидим, имели место с 1925 г., степень централизации энергохозяйства занимала еще к началу первого года пятилетки относительно низкий уровень. В частности, на долю первичной мощности районных электростанций падало всего 21,0% от суммарной мощности. Конечно, удельный вес районных электростанций сам по себе не является еще полноценным измерителем централизации энергохозяйства. Под последней следует разуметь степень включения нашей энергетической базы в орбиту единой народнохозяйственной энергетической системы, конструируемой на наиболее высокой технико-экономической основе²⁴.

Однако приведенные цифры не оставляют сомнений в том, что центр тяжести равнодействующей нашей энергетики к началу первого года пятилетки был сосредоточен еще в глубине сектора децентрализованной энергетики.

Что касается характеристики централизации электрогенераторной мощности, то и в этой области мы наблюдаем ту же картину. На начало 1928/1929 г. из суммарной мощности электростанций в стране, равной 1 831,6 млн. kw (по установленным электрогенерато-

---

²⁴ Нам уже приходилось отмечать в наших работах, что существующая у нас классификация энергоустановок (на станции общего пользования, на промышленные установки и т. д.) является в значительной мере формальной и не отражает народнохозяйственного расхождения нашей энергетической базы под углом зрения ее технико-экономической эффективности. Например среди фабрично-заводских станций мы имеем отдельные установки, с относительно весьма высокой эффективностью, работающие по принципу комбинированного использования потребляемого топлива на силовые и тепловые нужды (теплоэлектроцентрали), частью уже включенные в систему электрических сетей общего пользования, которые тем не менее в общепринятой классификации фигурируют еще в группе децентрализованных промышленных станций. То же относится и к группам промышленных электростанций, скользящая по электросети, работающих по единым графикам нагрузки с общим резервом и т. д. (см. ниже). В то же время сводная группа станций общего пользования представляет собою качественно разнородные с народнохозяйственной точки зрения слагаемые: мощные электроцентрали, работающие на районную сеть, и доминирующая по численности группа так наз. местных станций общего пользования, которые в огромном своем большинстве находятся на чрезвычайно низкой технической ступени.

Неотложной задачей является новая инвентаризация наших энергоустановок не по формальным признакам, перенесенным из практики классификации станций в капиталистических странах (там к группе станций общего пользования обычно относятся станции, продающие всю или часть вырабатываемой энергии на сторону), а по действительным технико-экономическим признакам, разграничивающим с народнохозяйственной точки зрения качественно разнородные коллективы.

Таблица 1

Сравнительная характеристика централизации первичной мощности

ПОКАЗАТЕЛИ	СССР 1927/1928	США ²⁵ 1927	Германия ²⁶ 1926
Мощность первичных двигателей, установленных в электро-станциях общего пользования	31,6	50,1	33,0
Мощность первичных двигателей, установленных в промышленности	68,4	49,9	67,0
И т о г о	100,0	100,0	100,0

рам), на долю районных электростанций падало 564,6 тыс. kw, на долю местных станций общего пользования—311,3 тыс. kw, на долю фабрично-заводских станций—865,7 тыс. kw и на все остальные группы станций (сельские и т. д.),—около 90 тыс. kw. Отношение мощности районных электростанций к мощности остальных категорий станций составляло, таким образом, 1:2,24.

Сравнительную характеристику уровня централизации электрогенераторной мощности в СССР и в ряде наиболее передовых стран мирового хозяйства—в 1927/1928 г. дают нижеследующие данные: (см. табл. 2 на с. 71).

Так как материалы по Соединенным штатам, Германии, Франции, Англии не дифференцируют станций общего пользования на районные и местные, то степень централизации приходится оценивать на основе удельного веса мощности в всех станциях общего пользования в суммарной мощности электростанций страны. Цифры показывают, что в 1927/1928 г. наша электроэнергетическая база в этом отношении находилась еще значительно позади основных стран мирового хозяйства. Если принять коэффициент централизации электростанций в Соед. штатах за единицу, то в Германии он будет равен 0,80, в Англии 0,93, а в СССР к началу первого года пятилетки он равнялся 0,66.

Общая вооруженность фабрично-заводской промышленности Союза электромоторной мощностью составляла на начало 1927/1928 г. 1 799,1 тыс. kw. Из них на долю мощности электромоторов, которые присоединены к собственным промышленным электростанциям (так наз. своего тока) падает 42,4% (762,6 тыс. kw), а на долю мощности электро-

²⁵ Исчислено по данным „Statistical Abstract of the U. S.“, 1929, с., 787 и др.

Цифры мощности первичных двигателей в промышленности охватывают как обрабатывающую, так и добывающую отрасли. Мощность добывающей промышленности за 1927 г. взята по ориентировочной оценке, приведенной в „Board Conference Bulletin“ 1929. (прямые данные по добывающей промышленности имеются только за 1919).

²⁶ По данным „Statistik des Deutschen Reiches“, т. CDXIV, ч. 1, 1930.

Таблица 2

Распределение установленной мощности по группам станций

Группы станций	СССР		США ²⁷		Германия ²⁸		Англия ²⁹	
	1927/28		1927		1928		1928	
	тыс. kw	%	тыс. kw	%	тыс. kw	%	тыс. kw	%
Станции общего пользования . .	876,1	47,8	25 811,3	71,2	6 297,8	56,7	5 881	66,4
Промышленные эл. станции .	865,7	47,4	7 345,7	20,3	4 804,5	43,3	2 979	33,6
Прочие	ок. 90	4,8	3 118,0	8,5	—	—	—	—
И т о г о .	1 831,8	100	36 275,0	100	11 102,3	100	8 860	100

моторов так наз. чужого тока, которые преимущественно присоединены к сетям станций общего пользования, падает 57,6% (1 036,5 тыс. kw) ³⁰. Эти цифры свидетельствуют об относительно высоком уровне централизации электромоторной мощности в промышленности, поскольку моторы чужого тока главным образом присоединены к сетям станций общего пользования. Для сравнения укажем, что в промышленности Соед. штатов в том же году ³¹ состав установленных электромоторов на 37% по мощности состоял из моторов своего тока и на 63%—из моторов чужого тока.

Из общей мощности первичных двигателей, установленных в фабрично-заводской промышленности, равной 1 905,7 тыс. kw мощность бездействовавших в 1927/28 г. двигателей равнялась 223 тыс. kw, или 11,8% (этот показатель отнюдь не совпадает с понятием технического резерва, как его понимает специальная литература ³². Представляет в связи с этим существенный интерес отметить, что в силовом аппарате промышленности капиталистических стран этот процент мощности бездействовавших двигателей много выше, чем в нашей промышленности. Так, например в Германии, где мы имеем подобные показатели, построенные в основном по тому же методу, что и у нас,—при общей мощности стационарных первичных двига-

²⁷ „The Electrical World“ т. XCIV, № 14, 1929, с. 711. В прочие эл. станции входят ж.-д. эл. ст. и т. д. группа „Isolades Plants“, туда включены все прочие действующие в стране эл. генераторные установки с мощностью выше 100 kw.

²⁸ „Wirtschaft u. Statistik“, 1929, с. 862—863.

²⁹ По данным „World Power“, 1929, с. 229. См. также извлечения из доклада Harry Rinwick (председ. лондонской электр. компании), напечатанные в очерке E. Schmelcher в ж. „Elektrizitätswirtschaft“, 1930, № 504, с. 130—131.

³⁰ В этот итог включены электромоторы с 170,7 тыс. kw, принадлежащие к группе так наз. смешанного тока. Это те моторы, которые, в течение отчетного года питались как током, генерируемым на собственных станциях, так и покупным током.

³¹ „Statistical Abstract of the U. S.“, 1929, с. 787.

³² См. об этом в ваших очерках по структуре силового аппарата и энергобалансу промышленности СССР за 1925/1926 г.

телей в народном хозяйстве, равной 22,4 млн. л. с. мощность бездействовавших двигателей—5,76 млн. л. с., или 25,8%³³. По абсолютным размерам этот массив мощности бездействовавших в Германии двигателей превосходит суммарный итог энерговооруженности народного хозяйства, ряда европейских и американских стран³⁴. В самой промышленности Германии (без станций общего пользования) мощность бездействовавших двигателей равнялась 3,93 млн. л. с., или 26,1% от общей мощности первичных двигателей, установленных в промышленности.

Эти цифры крайне показательны. Они демонстрируют характерные для послевоенной экономики капиталистических стран „ножницы“ между потенциальной мощностью производственного аппарата и его фактическим использованием. В то время, как у нас удельный вес мощности бездействовавших в промышленности двигателей составлял около 1/10, в Германии он превосходил 1/4 от суммарной мощности первичных двигателей. В то время, как у нас этот раствор „ножниц“ в динамике неуклонно уменьшается (см. ниже), в капиталистических странах он растет. Волна кризиса, захватившая ныне весь капиталистический сектор мирового хозяйства, ведет к еще большему увеличению размеров мощности бездействовавшего производственного аппарата, в то время как у нас имеет место резко выраженный противоположный процесс: неуклонный рост степени экстенсивного и интенсивного использования всего производственного оборудования. Мы этот момент ниже проследим и по сравнительным данным, характеризующим степень использования работавшего силового аппарата,—коэффициент отдачи энергии при данной мощности—у нас и в передовых капиталистических странах.

При правильной производственно-экономической организации энергетической базы народного хозяйства страны имеются широкие возможности для значительного снижения высоты бездействующей мощности, для сведения действительного энергетического резерва к техническому минимуму, а тем самым для повышения народнохозяйственной эффективности этого основного сектора производительных сил. Но эти возможности естественно не даны капиталистическим странам.

Мы выше указали, что наша промышленность вступила в первый год пятилетки с мощностью работавших первичных двигателей, равной 1 682,7 млн. kw. Из этой работавшей первичной мощности 976,3 тыс. kw обслуживали электрогенераторы, а 711,4 тыс. kw обслуживали рабочие машины через механический привод. Коэффициент электрификации по мощности первичных двигателей, работавших в промышленности, 58,2% (этот коэффициент электрификации был бы несколько выше, если бы мы вычли из суммарной мощности работавших первичных двигателей ту часть установок, которая технически не поддается в данный период электрификации, например, ряд двигателей прямого действия).

В части уровня электрификации первичной мощности промышленности мы за последние годы значительно подвинулись вперед (см. ниже).

³³ По материалам народнохозяйственной переписи 1925 („Statistik des Deutschen Reiches“), т. CDXIV, ч. 1, 1930 с. 26 и др.

³⁴ В 1925/1926 г. мощность всех установленных первичных двигателей в промышленности и в эл. станциях общего пользования Швеции составляла всего около 1,9 млн.) л. с., Норвегии—около 2 млн. л. с., Канады—около 4 млн. л. с. и т. д.

В 1925 г. в германской промышленности из общей мощности работавших первичных двигателей, равной 10,8 млн. л. с., всего 4,47 млн. л. с. обслуживали электрогенераторы. Иными словами, коэффициент электрификации первичных двигателей в германской промышленности равнялся в 1925 г. 42,6%. Мы следовательно видим, что по этому показателю союзная промышленная энергетика находится впереди германской 1925 г. И мы, несомненно, далеко позади оставили в этой области уровень электрификации английской промышленности.

Необходимо иметь в виду, что формула построения этого коэффициента по германским и по нашим данным, как это видно из приведенного анализа, целиком совпадает. Более того, в итогах по Германии не включена мощность двигателей прямого действия, которые не электрофицированы. В итогах же по нашей промышленности последние включены. Если бы их вычесть, то коэффициент электрификации был бы у нас еще выше. Мы обращаем на это внимание, так как часто ведется сравнение качественных показателей энерговооруженности нашего хозяйства и капиталистических стран по несравнимым меж собой с методологической точки зрения коэффициентам.

Хотя этот показатель не является решающим для сводной оценки качественного уровня энерговооруженности промышленности, он тем не менее играет существенную роль, поскольку мощность первичных двигателей, установленных в промышленности, количественно доминирует в стационарной энергетике страны не только у нас, но и в большинстве стран.

Для характерности производственной энерговооруженности промышленности данные о первичной мощности, естественно, недостаточны. Для освещения этого вопроса приходится обратиться к материалам, характеризующим, прежде всего, энергетическую мощность рабочих машин. Этот показатель состоит из двух слагаемых: во-первых, из мощности тех работавших первичных двигателей, которые непосредственно через механический привод обслуживали рабочие машины, во-вторых,—из мощности работавших электромоторов (в оба слагаемые мощность неработавших двигателей не включена). На начало 1928/1929 г. энергетическая мощность рабочих машин, исчисленная по указанной выше формуле, составляла 2 310,7 тыс. kw. Из них 706,4 тыс. kw падают на механическую мощность и 1 604,3 тыс. kw—на электрическую. Иными словами, уровень потенциальной электрификации рабочих машин равнялся 69,4%. Эта цифра служит ярким свидетельством достигнутых за последние годы успехов внедрения электрического привода в производственный аппарат промышленности. Данный коэффициент служит одним из руководящих качественных показателей развития нашей промышленности. Он может быть с полным основанием причислен к основным показателям уровня индустриализации производительных сил страны.

В 1925 г. уровень электрификации рабочих машин германской промышленности составлял 65,6%. Причем мы в данном случае имеем полное совпадение формулы исчисления этого коэффициента, реализованного нами, как по германским, так и по нашим данным. Именно: в числитель формулы включена та энергетическая мощность

рабочих машин, которая обслуживалась электрическим приводом, т. е. мощность работавших электромоторов, а в знаменатель— суммарная энергетическая мощность рабочих машин, т. е. сумма мощностей работавших первичных двигателей, непосредственно обслуживавших через механический привод рабочие машины, и мощность работавших электромоторов. Мощность неработавших двигателей не была включена ни в числитель, ни в знаменатель формулы. Мы, следовательно, можем с полным основанием констатировать, что по этому важнейшему качественному показателю мы уже в начале первого года пятилетки превзошли уровень электрификации германской промышленности 1925 г.

То обстоятельство, что исчисленные нами коэффициенты электрификации по германским данным охватывают всю промышленность как крупную, так и мелкую, а наши данные охватывают только ценовую промышленность, существенного значения, могущего повлиять на сделанный выше вывод,—не имеет. Ибо удельный вес энергетики мелкой промышленности крайне ничтожен. В самом деле: мы расчленили германскую промышленность по уровню концентрации на три этажа—нижний, средний и высший. Сделанные подсчеты³⁵ показывают, что в самом верхнем этаже германской промышленности, который охватывает лишь 0,48% общего числа заведений, вооруженных двигателями, и вместе с тем концентрирует около 54% суммарной энергетической мощности рабочих машин германской промышленности,—в этой наиболее мощной и технически организованной части промышленности—коэффициент электрификации рабочих машин составляет 68,1% (у нас средняя по всей ценовой промышленности 69,7%). В среднем этаже германской промышленности, которая охватывает 6,3% общего числа заведений и 26,1% мощности двигателей,—коэффициент электрификации рабочих машин составил 63,9%. В мелкой промышленности он снижается до 59,6%. Это еще в большей степени подтверждает сделанный выше вывод. Более того, если уже говорить о 100% сопоставимости исчисленных сравнительных коэффициентов по нашей и германской промышленности, то следовало бы выключить из итогов по энергетике союзной промышленности данные о мощности первичных двигателей прямого действия (паровые молота и т. д.). Последние не попали в первичный учет германской энергетики. А так как они, как правило, вовсе не электрифицированы, то выключив их из знаменателя формулы при построении коэффициента электрификации союзной промышленности, мы при сравнении получили бы еще более высокий уровень электрификации, чем в германской промышленности. Обычные рассуждения о том, что уровень электрификации промышленности у нас еще до сих пор отстал, да еще значительно, от уровня электрификации в западноевропейских странах, основаны на неправильном сопоставлении исходных измерителей электрификации, на методологической неточности в конструировании этих измерителей, на слепом доверии к публикуемым статистическим цифрам, без критического их анализа.

Непосредственное сравнение уровня электрификации нашей промышленности и промышленности США по приведенному выше наиболее правильному методу исчисления, невозможно

³⁵ По материалам „Statistik des Deutschen Reiches“, т. CDXIII, ч. 4, 1930.

В силу того, что американские цензы не выделяют, во-первых, мощность бездействовавших двигателей и, во-вторых, они не расчленяют первичной мощности на ту часть, которая непосредственно обслуживает рабочие машины через механический привод, и на ту часть, которая обслуживает электрогенераторы. В материалах американских промышленных цензов мы имеем опубликованные данные о суммарной мощности установленных первичных двигателей, о мощности установленных электромоторов и о мощности установленных электрогенераторов ³⁶.

Поэтому для сравнительной оценки уровня электрификации рабочих машин в промышленности СССР и США приходится конструировать суррогатный показатель. А именно: слагаемое формулы — мощность первичных двигателей, обслуживающих рабочие машины через механический привод, получить косвенно, как разность между мощностью установленных первичных двигателей и мощностью установленных электрогенераторов ³⁷. Исчисленный по этому крайне приближенному методу коэффициент электрификации рабочих машин обрабатывающей промышленности СССР равен ок. 60% ³⁸, а в обрабатывающей промышленности США этот коэффициент равен 81,5% (1927 г.).

Энерговооруженность нашей промышленности по абсолютным размерам мощности, по основным количественным показателям на сей день еще значительно отстает от энерговооруженности основных западноевропейских стран (в частности Германии), но по ряду основных качественных показателей техно-экономического порядка мы уже за последние годы вплотную подошли к соответствующим коэффициентам этих наиболее передовых капиталистических стран, оставив позади ряд других западных стран (например английскую промышленность).

В этих крупнейших капиталистических странах мы имеем рекорды технического прогресса, от которых мы еще пока значительно отстаем (сверхмощные станции, достигающие миллиона kw, отдельные агрегаты в 100—160—200 тыс. kw, рекордные достижения в области высокого давления, температуры и т. д.). Но мы вместе с тем иногда недооцениваем то обстоятельство, что наряду с этими вершинами технического прогресса там продолжают уживаться и развиваться в основной массе относительно отсталая техника, очень часто — примитивная техника предшествовавших хозяйственных эпох. Мы иногда недооцениваем тенденцию неравномерности технического развития производительных сил капиталистического хозяйства в монополистическую фазу развития капитализма. В характере этой неравномерности технического развития как в отраслевом, так и в пространственном разрезах сказывается одно из проявлений общего процесса загнивания монополистического капитализма, как его обосновал Ленин в „Империализме“.

³⁶ См. например „Statistical Abstract of the U. S.“ за 1929.

³⁷ Мы не сочли целесообразным свести мощность установленных генераторов к мощности первичных двигателей путем деления на средний к. п. д. эл. генераторов, т. к. мы могли бы в этом случае еще в большей степени исказить результивные показатели.

³⁸ Так как данные американского ценза охватывают только обрабатывающую промышленность, то в целях большей сопоставимости пришлось соответствующие подсчеты проделать отдельно и для обрабатывающей промышленности СССР.

У нас же происходит интенсивный процесс технической реконструкции всех звеньев производительных сил, процесс общего подъема их с того примитивного технического уровня, который достался нам в наследство от капиталистической России,—на наиболее передовые технические высоты. И в этот процесс втянуто все народное хозяйство. Техническая неравномерность в отраслевом и пространственном разрезах все более сглаживается. Это особенно можно четко проследить по направлению и темпу реконструкции руководящего звена производительных сил страны, каким является энергетика.

В единую народнохозяйственную энергетическую систему включаются все звенья энергетической цепи.

Мы отметили важнейшие показатели, характеризующие с количественной и качественной стороны потенциальную мощность промышленности и электростанций на начало 1928/1929 г. Однако для полноты картины мы должны будем обратиться и к данным, характеризующим в общем виде основные итоги работы энергохозяйства за истекший год.

Общая выработка энергии первичными двигателями, установленными в фабрично-заводской промышленности, составила в 1927/1928 г. 5,31 млрд. kwh, в районы электростанциях—2,01 млрд kwh., а в так наз. местных станциях общего пользования—0,8 млрд. kwh. Выше, опираясь на конкретные данные, мы уже констатировали, что наше энергохозяйство вступило в первый год пятилетки еще с сравнительно низким уровнем централизации. Этот уровень мы там исчисляли по данным об удельном весе мощности районных электростанций в суммарных итогах мощности промышленности и всех станций общего пользования³⁹. Как видно из приведенных итоговых данных о выработке энергии, действительный, фактический уровень централизации, который может быть охарактеризован, как удельный вес потока энергии, произведенной районными плановыми электростанциями в общем потоке энергии, произведенной первичными установками в промышленности и станциями общего пользования дает также относительно низкое показание. Более $\frac{3}{4}$ всей выработанной энергии падает на децентрализованные промышленные и прочие силовые установки. Необходимо, однако, заметить, что удельный вес районных электростанций по энергии оказывается несколько более высоким, чем соответствующий удельный вес, который они занимают по мощности (24,8% и 21,0%). Это объясняется значительно лучшим коэффициентом использования мощности районных электростанций по сравнению с соответствующими средними итогами в децентрализованных силовых установках (см. ниже).

В области централизации электроэнергии мы также имели значительный перевес на стороне децентрализованных электростанций. В то время как районными электростанциями было выработано всего 1,81 млрд. kwh электроэнергии, промышленными станциями было произведено 2,11 млрд. kwh, а местными станциями общего пользования—0,72 млрд. kwh. Удельный вес районных станций в общей выработке электроэнергии составил, таким образом, всего 39,0%. Напомним, что по мощности удельный вес районных электростанций равнялся 32,5% от общей мощности промышленной станции и всех станций общего пользования. Мы следовательно и в данном случае

³⁹ См. сделанные выше по этому поводу замечания.

имеем более высокий удельный вес районных станций по электроэнергии, чем по мощности, что также свидетельствует о значительно лучшем использовании их мощности по сравнению с мощностью децентрализованных электроустановок.

Если мощность и выработку энергии, как промышленными станциями, так и всеми станциями общего пользования соответственно примем за 100% и по отношению к этим итогам выразим долю участия станций общего пользования (как районных, так и местных), то мы получим следующую сравнительную картину, дающую нам ориентировочную характеристику централизации электрохозяйства СССР и основных стран мирового хозяйства на начало 1928/1929 г.

Таблица 3

Распределение мощности и выработки энергии по группам станций

Группы станций	СССР		США ⁴⁰		Германия ⁴¹		Англия ⁴²	
	М *	Э **	М	Э	М	Э	М	Э
Станции общего пользования . .	49,6	54,6	75,2	74,7	56,8	50,7	66,3	72,6
Пром. эл. станции	50,4	45,4	24,8	24,3	43,2	49,3	33,7	27,4
100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* М—мощность, ** Э—энергия.

Отметим, что наряду с промышленными электростанциями и станциями общего пользования мы еще имеем ряд мелких электростанций, которые по существующей у нас классификации относятся: а) к станциям специального назначения (НКПС, НКПИТ и др.) и б) к сельским станциям. Итоги работы всех этих станций измеряются цифрой прибл. 150 млн. kwh. Следовательно, суммарная выработка электроэнергии в стране составила 4,8 млрд. kwh, при установленной мощности генераторов на начало 1928/1929 г. в 1831 млн. kw.

Едва ли будет преувеличением сказать, что система коэффициентов использования и нагрузки является одним из руководящих и определяющих факторов рационализации промышленного производства, при данной его структуре и потенциальной мощности. Этот фактор приобретает все более актуальное значение в отраслях с высоким органическим составом капитала, с высоким удельным весом основного капитала, ибо в таких отраслях кривая издержек производства находится в резкой обратной зависимости от кривой нагрузки, поскольку на единицу продукции в сильнейшей степени „давит“ группа так наз. постоянных расходов. Фактор нагрузки всегда служил основным рычагом переключения данного технического уровня производительных сил на более высокую ступень,

⁴⁰ Исчислено по данным „The Electrical World“ 1929 Цифры относятся к 1927.

⁴¹ Исчислено по данным „Die deutsche Elektrizitätswirtschaft“, 1930. Цифры относятся к 1928.

⁴² Цифры относятся к 1928. Исчислено по данным цит. выше доклада Harry Rinwick.

ибо, как правило, только при определенной высоте нагрузки оказывалось рентабельным введение технически более совершенного и вместе с тем более дорогого оборудования⁴³.

С фактором нагрузки, точнее—недогрузки, связана особая острота переживаемого ныне кризиса в промышленности наиболее полнокровных капиталистических стран, ибо при современной технической структуре основных отраслей промышленности, при относительно высоком органическом составе капитала в этих отраслях, недогрузка, обусловленная общеэкономическими и социальными силами, действующими в капиталистическом секторе мирового хозяйства, автоматически влечет резкое повышение издержек производства.

В энергетическом секторе народного хозяйства, в частности в секторе централизованного электроснабжения, где органический состав капитала является относительно наиболее высоким по сравнению с другими отраслями хозяйства, фактор нагрузки имеет особо действенное значение. В то же время известно, что именно в энергетическом секторе хозяйства потенциальная производственная мощность используется далеко не полно, имеет относительно невысокий уровень нагрузки. Получается, что огромные капиталовложения недостаточно эффективно с этой точки зрения используются в народном хозяйстве. Это обстоятельство связано с целым рядом, как специальных производственно-технических, так и более общих экономических и организационных моментов.

В капиталистических странах, где отсутствуют элементы нововости в техно-экономической организации энергохозяйства, где производители энергии (электростанции общего пользования) экономически и производственно как правило, отделены от основных потребителей энергии и, где частно-хозяйственная установка является решающей как в области строительства, так и в области эксплуатации энергоустановок,—это несоответствие между производительной способностью и фактическим использованием выступает крайне резко. Огромные массивы мощности не могут быть производительно использованы в народном хозяйстве, несмотря на значительную напряженность энергобаланса, на наличие „энергетического голода“ в стране.

При сооружении электроцентрали ее потенциальную мощность приходится ориентировать на максимальный спрос, на пиковую мощность, которой требует присоединенный к станции круг потребителей энергии. Установленная мощность станции равна этой пиковой мощности плюс известная часть потерь мощности, плюс необходимая резервная мощность. Но этот максимальный спрос, эта пиковая мощность является кратковременной. Получается, что огромный массив мощности в течение большей части года находится в бездействии. Чем выше отношение пиковой мощности к среднегодовой, тем неблагоприятнее график нагрузки. Характер движения годового графика нагрузки определяет—при данной потенциальной мощности станции—и резерв (последний равен установленной мощности минус пиковой).

Вопросы так наз. пиковой мощности, нагрузки и резерва составляют крайне важные узловые моменты в энергетической про-

⁴³ См. нашу работу „О методах изучения нагрузки и отыскании критических точек ее в промышленных предприятиях“, напечатанную в „Проблемах статистики“, 1926

блеме основных стран мирового хозяйства. Это не только специальные вопросы технического порядка, но и центральные вопросы общеэкономического порядка. Об этом можно судить по тому месту, которое они занимают в общей и специальной литературе, освещающей энергетическую проблему послевоенного хозяйства в основных капиталистических странах.

Например, инженер Р. Франк в журнале „Elektrizitätswirtschaft“, характеризуя электроэнергетическое хозяйство современной Германии, пишет, что „от 90 до 95 % всего спроса энергии можно было бы покрыть при затрате около 50% суммарной стоимости электрических установок. И только необходимость покрытия остальных 5—10% пиковой нагрузки вызывает необходимость вложения остальных 50% капиталов“⁴⁴.

Д-р Шмельхер в статье, посвященной анализу английского электрохозяйства⁴⁵, отмечая то обстоятельство, что в Англии чрезвычайно низкий уровень нагрузки электростанций⁴⁶ (1 370 час. использования одного установленного киловата на промышленных станциях и 1 800 час.—на станциях общего пользования) пишет, что „на основе только этих цифр мы можем заключить, что английскому электрохозяйству еще далеко до уровня рационализации германских станций“.

(Заметим от себя, что Германия в этом отношении меньше всего может служить эталоном).

Можно было бы умножить специальные выдержки из западноевропейской и американской литературы, демонстрирующие не только производственно-экономические, но и социально-экономические стороны проблемы нагрузки в структуре энергохозяйств капиталистических стран⁴⁷.

Мы не можем здесь даже кратко остановиться на рассмотрении основных техно-экономических путей решения этих основных вопросов, но совершенно очевидно, что в условиях плановой системы хозяйства имеются мощные рычаги для значительного повышения народно-хозяйственной эффективности энергетической базы на основе наиболее полного разрешения всего комплекса вопросов нагрузки. В нашем Союзном хозяйстве имеются широкие возможности для резкого повышения отдачи энергии, при данной установленной потенциальной мощности; имеются широкие возможности для уничтожения или по крайней мере на первых порах для резкого сокращения, характерного для капиталистических стран раствора „ножниц“ между потенциальной производительной способностью и фактическим использованием. Постепенно, включая все разрозненные энергетические звенья народного хозяйства в единую плановую энергетическую цепь, мы имеем непосредственную возможность радикально решить—не-

⁴⁴ R. Frank, Der Zusammenschluss grosser Netze im Lichte der Elektrizitätswirtschaft.

⁴⁵ E. Schmelcher—цит. выше очерк („Elektrizitätswirtschaft“, 1930, S. 129 u. s. w.).

⁴⁶ Эта диспропорция между потенциальной мощностью и фактическим использованием обусловлена теми общеэкономическими противоречиями, которые чрезвычайно обострены в английском послевоенном хозяйстве вообще и в энергетическом секторе в частности.

⁴⁷ См. в частности цитиров. выше коллективный труд „Die deutsche Elektrizitätswirtschaft“, Berlin 1930.

разрешимую для капиталистических стран—проблему пиковой мощности и нагрузки ⁴⁸.

Отсюда—неполноценность часто встречающегося в нашей литературе и прессе сравнения энерговооруженности нашего хозяйства и передовых капиталистических стран только по показателям, характеризующим установленные мощности энергоустановок. В том-то и дело, что в условиях развития нашего хозяйства мы имеем те рычаги, которые позволяют нам при данной потенциальной мощности получить несравненно больший энергетический эффект, чем это мы имеем в капиталистических странах, за счет несравненно более высокой нагрузки и использования этой мощности. Иными словами, если, например, в Англии при суммарной мощности электростанций (как промышленных, так и общего пользования), в 1928 г. равной 8,6 млн. kw, общее производство электроэнергии составило 14,94 млрд. kwh, то в условиях развития энергетической базы нашего народного хозяйства, для того, чтобы покрыть равновеликий электробаланс в 15 млрд. kwh, достаточно было бы иметь мощность, равную, примерно, всего $\frac{1}{3}$ той мощности, которая для этой цели была установлена в Англии. Ибо, если в Англии в среднем каждый установленный на электростанциях kw мощности работал 1 700 час., то при едином народнохозяйственном плановом регулировании производства распределения и потребления энергии это число часов работы может быть повышено по крайней мере до цифры порядка 5—6 тыс. час. Это обстоятельство должно в особенности приковать наше внимание—как по линии планирования, так и по линии регулирования нашего энергохозяйства.

Каков был уровень использования мощности отдельных категорий электростанций в нашей стране к началу первого года пятилетки? Сделанные подсчеты показывают, что сводный коэффициент использования электрогенераторной мощности наших районных электростанций за 1927/1928 г. составил 36,7% (за 1928/1929 г. 37,4%), местных станций общего пользования—28%, (за 1928/1929 г. ок. 34,0%), промышленных электростанций—27,6% (за 1928/1929 г. 32,7%), станций специального назначения—22,2% и сельских электростанций—12,1%. Эти коэффициенты использования исчислены в данном случае, как отношение фактически произведенной за отчетный год электроэнергии к тому потоку электроэнергии, который был бы выработан, если бы вся установленная мощность электрогенераторов на этих станциях была целиком использована в течение всего года ⁴⁹. Мы вынуждены оставить здесь в стороне критический анализ методологии

⁴⁸ В качестве одного из классических примеров можно указать на разработанный в Энергоцентре проект энергоснабжения Приднепровья (см. подробно в цит. очерке Ю. Н. Флаксермана).

⁴⁹ Например коэффициент использования промышленных станций исчислен как отношение 2 109,8 млн. kwh фактически произведенной на этих станциях электроэнергии к произведению 865 тыс. kw мощности установленных там электрогенераторов на 8 784 (число час. в 1927/1928 г.). По той же формуле исчислен коэффициент использования и др. групп станций.

Необходимо заметить, что формула исчисления коэффициента нагрузки—как его понимает специальная техническая литература—тем отличается от вышеприведенной формулы коэффициента использования, что множителем в знаменателе первой формулы служит не вся мощность работавших двигателей, а разность между установленной мощностью и резервной. Иными словами, коэффициент нагрузки = $\frac{\text{Эф}}{\text{Мпик} \times 8760}$, где „Мпик“ максимум станции в отчетном году.

построения этого коэффициента в имевшихся в нашем распоряжении материалах и степень полноценности этих материалов⁵⁰. Приведенные средние итоги показывают, в о-п е р в ы х, что относительно лучше была использована установленная генераторная мощность на наших районных электростанциях. Примерно в одинаковом положении находятся в этом отношении местные станции общего пользования и промышленные электростанции. Последнее место занимают станции специального назначения и сельские станции. Среднегодовое число часов работы одного установленного kwh⁵¹ на районных станциях составляло 3 210 час. (в 1928/1929 г.—3 236 час.), на местных станциях общего пользования 2 319 час. (в 1928/29 г.—2 660 час.), на промышленных станциях 2 439 час. (в 1928/29 г. ок. 2 870 час.), на станциях специального назначения 1 830 час. и на сельских станциях 1 330 час.

Мы следовательно видим, что с точки зрения нагрузки сектор централизованного электроснабжения находится на наиболее высокой ступени, несмотря на то, что именно для электроцентралей проблема пиковой мощности, как правило, более сложна, чем для промышленных и других станций. Подсчеты показывают, что в некоторых западных странах коэффициент использования установленной мощности на промышленных электростанциях оказывается более высоким, чем на станциях общего пользования. Среди производственных и экономических причин, обуславливающих последнее, там играет также роль обстоятельство, что значительные мощности в промышленных станциях западных стран специально обслуживают электро-химические и электро-металлургические предприятия, где в большинстве своем графики спроса энергии относительно более равномерны в течение года.

Во-вторых, приведенные цифры о коэффициенте использования электростанций в нашей стране показывают, что имеются несомненно еще резервы для повышения кривой отдачи энергии, при данной мощности наших станций.

Правда, налицо еще пока большие трудности для полного решения этой задачи. Они преимущественно обусловлены состоянием оборудования, географическим штандортом наших энергетических станций, недостаточной разветвленностью электрических сетей, характером графиков спроса энергии со стороны отдельных потребителей, присоединенных к данным станциям (коэффициенты одновременности и разновременности максимумов) и другими факторами. Но не подлежит сомнению, что эти трудности могут и должны быть преодолены мероприятиями планирующего и

⁵⁰ Результативные показатели несколько преуменьшены, ввиду того, что по состоянию материала нам пришлось пользоваться при построении этих коэффициентов данными об установленной мощности на конец года, а не средневзвешенной годовой установленной мощностью. (Напр. на станции могли быть установлены двигатели в конце 3 квартала хозяйственного года. В этом случае будет неточно исчислять возможную отдачу энергии этими двигателями, как произведение их мощности на 8 760 час. в году. Возможная отдача энергии при 100% использовании равнялась бы произведению мощности этих двигателей на число календарных часов в 4 квартале).

По районным станциям, если исходить из средневзвешенной годовой установленной мощности генераторов, коэф. их использования составит 39,8% в 1927/28 г. и 42,1% в 1928/29 г. При пользовании данными об установленной мощности на конец года коэф. использования районных станций, как мы уже знаем, равен 36,7% для 1927/1928 г. и 37,4% для 1928/1929 г.

⁵¹ Вг (среднегодовое число часов) = Эф (произведенной энергии) : Му (Мощность установленных генераторов).

регулирующего порядка. Этого настойчиво требует та чрезвычайная напряженность энергобаланса, под знаком которой проходит современное развитие производительных сил страны. Нужно со всей решительностью сделать упор на резкое повышение коэффициента использования энергетической мощности по всей цепи наших установок. Мы уже имеем отдельные электростанции, которые работают с весьма высоким коэффициентом использования. Нужно использовать все преимущества плановой системы энергоснабжения для того, чтобы в максимально возможной с технической точки зрения степени поднять кривую нагрузки энергетической мощности на наших станциях.

Сделанные ниже подсчеты дают сравнительную характеристику современного уровня использования электростанций общего пользования и промышленных станций СССР и других стран (см. табл. 4, стр. 83).

Выше мы уже отметили, что наряду с среднегодовым коэффициентом использования имеет актуальное значение характер кривой нагрузки, в частности пиковая мощность и ее отношение к средне-годовой мощности станций. Если для примера возьмем германские электростанции, то в 1928 году при суммарной мощности генераторов на всех станциях общего пользования, равной 6,3 млн. kw, пиковая мощность равнялась 4,48 млн. kw⁵². Следовательно минимальный резерв составил 1,82 млн. kw, или 28,8% от установленной мощности. Так как общая выработка этими станциями электроэнергии составила в том же году 14,14 млрд. kwh., то их средне-годовая мощность составила 1,61 млн kw, отношение пиковой мощности к средне-годовой равнялось, таким образом, 3,2:1; в промышленных электростанциях Германии, общая мощность которых равнялась 4,8 млн. kw., пиковая мощность составила всего 2,41 млн. kw. Минимальный резерв равнялся 2,39 млн. kw., или 49,8%, а отношение пиковой мощности к среднегодовой составило 1,54:1.

Мы следовательно видим, что в электроэнергетической базе германской промышленности около половины мощности находилось в бездействии, в станциях же общего пользования—около $\frac{1}{3}$ мощности. Высокое соотношение пиковой мощности к среднегодовой в электростанциях общего пользования говорит о неблагоприятном характере графиков их нагрузки.

Это характерно не только для Германии, но и для большинства других западно-европейских и американских стран⁵³. Об основных экономических и производственных причинах к тому было в основном сказано выше.

Подсчитанные по той же схеме соответствующие эксплуатационные данные по нашим электростанциям показывают, что отношение пиковой мощности к среднегодовой составило на районных электростанциях 1,8:1, а по местным электростанциям 2,3:1.

При установленной электрогенераторной мощности на районных электростанциях к началу 1928/29 г. в 564,6 тыс. kw., а на местных станциях общего пользования 311,3 тыс. kw., суммарная пиковая мощность на первых достигла 369,8 тыс. kw., а на вторых 189,1 тыс. kw. Соответствующие коэффициенты резерва—34,1% и %39,3.

⁵² „Die deutsche Elektrizitätswirtschaft“ (Enquete Ausschuss III 1930, с. 21).

⁵³ В Англии напр. коэф. резерва = ок. 42%; отношение пиковой мощности к среднегодовой = 3,9:1 (цифры относятся к 1926 г.).

Таблица 4

Сравнительная характеристика коэффициентов использования мощности эл. станций СССР и основных стран мирового хозяйства ⁵⁴

Страны	Годы	Коэффициенты использования			
		станций общего пользования		промышл. эл. станций	
		В часах	В %	В часах	В %
СССР ⁵⁵	1927/28	а) 3 210	36,5	—	—
		б) 2 319	26,4	2 439	27,8
		в) 2 900	33,2	—	—
	1928/29	а) 3 263	37,4	—	—
		б) 2 660	34,0	ок. 2 870	32,7
		в) 3 040	34,7	—	—
США	1927	2 894	33,0	2 809	32,1
	1929	3 138	35,8	—	—
Англия.	1927	1 794	20,5	1 360	15,5
	1928	1 850	21,1	1 370	15,6
Франция	1926	1 776	20,3	—	—
	1927	1 542	17,6	—	—
Германия	1927	2 150	24,5	2 839	32,4
	1928	2 246	25,6	2 856	32,6
Италия.	1927	2 856	32,6	—	—
	1928	2 818	32,2	—	—
Австрия	1927	2 500	28,5	—	—
Польша.	1927	1 900	21,7	—	—
Чехо-Словакия.	1927	1 667	19,0	—	—
Голландия.	1927	1 805	20,6	—	—
Румыния	1927	2 190	25,0	2 288	26,1
Бельгия ⁵⁶	1926	2 273 ч.	—	25,9%	—
Дания ⁵⁶	1927	1 843 ч.	—	21%	—
Финляндия.	1927	2 057	23,5	—	—
Юж. Африк. Союз	1927	2 936	33,5	—	—
Швеция ⁵⁶	1927	3 118 ч.	—	35,6%	—
Мексика	1926	3 373	38,5	—	—
Новая Зеландия	1927	3 885	44,3	—	—
Япония.	1927	3 040	34,7	—	—
Канада.	1927	4 551	51,9	—	—
	1928	4 511	51,5	—	—
Норвегия ⁵⁶	1927	5 066 ч.	—	57,8%	—

⁵⁴ Об источниках, которые были использованы нами при построении таблицы. см. примечания к сводке на с. 93.

⁵⁵ а)—Район. эл. ст.; б)—местные ст. общего пользования; в)—все станции общего пользования.

⁵⁶ Все эл. станции.

Мы следовательно видим, что в наших станциях соотношение пиковой мощности к среднегодовой несомненно более благоприятное, чем в Германии. В связи с этим и коэффициент нагрузки, или иначе число часов использования максимума, в наших районных станциях составлял в 1927/28 г. 4 920 час. и на местных станциях общего пользования — 3 821 час. В германских же электростанциях общего пользования он равнялся всего 3 160 час.

(Соответствующие сравнения по промышленным станциям мы не можем провести, поскольку в материалах по нашим фабрично-заводским станциям отсутствуют показатели пиковой мощности).

Приведенные сравнительные цифры крайне показательны.

Обратимся наконец к сводным показателям, характеризующим коэффициент полезного действия (к.п.д.) нашего энергетического хозяйства. Последний естественно является резульативной равнодействующей большого числа факторов. Он в синтетическом виде отражает в основном технический уровень нашего первичного силового хозяйства.

До сих пор мы обычно имели в публикациях данные о среднем к.п.д. только наших станций общего пользования (районных и местных), где был развернут первичный учет потребленного топлива и выработанной энергии. Впервые на основе соответствующих первичных данных, собранных и тщательно обработанных в ЭСС Госплана, представляется возможным подойти к развернутому изучению к.п.д. силового аппарата всей нашей промышленности как в отраслевом, так и в районном разрезах, так и для отдельных групп промзаведений, с различными системами двигателей и разного строения по уровню концентрации энергетических мощностей⁵⁷.

Среднегодовой термический коэффициент полезного действия первичного силового хозяйства всей нашей цензовой фабрично-заводской промышленности составил всего 6,9%, в то же время в местных станциях общего пользования этот коэффициент составил 9,9%, а в районных — 14,4%.

Иными словами, на 1 kWh энергии, выработанной тепловыми двигателями, установленными в нашей промышленности, было в среднем затрачено около 1,76 кг условных единиц 7 тыс. калорийного топлива (около 12,3 тыс. калорий), в местных станциях общего пользования — 1,247 кг условного топлива (8 730 калорий) и в районных электростанциях — 0,85 кг (5 950 калорий). Эти цифры являются средними, и они, конечно, недостаточны еще для анализа технической эффективности под углом зрения кпд отдельных звеньев нашей энергетики. Для этого следовало бы обратиться к дифференцированным данным, дающим нам техническое расчленение нашей энергетики по техническому составу, по уровню концентрации производственных мощностей. Тем не менее и эти средние итоги весьма показательны.

Во-первых, они показывают огромную разницу в эффективности использования топлива в секторе централизованного электроснабжения и в децентрализованной промышленной энергетике. К.п.д. районных станций в среднем более чем в 2 раза выше, чем в промыш-

⁵⁷ Мы здесь опускаем анализ методов построения к.п.д. промышленных установок и соответствующей характеристики первичного материала. Об этом см. вступительные очерки к цитированным выше трудам по исследованию нашей энергетики, заканчиваемые подготовкой к печати.

ленных силовых установках. Во-вторых, эти средние цифры показывают значительную техническую отсталость нашей децентрализованной энергетики, в частности промышленной, доставшейся нам в наследство от капиталистической России. Из каждой сотни калорий, сожженных в силовых установках промышленности, около 93 калорий теряется.

Иными словами, если для производства энергии было сожжено в промышленных силовых установках в отчетном году свыше 10 млн. *т* условного топлива (40% всего топливного баланса промышленности в 1927/28 г.), то по существу полезно использовано было всего около 0,5—0,6 млн. *т*. Не подлежит сомнению, что здесь мы имеем еще значительные внутренние резервы для повышения эффективности используемого топлива. Повышение к.п.д. на несколько процентов означало бы экономию на много сотен тыс. *т* топлива. При огромном напряжении в топливном балансе страны это составляет относительно значительную величину.

На основе даже простейших мероприятий по рационализации нашего силового хозяйства промышленности по сжиганию топлива можно несомненно добиться значительной экономии топлива.

Мы уже не говорим о том, что коренная техническая реконструкция этого звена энергохозяйства, включение его в единую энергетическую систему, в частности возможно более широкая реализация принципов комбинированного использования топлива на силовые, технологические и хозяйственные нужды (так наз. теплофикация),—должны резко поднять эффективность промышленной энергетики, должны вместе с тем разрядить, в известной мере, напряженность топливного баланса.

Полноценное сравнение к.п.д. энергохозяйства СССР и основных западных стран невозможно, так как слишком скудны те данные, которые позволили бы построить этот коэффициент для энергетического хозяйства западных стран. В частности вовсе отсутствуют прямые данные, необходимые для построения к.п.д. промышленных силовых установок (нет данных ни о выработке энергии, ни о размерах потребленного топлива). Если учесть современный технический состав первичных тепловых двигателей, действующих в промышленности Англии, Германии, Франции и Соед. штатов и отдельные оценки к.п.д., которые приводятся в заграничной специальной энергетической печати, то можно сказать, что к.п.д. децентрализованной первичной энергетики в этих странах в среднем едва ли превышает к.п.д. в нашей промышленной энергетике. Более того, можно уверенно сказать, что первичные силовые установки, например английской промышленности, работают с еще более низким к.п.д., чем наши (в английской послевоенной промышленности процент мощности, падающей на паровые машины, — наименее экономичный с точки зрения удельного расхода топлива класс первичных двигателей, — составляет 73,7%⁵⁸; в послевоенной германской промышленности 49,6%⁵⁹, в промышленности США 50,8%⁶⁰; в нашей промышленности—42,5%).

⁵⁸ Подсчитано по данным Third Census of Production (Preliminary Reports L. 1927—30).

⁵⁹ „Wirtschaft und Statistik“, 1929.

⁶⁰ „Statistical Abstract“. 1929.

Что касается электростанций общего пользования, то в США по данным „Electrical World“ средний удельный расход топлива на 1 kwh в 1928 году равнялся 0,755 кг угля⁶¹. В Англии средний удельный расход угля на 1 выработанный kwh составил в 1928 году по отчетным данным 0,98 кг⁶².

Представляют интерес цифры удельного расхода топлива на отдельных группах английских электростанций с различной производительностью. Сделанные подсчеты на основе опубликованных в английских источниках данных о выработке энергии и потреблении топлива показывают, что на 146 станциях с годовой выработкой энергии до 5 млн. kwh удельный расход топлива составил 2,15 кг угля; на 146 станциях с годовой выработкой от 5 до 50 млн. kwh удельный расход топлива равнялся 1,2 кг; на 32 станциях с производительностью от 51 до 100 млн. kwh—1,01 кг угля и на 20 станциях с выработкой выше 100 млн. kwh—0,91 кг. Причем удельный вес первой группы станций (с годовой производительностью до 5 млн. kwh) составил по выработке энергии 2,3% и по потребленному топливу 4,8% от суммарных итогов по всем электростанциям; второй группы—соответственно 31,4% и 37,8%; третьей группы—24,0% и 23,7% и четвертой группы 42,3% и 37,7.

Процесс рационализации нашего централизованного сектора электроснабжения из года в год ведет к повышению коэффициента полезного действия, к снижению удельных расходов топлива. Уже в 1928/29 году средний удельный расход топлива на 1 kwh, выработанный на наших районных станциях составил 0,78 кг вместо 0,84 кг в 1927/28 г. Такая станция, как Шатурская, расходовала в этом году в среднем всего 0,63 кг условного 7 тыс. калорийного топлива на 1 kwh.

Для сравнения укажем, что лучшие станции Германии имели в этом же году (1928 г.) расход около 0,55—0,56 кг 7 500 калорийного топлива на 1 выработанный kwh⁶³. Это составляет около 0,6 кг 7 тыс. калорийного топлива; в США лучшие сверхмощные станции имели в 1929 году расход ок. 0,4 кг угля на 1 kwh⁶⁴; в Англии—около 0,8 кг⁶⁵; во Франции—ок. 0,84 кг⁶⁶.

Эти сравнительные данные в свою очередь показывают, что на отдельных участках нашего электрохозяйства мы уже вплотную достигаем технических коэффициентов наиболее передовых капиталистических стран.

Рамки настоящего очерка не позволяют нам остановиться даже на сжатом анализе других основных показателей, рисующих в общем виде технический уровень нашей энергетики. Мы поэтому вынуждены лишь ограничиться приведением кратких сводок, где нами систематизированы как те техно-экономические показатели, которые уже нашли отражение в приведенном выше обзоре, так и ряд дополнительных данных, освещающих отдельные стороны нашей энергетики. (Некоторые технические коэффициенты мы снабдили примечаниями к соответствующим сводкам).

⁶¹ „Electrical World“. 1930, № 1.

⁶² „The Economist“ 1929 г., см. также „Schweizerische Wasserwirtschaft“, 1929.

⁶³ „Die Deutsche Elektrizitätswirtschaft“, S. 12.

⁶⁴ Power, см. также „Elektrizitätswirtschaft“, 1930.

⁶⁵ „The Economist“, 1929.

⁶⁶ „Révue Générale d'Electricité“, 1929.

А. ОБЩИЕ ПОКАЗАТЕЛИ МОЩНОСТИ И РАБОТЫ ЭНЕРГО- И ЭЛЕКТРО-ХОЗЯЙСТВА

I. Первичный силовой аппарат

Показатели	Мощность установ. двиг. в 1000 kw	Произведено энергии в 1000 kwh
Промышленность	1 905,7	5 309,9
Районные эл. ст.	588,9	2 013,3
„Местные“ ст. общ. пользов. .	323,8	800,5

II. Электростанции в стране (электрогенераторный аппарат)

Группы станций	Число станций	Мощность установлен. эл.-генераторов в 1000 kw	Произведено эл. энергии в млн. kwh
Промышл. эл. станции . . .	4 344 ⁶⁷	865,7	2 112,3
Районные „ „ . . .	18	564,6	1 813,8
„Местные“ ст. общ. пользован.	597	311,3	721,2
Станции специального назначения (НКПС, НКПиТ и др.).	—	Ок. 60	Ок. 110
Сельские эл. станции	—	Ок. 30	Ок. 40
Всего	4 959	1 831,6	4 797,3

III. Мощность бездейств. в промышл. двигателях

Виды двигателей	В 1000 kw	В % к установл. мощности
Первичные двигатели . . .	223	11,8
Электрогенераторы	108	12,5
Электромоторы	195	10,9

⁶⁷ В это число не вошли 483 пром. заведен., имеющих эл.-генераторы с мощностью до 25 kw (в итогах по мощности и энергии эти данные включены).

Ша. Состав бездействовавших в промышленности первичных двигателей

Виды двигателей	В % к итогу	В % к установл. мощности
Паровые турбины	28,9	11,8
Паровые машины	50,4	13,0
Локомобили	5,1	10,6
Дизеля	5,5	6,9
Пр. двигатели внутреннего сгорания	8,7	11,1
Водяные турбины	1,4	5,6
Водяные колеса	0,0	12,5
Всего	100	11,6

IV. Мощность установленных в промышлен. эл. моторов.

Группы моторов	Тыс. кв.
Моторы своего тока	762,6
„ чужого „	865,8
„ смешанного тока.	170,7
Всего	1 799,1

V. Производственная энергетическая мощность промышленности

Показатели	Тысячи кв
Энергетическая мощность ра- бочих машин ⁶⁸ —вся	2 310,7
в том числе:	
электромоторов	1 604,3
механическая	706,4
Мощность производственных эл. аппаратов	29,8
Мощность двиг. внутризавод- ского транспорта—вся	190,0
в том числе:	
элект.-моторная	65,6
механическая	124,4

⁶⁸ По мощности работавших двигателей

Б. СИСТЕМА ВАЖНЕЙШИХ КАЧЕСТВЕННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

VI. Характеристика централизации энергохозяйства и электрохозяйства

	В %
1. Централизация энергохозяйства.	
Удельный вес районных станций в общей энергетике пром-сти и станций общего пользования:	
а) по мощности установ. первич. двигател.	21,0
б) по производству энергии.	24,8
2. Централизация электрохозяйства	
Удельный вес районных организаций в общем эл.-энергетич. хозяйстве страны:	
а) по мощности установ. эл.-генераторов	32,4
б) по выработке эл.-энергии.	39,0
3. Характеристика централизации эл.-снабжения рабочих машин и аппаратов в пром-сти:	
а) по мощности	56,7
б) по энергии	44,4

VII. Важнейшие коэффициенты электрификации пром-сти

Показатели	Потенциальный по мощности	Фактический (по работе)
	В %	
Работавших в промышленности первичных двигателей	58,2	44,3
Рабочих машин.	69,4	47,4
Сводный коэффициент электрификации пром-сти ⁶⁹	—	50,6

VIIa Коэффициенты централизованной электрификации промышленности

Удельный вес эл. энергии от сетей общего пользования в общем балансе потребленной в промышленности механической и электрической энергии	37,1%
---	-------

⁶⁹ Удельный вес эл. энергии от сетей станций общего пользования в общем эл. балансе промышленности.

VIII. Средние коэф-ты использования установленной эл.-генераторной мощности

Группы станций	В %	В часах
1. Районные эл. станции	36,5	3 210
2. Местные станции общ. пользов.	26,4	2 319
3. Промышл. эл. станции	27,8	2 439
4. Ст. спец. назначения	20,8	1 830
5. Сельские станции.	15,1	1 330

IX. Средние коэф-ты нагрузки и резерва станций общего пользования

Показатели	Районные станции	Местные станции
Мощн. установ. эл.-генераторов	564,6 тыс. <i>kw</i> .	311,3 тыс. <i>kwh</i>
Мощность пиковая	369,8 " "	189,1 " "
Мощность факт. среднегодовая	205,3 " "	82,0 " "
Мощность резервная	194,8 " "	122,3 " "
Коэффициент нагрузки ⁷⁰	а) 56,0 " "	а) 43,5; " "
Коэффициент резерва ⁷¹	б) 4 920 час. "	б) 3 820 час. "
	34,1	39,3
Отношение пиковой мощности к среднегодовой	1,8 : 1	2,3 : 1
Отношение присоединенной мощности к пиковой мощности	2,5 : 1	2,1 : 1

⁷⁰ Отношение фактически произведенной энергии к производству м. пиковой на 8 784 (число часов в 1927/28 г.).

⁷¹ Отношение резервной мощности к установленной эл.-генераторной мощности.

Х. Средние коэффициенты использования силового аппарата промышленности

	В %
а) работавших в пром-ти первичных двигателей:	
1. К-т экстенсивн. нагрузки *)	51,6
2. К-т интенсивной нагрузки **)	70,2
3. К-т интегральной нагрузки ***)	36,2
б) работавших эл.-генераторов:	
4. К-т интегральной нагрузки	31,9
в) работавших эл.-моторов:	
5. К-т интегральной нагрузки	16,9

*) Отношение фактически проработанного времени к 8 760 часам.
 **) Отношение средней фактической мощности к „максимально-длительной“.
 ***) Отношение фактически произведенной энергии к производству мощности работавших двигателей на 8 760 ч.

XI. Средние удельные расходы энергии и эл. энергии на единицу продукции промышл. производства (в *kwh*. часах)

Секторы промышленности	Всей (мех. и электр.) эл. энергии. в <i>kwh</i>	
	На 100 руб. валов. оборота в ценах 1927/28 г.	
Вся промышленность	34	16
Сектор А	49	27
Сектор Б	24	10

XII. Средние фактические коэффициенты полезного действия силовых установок (тепловых)

Виды установок	Уд. расход 7 000 кал. топлива на 1 выр.б. <i>kwh</i> в %.	В %
Промышленные силовые установки	1,76	6,9
Местные станции общего пользования	1,247	9,9
Районные эл. станции	0,850	14,5

Наконец, чтобы оттенить нашу отсталость с количественной стороны на фронте электрификации, мы приводим сводную таблицу, дающую сравнительную характеристику потенциальной мощности и выработанной электроэнергии на электростанциях в 20 капиталистических странах и в СССР за 1927/28 и 1928/29 гг. (см. табл. на стр. 93).

Некоторые общие замечания, которые могут быть вынесены за скобки из предыдущего сжатого обзора, сводятся в основном к следующему.

К началу первого года пятилетки энерговооруженность промышленности и электровооруженность страны количественно еще была значительно отсталой от энерго- и электровооруженности наиболее передовых по уровню развития производительных сил капиталистических стран. Это замечание прежде всего относится к сектору централизованного электроснабжения. Процесс индустриализации, процесс коренной технической реконструкции производительных сил нашей страны, переключения их на новую техническую ступень требует форсированного развития электроэнергетического хозяйства. Нам необходимо ускоренными темпами пройти основные этапы по электроперевооружению страны.

Вместе с этим существенно важно отметить, что преимущества плановой системы хозяйства уже существенно сказались в первые годы реконструкции производительных сил: по целому ряду важнейших качественных показателей, по ряду основных технических коэффициентов в области энерговооруженности промышленности мы уже вплотную достигли уровня передовых капиталистических стран, в отдельных случаях превзойдя последний. Это четко демонстрируют отдельные показатели, которые мы выше привели в полную внутреннюю сопоставимость с соответствующими данными капиталистических стран. (Мы не могли в этом очерке развернуть всю систему технико-экономических показателей).

В следующих очерках при сравнительном конкретном изучении темпов перевооружения нашего народного хозяйства и основных капиталистических стран мы увидим, что у нас динамика следует по кривой незатухающих темпов, значительно обгоняющих темпы развития капиталистических стран.

Нужно однако решительно подчеркнуть, что мы еще далеко не использовали все имеющиеся у нас преимущества плановой системы хозяйства по сравнению с капиталистической системой. Мы еще не сумели овладеть всеми теми рычагами, которые мы имеем — и которые не даны капиталистическим странам, — для того, чтобы с наибольшей народно-хозяйственной эффективностью использовать нашу энергетическую базу, для того, чтобы исторический путь технической реконструкции производительных сил страны пройти в кратчайший срок с минимальными „издержками“.

Мы вновь останавливаем внимание на приведенных цифрах, характеризующих к.п.д. промышленной силовой энергетики. Внимание советской общественности и прежде всего коллектива энергетиков должно быть мобилизовано для форсирования рационализации этого участка энергетического хозяйства. Рабочие топливдобывающей промышленности делают героические усилия для того, чтобы покрыть

Сравнительная характеристика количественного уровня электрификации СССР и капиталистических стран ⁷²

(По мощности электростанций и выработанной электроэнергии)

№№ по пор.	СТРАНЫ	Годы	Мощность эл. станций.				Электроэнергия станций.			
			Общего пользования		промышленных		Общего пользования		промышленных	
			В тыс. кв	В относит. цифрах (СССР = 1)	В тыс. кв	В отн. цифр. (СССР = 1)	В млн. квч	В относит. цифрах (СССР = 1)	В млн. квч	В отн. цифр. (СССР = 1)
1.	СССР	1927/28	876	—	886	—	2 535	—	2 112	—
		1928/29	1 134	1	ок. 900	1	3 442	1	ок. 2 860	1
2.	США ⁷³	1928	27 698	24,4	8 634	9,6	82 927	24,1	24 252	9,0
3.	Германия	1928	6 297	5,6	4 805	5,4	14 146	4,1	13 725	5,1
4.	Канада	1928	3 525	3,1	—	—	15 900	4,6	—	—
5.	Франция	1927	7 700	6,8	—	—	11 875	3,4	—	—
6.	Англия	1928	5 881	5,2	2 979	3,3	10 880	3,2	4 080	1,5
7.	Япония	1927	3 467	3,1	—	—	10 559	3,1	—	—
8.	Италия	1928	3 548	3,1	—	—	10 000	2,9	—	—
9.	Норвегия	1927	—	1 579 ⁷⁴	—	—	—	8 000 ⁷⁴	—	—
10.	Швеция	1928	—	1 250 ⁷⁴	—	—	—	4 410 ⁷⁴	—	—
11.	Швейцария	1928	—	—	—	—	5 300	1,5	—	—
12.	Бельгия	1928	—	—	—	—	3 700	1,1	—	—
13.	Австрия	1928	1 250	1,1	—	—	2 500	0,7	—	—
14.	Австрал. союз	1927	—	—	—	—	1 960	0,6	—	—
15.	Польша	1926	1 000	0,9	—	—	1 900	0,6	—	—
16.	Испания	1927	—	—	—	—	1 800	0,5	—	—
17.	Мексика	1926	415	0,4	—	—	1 400	0,4	—	—
18.	Чехо-Словакия	1926	780	0,7	—	—	1 300	0,4	—	—
19.	Голландия	1927	665	0,6	—	—	1 200	0,3	—	—
20.	Нов. Зеландия	1927	139	0,1	—	—	540	0,2	—	—
21.	Южн.-Афр. союз	1927	188	0,2	—	—	551	0,2	—	—
22.	Дания	1926	—	229 ⁷⁴	—	—	—	422 ⁷⁴	—	—
23.	Финляндия	1926	175	0,2	—	—	360	0,1	—	—
24.	Румыния	1927	105	0,1	125	0,1	214	0,1	286	0,1

⁷² Таблица построена по данным следующих источников: „Electrical World“ 1930 г. (данные по США); ж. „Wirtschaft und Statistik“ 1929 (с. 862 и др.) (данные по Германии); ж. „World Power“ 1929 г. (данные по Англии); ж. „Elektrizitätswirtschaft“ 1929 и 1930 гг. (данные по Швейцарии и Румынии); ж. „Elektrizitätsw. und Maschinenbau“ 1929 (данные по Австрии); „Power Resources of the World“ Lond. 1929 г. (данные по Франции, Польше, Мексике, Чехо-Словакии, Голландии, Финляндии, Дании и Новой Зеландии); „Die Wirtschaftlichen Kräfte der Welt“ Berlin 1930 (данные по Испании, Австрал. союзу); „The Canada Yearbook“ 1929 г. (данные по Канаде); Annuario Statistico Italiano 1929 г. (данные по Италии) ж. „Die Wärme“ 1929 г. (данные по Южн.-Африк. союзу). Доклады токийской энергетической конференции 1929 г. (данные по Японии); Statistisk Årsbok för Sverige 1929 г. (данные по Швеции). Statistisk Årbok for Norge 1929 (данные по Норвегии).

⁷³ Цифры по промышленным электростанциям относятся к 1927 г.

⁷⁴ Все электростанции (общего пользования и промышленные).

топливный баланс страны. Мы требуем от нашего транспорта огромного напряжения для своевременного выполнения плана перевозок топлива. А промышленное силовое хозяйство, поглощающее свыше 0,4 топливного баланса промышленности из каждой доставленной ему 1 000 тон угля полезно использует только около 60 тонн. Нужно включить в оперативные сводки энерго- и теплоемких промышленных предприятий регулярные донесения стране о степени выполнения с качественной стороны планов энергетических и топливных балансов,— не сколько, а как, с каким эффектом были потреблены топливо и энергия. Этот участок энергохозяйства требует к себе сугубого внимания.

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ СССР В ПЕРИОД МЕЖДУ XV И XVI СЪЕЗДАМИ ПАРТИИ

Период между XV и XVI съездами партии в развитии социалистической промышленности Советского Союза отмечен как период величайших сдвигов и небывалого ускорения темпов роста.

Отмеченное XV партийным съездом принципиально иное социально-классовое содержание командных экономических высот, принципиально иное соотношение между городом и деревней, принципиально иное распределение национального дохода, принципиально иная организационная форма народного хозяйства, сделавшая возможным укрепление планового хозяйственного руководства,—все это „обусловило развитие экономики СССР на принципиально иных социалистических началах“.

„Эти отличительные черты хозяйства СССР сделали возможным гораздо более быстрый, по сравнению со странами капитализма, темп восстановительного процесса, а также и гораздо более быстрый процесс хозяйственного роста вообще“ (из резолюции партсъезда).

Наступившее после XV съезда ускорение процессов социалистического строительства, дальнейший рост темпов индустриализации явились прямым следствием указанных выше преимуществ нашей хозяйственной системы, прямым следствием того мощного трудового подъема и энтузиазма рабочего класса, который возможен только в стране диктатуры пролетариата. Коренной поворот бедняцко-средняцких масс деревни в колхозы, подготовленный всей политикой партии и ростом социалистической промышленности, в свою очередь потребовал дальнейшего значительного ускорения темпов роста этой промышленности.

ОТ XV К XVI СЪЕЗДУ

XV партийный съезд собрался в момент, когда восстановительный период был закончен и страна советов непосредственно вступала в эпоху реконструкции. К периоду съезда народное хозяйство СССР в основном уже достигло довоенных норм. Промышленная продукция (валовая продукция цензовой промышленности по довоенным ценам) в 1926/27 г. составила 6,88 млрд. руб. против 6,4 млрд. руб. 1913 г. (т. е. 108%). Посевные площади в 1927 г. составили 115 млн. га против 114,2 млн. га 1913 г. (100,7%). Народный доход в 1926/27 г. составил 14 770 млн. руб. против 14 025 млн. руб. в 1913 г. (105,4%).

Количество рабочих ценовой промышленности также достигло довоенного уровня—2 840 тыс. чел. в 1926/27 г. против 2 900 тыс. чел. в 1913 г. (98%).

Такова общая характеристика достигнутого к 1927/28 г. уровня народного хозяйства. Однако, достигнув в целом довоенного уровня, по отдельным отраслям, в области сельского хозяйства по производству зерновых культур, а в области промышленности по металлургии и стройматериалам мы имели в 1926/27 г. более низкие показатели.

В особенности низкими остаются в 1926/27 г. душевые нормы потребления как по промышленным товарам, так и по сельскому хозяйству (чугун—66% довоенной нормы, шерстяные ткани—82,3%, сахарный песок—64,1%, хлопчатобумажные—100% и т. д.).

Шесть лет нэпа потребовалось нам для того, чтобы выйти из разрухи, вызванной двумя войнами и революциями, для того, чтобы восстановить хозяйство примерно до довоенного уровня.

Но уже через три года ускорение процессов индустриализации, наступившее после XV съезда, позволило этот достигнутый довоенный уровень удвоить.

Это ускорение процессов индустриализации, обусловленное огромными, недоучтенными раньше резервами, какие представляет собой преимущество социалистической формы производства, нашло свое выражение не только в высоких проектировках планов промышленности, но и в систематическом превышении этих планов за все последние три года.

1927/28 г. дал перевыполнение утвержденного плана на 3,3%, причем самый план был значительно увеличен уже в процессе его осуществления. 1928/29 и 1929/30 гг. дали дальнейшее превышение темпов, запроектированных пятилетним планом и контрольными цифрами,—1928/29 г. +2,6% против плана; 1929/30 г. должен дать +10% против проектировки пятилетки (за 7 месяцев 1929/30 г. прирост составил 29,6% при годовом плане по сопоставимой продукции 30,8%).

Процент прироста валовой продукции (к предыдущему году)

Группы отраслей	1927 28			1928 29		1929 30			
	Контр. цифры	Плано-вые	Факти-ческие	Контр. цифры	Факти-ческие	5-летка	Контр. цифры	Годовой план по сопост. продук-ции	Факт. за 7 мес.
Вся промышл.	15,8	21,7	25,0	21,4	23,7	21,5	32,1	30,8	29,6
Группа А . . .	17,3	13,6	21,7	25,6	29,8	26,2	45,1	40,7	38,3
Группа Б . . .	14,6	27,9	27,5	18,6	19,3	18,1	21,9	23,7	22,9

В 1927/28 г. при общем превышении плана группа Б дала процент прироста больше среднего по всей промышленности. Остальные два года группа Б дает более низкий процент, группа А наоборот

показывает весьма значительное превышение планов. Именно за счет роста этой группы в дальнейшем и превышает план.

В итоге за три года между съездами продукция планируемой ВСНХ промышленности дает следующую динамику:

Группы отраслей	1926 27	1929 30	
		в млн. руб.	в % к 1926 27
Вся промышленность . .	8 762	18 092	206
В том числе группа А .	3 762	8 782	230
” ” ” ” Б .	5 000	9 310	186

Развертывание группы А производства средств производства являлось основным в динамике промышленности этих лет.

Директива XV съезда о том, что „наиболее быстрый темп развития должен быть придан тем отраслям тяжелой индустрии, которые поднимают в кратчайший срок экономическую мощь и обороноспособность СССР, служат гарантией возможности развития в случае экономической блокады, ослабляют зависимость от капиталистического мира и содействуют преобразованию сельского хозяйства на базе более высокой техники и коллективизации хозяйства“, служила исходным, отправным пунктом всей хозяйственной политики последних лет.

Выполнение этой директивы однако не следует проверять только объемом готовой продукции, производимой той или другой отраслью. Целый ряд важнейших отраслей тяжелой индустрии нам приходится фактически создавать заново, строить их почти на голом месте. Задача первых лет реконструктивного периода состоит прежде всего в развертывании такой строительной программы, которая бы обеспечила в дальнейшем высокий уровень продукции этих отраслей. Это относится в первую очередь к добывающим отраслям промышленности и металлургии, где быстрое получение готовой продукции вообще невозможно.

Поэтому проверять выполнение директивы XV съезда о том, чтобы особое внимание было обращено на „скорейшее осуществление плана электрификации, развитие черной и цветной металлургии, в особенности в части качественных металлов, развитие химических производств, в особенности в части производства искусственных удобрений, дальнейшее развертывание добычи угля, нефти и торфа, общего и сельскохозяйственного машиностроения, судостроения, электропромышленности и золото-платиновой промышленности“, — следует как по объему продукции, так и по объему строительной программы, по размеру средств, вкладываемых в эти отрасли. Строительная же программа в добывающих отраслях развертывалась на весьма высоком уровне. Темпы роста вложений по топливной промышленности в целом в 1929/30 г. увеличились больше, чем в 10 раз

(прирост 1927/28 г. к 1926/27 г. + 8%; 1929/30 г. к 1928/29 г. + 82,6%); цветной металлургии—с 20% до 203%; черной металлургии—с 42,6% до 106%.

В то же время темпы прироста продукции и по обрабатывающим отраслям значительно выше добывающих и среднепромышленных. Способность обрабатывающих отраслей в периоды „высокой конъюнктуры“ быстро разворачивать производство обнаруживает себя и здесь (большие резервы в отношении нагрузки основного капитала, более быстрые темпы ввода в эксплуатацию новых предприятий и т. д.). Вместе с тем социалистическая промышленность Советского Союза показывает и в отношении добывающих отраслей рекордные темпы роста продукции, неизвестные капиталистическому хозяйству.

Осуществлением большой строительной программы последних лет, и в особенности текущего года нами подготавливается мощная база для дальнейшего, еще более быстрого разворачивания отраслей тяжелой индустрии.

Начатые стройкой гиганты-заводы—Магнитогорский, Кузнецкий, Керченский,—заложены мощные угольные шахты, осуществляемая большая программа разведывательного нефтяного бурения, разворачивание рудников цветных металлов,—все это в ближайшие же годы обеспечивает значительный прирост производства продукции, на много превышающий все проектировки пятилетки. По некоторым предварительным наметкам прирост продукции указанных отраслей составит в 1930/31 г. (к 1929/30 г.):

Уголь	35,7	Торф	55,9
Нефть	33,7	Осн. химия	69,5
Чугун	29,1	Медь	53,5
Цинк	320,4	Общ. маш.	85,94
С.-х. машин.	106,2	Электротех.	115,7

В 1931/32 г. черная металлургия в связи с окончанием строительства ряда заводов сразу дает увеличение продукции на 47% против предыдущего года; в 1932/33—на 52%.

Ускорение темпов индустриализации позволило нам в три года, лежащие между съездами, добиться почти удвоения продукции.

Каковы же перспективы роста производства в остальные 3 года пятилетки?

Если исходить из того предположения, что пятилетка будет выполнена полностью в 4 года, то это означает, что в 1931/32 г. будет уже достигнут уровень продукции 1932/33 г., т. е. 21 млрд. руб. (цензовая промышленность в довоенных ценах). При минимуме темпа прироста продукции для 1931/32 г., запроектированной пятилеткой в 21,5%, продукция 1932/33 г. должна будет составить сумму около 26 млрд. руб. Иначе говоря, к 1932/33 г. мы удваиваем продукцию 1929/30 г., т. е. мы будем иметь учетверенную довоенную продукцию.

Валовая продукция цензовой промышленности в довоенных ценах

Г о д ы	Млрд. руб.	В % к 1913	В % к 1926/27
1913	6,4	100	—
1926/27	6,8	106	100
1929/30	13,4	209	197
1931/32	21,0	328	309
1932/33	(26,0)	406	383

Необходимо отметить всю условность этих расчетов. Однако порядок чисел здесь выражен несомненно правильно. Количественная характеристика тех гигантских темпов, какими мы продвигаемся по пути социалистического строительства, верна: 6 лет восстановительного периода нэпа (1921/22—1926/27)—для достижения довоенной продукции; 3 года реконструктивного периода нэпа (1927/28—1929/30)—для удвоения этой продукции и наконец 3 года выполнения пятилетки (1930/31—1932/33)—для удвоения этой удвоенной довоенной продукции.

Этот гигантский рост количественного объема продукции имеет тем большее значение, что мы не просто восстанавливаем довоенное производство и довоенные пропорции, а создаем новые пропорциональности, развиваем промышленность на новой технической базе, на основе передовой техники, на основе электрификации.

ХОД ВЫПОЛНЕНИЯ ПЯТИЛЕТНЕГО ПЛАНА

Созданный в полном соответствии с директивами XV съезда партии пятилетний план развития промышленности основой своей имеет превращение в жизнь идеи социалистической индустриализации Советского Союза. И именно в ходе выполнения плана эта основная идея получила свое наиболее полное развитие.

Этому способствовало прежде всего решительное ускорение темпов коллективизации деревни, обусловившее необходимость форсирования производства средств производства для крупного коллективного сельского хозяйства и необходимость более быстрого создания технического базиса крупной индустрии.

Но более быстрые темпы развития и самая постановка задач ускорения темпов коллективизации стали возможными, потому что выполнение пятилетки обнаружило огромные недоучтенные ранее резервы, какие представляют собой преимущества социалистического хозяйства (централизованное плановое управление хозяйством, возможность более полного использования основного капитала—непрерывка, сменность и т. д.) и в первую очередь огромный творческий подъем и самоотвержение трудящихся масс.

То ускорение развития, которое наступило в ходе выполнения пятилетки, основой своей имеет следовательно прежде всего преимущества социалистической формы производства, преимущества новых—самых передовых общественных отношений с одной стороны и развитие классовой борьбы, ее этапы с другой. На данном этапе нашей борьбы это ускорение темпов является классовой необходимостью.

Пятилетний план развития народного хозяйства, как и все наши планы экономического развития, является планом классовой борьбы.

Пятилетка стала планом социалистического переустройства деревни, пятилеткой выкорчевывания корней капитализма, пятилеткой создания технической базы новых общественных форм хозяйства.

Необходимость ускорения темпов социалистической реконструкции диктуется еще и некоторыми новыми моментами международной обстановки.

Ее общее напряжение, вызываемое успехами социализма в СССР и выразившееся в целом ряде враждебных выступлений против нашего Союза (неудачной попытке „процупать нас штыком“, финансовой и экономической блокаде, „крестовых походах“ и пр.), поставило с гораздо большей остротой вопрос о скорейшем освобождении СССР от экономической зависимости от капиталистических государств и максимальном сокращении импорта. С большей остротой поставлен был вопрос укрепления обороноспособности страны.

Все эти моменты внесли существенные коррективы в первоначальную установку пятилетки на значительный рост торговых и кредитных связей с капиталистическим миром.

Именно все эти новые моменты классовой борьбы, обнаружившиеся в ходе выполнения пятилетки, обусловили целый ряд сдвигов—забегание одних отраслей, отставание других, форсирование развития ряда новых отраслей и, как известно, общее ускорение темпов развития.

Жизнь разбила все минималистские проектировки темпов нашего развития, разбила вдребезги „теорию затухающей кривой“.

Жалкой и смешной кажется сейчас „куца“ „двухлетка“, которую пытались навязать партии ее правое крыло. Жалкими и смешными кажутся сейчас крики и вопли троцкистов о том, что партия ведет страну по капиталистическому пути развития, предавая дело индустриализации.

Приводимые ниже проектировки разных вариантов пятилетки, проделанных на протяжении нескольких последних лет, наглядно иллюстрируют этапы борьбы за темпы социалистической индустриализации, последовательное преодоление минималистских тенденций.

Темпы прироста продукции (в неизменной оценке) (данные за каждый год—в процентах к предыдущему)—по разным вариантам.

Показатели	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30
„Пятилетка“ ОСВОК-а .	144,8	130,2	123,4	115,0	113,0
Материалы к составлению 5-летнего плана комиссии Струмилина	—	119,1	113,2	110,6	109,9
„комиссии Гиназбурга .	—	119,6	116,3	113,1	113,7
Контр. цифр. комиссии Межлаука	—	119,9	118,1	116,6	117,6
Перспект. проективн.:					
Госплана (1927 г.)	—	117,5	115,7	111,2	110,6
ВСНХ (дек. 1928 г.)	—	—	125,2	121,9	120,2
Пятилетний план Госплана:					
а) отправн. вар.	—	—	—	121,4	118,6
б) оптим. вар.	—	—	—	121,4	121,4
Фактически на 1929/30 г.	—	—	125,2	124,0	132,1

Только в 1928 г. удалось правильно нащупать тенденции роста промышленности и составить пятилетку, соответствующую задачам социалистического строительства и полтора года выполнения пятилетки свидетельствуют не только о полной реальности ее выполнения, но и о возможности значительного перевыполнения ее наметок.

Сопоставление проектировок пятилетки с фактическим ее выполнением дает следующую картину. (См. таблицу на с. 102).

Таблицы динамики продукции ярко иллюстрируют те сдвиги в структуре промышленного производства, какие произошли за два года пятилетки. Глубочайшие социальные изменения в стране создали новую пропорциональность, новую структуру производства. И прежде всего обращает на себя внимание форсированное развитие целого ряда новых производств, главным образом производств, связанных с социалистической реконструкцией сельского хозяйства.

Фактическое производство тракторов, превысив уже в 1928/1929 г. проектировку пятилетки на 8,3%, в 1929/30 г. превышает ее больше чем вдвое (11 тыс. шт. вместо 5 тыс. по пятилетнему плану). Форсирование строительства предусмотренного пятилеткой Сталинградского тракторного завода, мощность которого доводится до 50 тыс. шт. в год против намеченной в 10 тыс. шт., строительство Харьковского тракторного (ввод в 1931/32 г.) завода, мощностью в 25 тыс. шт., расширение выпуска тракторов на Путиловском заводе обуславливают в ближайшие годы весьма значительный дальнейший рост тракторного производства в СССР. В 1930/31 г. предполагается выпуск тракторов довести до 51,5 тыс. шт. против проектировки пятилетки—6,5 тыс. шт. При этом 30 тыс. шт. будет произведено вступающим уже в текущем году нашим тракторным гигантом—Сталинградским заводом—и 20 тыс. шт.—„Красным путиловцем“. СССР по количеству производимых в год тракторов будет одной из первых стран мира. В настоящее время (1929) крупнейший производитель тракторов США выпускает в год 220 тыс. шт., СССР в 1932 г. будет выпускать по видимому не меньше 120—150 тыс. шт.

Столь же значительно увеличивается производство сельскохозяйственных машин.

Превышая в 1929/30 г. проектировку пятилетнего плана на 56% (410 млн. руб. против 262 млн. руб.), производство с.-х. машин имеет тенденцию в будущем 1930/31 г. довести общий объем его до 845 млн. руб., т. е. превысить уровень, запроектированный для пятого года пятилетки на 38% (845 млн. руб. против 610 млн. руб. пятилетки).

Чрезвычайно показательны при этом структурные изменения внутри самой отрасли. Самый тип марок с.-х. машин, ассортимент их резко изменяются в результате социальных сдвигов в сельском хозяйстве.

Инвентарь, обслуживающий крупное коллективизированное сельское хозяйство, работающее с применением трактора и комбайна, решительно вытесняет конный плуг и борону. Если до 1930/31 г. тракторный инвентарь возрастал чрезвычайно быстрым темпом при одновременном, однако абсолютном росте конного инвентаря, то проектировка 1930/31 г. уже намечает резкое и абсолютное снижение конного инвентаря при росте тракторного.

Решительный поворот бедняцко-средняцких масс в колхозы ставит с большой остротой необходимость в будущем году значительного изменения ассортимента марок с.-х. машин. Проектировка 1930—

Выполнение пятилетки.

Продукция	1927/28	1928/29 г.		В % к пяти- летнему плану (+ или -)	В % к предыд. году (3:1)	1929/30		В % к пяти- летнему плану (+ или -)	В % к пред. году (7:3 ^а)	
		План	Выпол- нение			План	Контр. цифры			
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	
Группа „А“										
Каменный уголь в м. т	35,4	41	39,9	- 2,7	112,7	46,6	53,1	+	13,9	133,1
Нефть (с газом) „ „ „ в т. ч.	11,5	13,1	13,7	+ 4,6	119,1	14,8	17,2	+	16,2	125,5
Керосин в млн. т	1,9	2,3	2,3	0	121	2,6	3,3	+	26,9	143,5
Бензин „ „ „	0,9	1,26	1,15	- 8,7	127,8	1,55	1,83	+	18,1	159,1
Чугун „ „ „	3,3	4,07	4,01	- 1,5	121,5	5	5,5	+	10	137,1
Сталь „ „ „	4,1	4,66	4,71	+ 1,1	114,9	5,21	6,3	+	20,9	133,7
Прокат „ „ „	3,2	3,5	3,7	+ 5,7	115,6	4,02	4,9	+	21,9	132,4
Медь в т. т.	26,9	37,4	39,9	+ 6,7	148,3	41,9	49,5	+	18,1	124,1
Цинк „ „ „	3,1	6,6	3	- 54,6	96,8	15,7	4,4	-	72	146,7
Свинец в т. т.	3	5,4	5,8	+ 7,4	193,3	7,6	10,3	+	35,5	177,6
Тракторы тыс. шт.	1,15	3	3,25	+ 8,3	282,6	5	11	+	120	338,5
Автомобили „ „	0,8	1,4	1,9	+ 35,7	237,5	12,3	14,9	+	21,1	784,2
Общее машин. млн. р.	591	737	793	+ 7,6	134,2	959,3	1 300	+	35,5	163,9
Сельск.-хоз. маш. „ „	148,2	210	210	0	141,7	262	410	+	56,5	195,2
Электротехника „ „	176	255	261	+ 2,3	148,3	330	492	+	49,1	188,5
Кирпич. млрд. шт.	1,8	2,6	2,9	+ 11,5	161,1	4,1	5,1	+	24,4	175,9
Цемент млн. б.	12	14	14,4	+ 2,8	120	18	22	+	22,2	152,8
Лесная и деревообаб.	640,9	666,3	1 137,7	+ 70,7	177,5	818,3	1 939,7	+	37	170,5
Строит. (вся вместе с лесной).	926,1	1 081,5	1 507,7	+ 39,4	162,8	1 353,8	2 527	+	86,6	167,6
Судостроение	98,4	84,7	84	- 0,8	83,4	102,4	226,4	+	121,1	269,5
Серная кислота т. т.	208	283	263,5	- 6,9	126,7	371	400,6	+	8	152
Суперфосфат „ „	150	261	210	- 19,5	140	480	495	+	3,1	235,7
Калийные соли „ „	—	—	—	—	—	—	30	—	—	—
Вся осн. химия млн. р.	105,4	127,4	132,1	+ 3,7	125,3	180	211,6	+	17,5	160,2
Автопокрышки т. шт.	65,1	156	168	+ 7,7	258,1	197	537	+	172,6	319,6
Бумага и картон т. т.	315	410	416,4	+ 1,6	132,2	470	521	+	10,8	125,1
Горнодобывающ. млн. р.	61,3	70,2	94,9	+ 35,2	154,8	93,8	165,4	+	76,3	174,3
Группа „Б“										
Хл.-бум. пряжа т. т.	322	362	350	- 3,3	108,7	400	338	-	15,5	96,6
Хл.-бум. ткани млн. т.	2 695	2 970	2 940	- 1	109,1	3 266	2 870	-	12,1	97,6
Шерст. „ „ „	96,4	105,4	113,2	+ 7,4	117,4	124	130,3	+	5,1	115,1
Льнян. „ кв. м „	177,8	178,8	189,7	+ 6,1	106,7	222	190	-	14,4	100,2
Кожн. крупные млн. шт.	9,9	12,2	13,8	+ 13,1	139,4	13,1	14,4	+	9,9	104,3
„ мелкие „ „	16	23	20	- 13	125	27,7	24,8	-	10,5	124
Обувь млн. пар.	23	42	38,6	- 8,1	167,8	50	62	+	24	160,6
Сахарн. песок т. т.	1 330	1 340	1 280	- 4,5	96,2	1 730	834	-	51,8	65,1
Рафинад „ „	620	660	656	- 0,6	105,8	870	525	-	39,7	80
Папиросы млрд. штук.	47,1	52	54,5	+ 4,9	115,7	57	50	-	12,3	91,7
Вся пищевкусовая ¹ м. р.	1 113,9	1 203	1 127,8	- 6,3	101,2	1 462,8	1 102,1	-	24,7	97,7
Шелковая млн. р.	60,8	83,3	78,9	- 5,6	129,8	102,8	102,8	-	2,6	130,3
Швейная „ „	301,6	430,1	546,6	+ 27,1	181,2	630,3	1 007	+	59,8	184,2
Жиро-парфюм. млрд. р.	166,6	200	190,9	- 4,6	114,6	270	252,1	-	6,6	132
Галоши резин. млн. пар.	55,3	41,5	42	+ 1,2	119	46	48	+	4,3	114,3

¹ Без маслос., рыбной, консервной.

31 г. доводит увеличение тракторных плугов за год с 27 тыс. до 146 тыс. (в 1926/27 г. их производилось всего 100 шт.), тракторных борон—с 30 тыс. до 342 тыс. (до 1928/29 г. они вовсе не производились), сокращая в то же время производство конных плугов на 60%, борон на 26%. Промышленность с.-х. машиностроения должна перестраиваться на ход производства.

Превышая все проектировки пятилетки, бурно развивается и новая для СССР отрасль—автостроение. Ускорение темпов социалистического переустройства деревни, общий рост промышленности, задачи обороны и пр. заставили форсировать развитие этой важной для нас отрасли. Во втором году пятилетки выпуск автомобилей превышает план на 21% (14,9 тыс. шт. вместо 12,3). Однако задача первых 2 лет пятилетки состоит главным образом в самом строительстве новых заводов, в создании основ самого производства. Ускорение строительства нового автозавода, расширение и реконструкция существующих является серьезным обеспечением программы будущих лет. В 1930—31 г. по имеющимся наметкам мы должны произвести уже 32 тыс. шт. машин вместо 12,8 тыс., намечавшихся пятилеткой, причем 24 тыс. шт. дает уже Нижегородский сборочный завод. Нижегородский автозавод, мощность которого доведена до 100 тыс. шт. в год, должен вступить в эксплуатацию в 1932/33 г. Точно так же ускоряется реконструкция завода АМО.

Значительно впереди проектировок пятилетки идет нефтяная промышленность, быстрое развитие которой обусловлено, с одной стороны, общим ростом потребности промышленности и экспорта, а с другой—что особенно резко дало о себе знать в 1929/30 г. и даст знать в 1930/31—ростом потребности в горючем со стороны автотракторного парка.

По нефти в 1929/30 г. пятилетка перевыполнена на 16% (17,0 млн. т. против 14,8 млн. т.), т. е. второй год пятилетки идет на уровне третьего года. По керосину, спрос на который предъявляется главным образом тракторным парком, во втором году нами полностью достигнут уже уровень, запланированный для четвертого года.

Однако, если в области указанных производств, обслуживающих сельское хозяйство, мы добились значительных успехов и идем впереди пятилетки, то в области отраслей химической промышленности, обслуживающих сельское хозяйство, мы отстаем даже от этих проектировок.

Несмотря на высокие темпы роста производства основной химии, и в частности производства искусственных удобрений, средств борьбы с вредителями и др., проектировки пятилетки недовыполняются. По суперфосфату план в 1928/29 г. недовыполнен на 19,5%. На 1929/30 г. принят план всего на 33%, превышающий проектировки пятилетки. В то время как пятилетний план в целом по промышленности перевыполняется, отрасли химической промышленности, обслуживающие сельское хозяйство, несмотря на бурный рост коллективизации, не только не перевыполняют плана пятилетки, но даже отстают.

Проектировки 1930/31 г. намечают объем производства суперфосфата в 1000 т. т. е. дальнейшее недовыполнение пятилетнего плана на 33%. Это систематическое отставание серьезно угрожает делу химизации страны, являющейся одним из важнейших звеньев

технической реконструкции и имеющей большое значение не только для сельского хозяйства, но и для дела обороны страны.

Но не только отрасли, непосредственно обслуживающие сельское хозяйство, растут высокими темпами. Производство каменного угля идет выше пятилетнего плана. Отставание от плана в 1928/29 г. на 2,7% в 1929/30 г. сменяется превышением его на 13,9%. Программа второго года пятилетки находится таким образом почти на уровне, запроектированном для третьего года. Несмотря на этот значительный рост, общая напряженность топливного баланса не смягчается. Материалы недавно закончившейся Всесоюзной топливной конференции чрезвычайно ярко характеризуют общую напряженность баланса. В 1930/31 г. минимальный объем производства должен составить не менее 70—71 млн. *т*, т. е. почти уровень пятого года пятилетки.

Несколько иначе, чем в других отраслях, положение в черной металлургии. При достижении довоенного уровня всей промышленностью в целом еще в 1926/27 г., черная металлургия достигла этого уровня только в 1928/29 г. с превышением по стали (+11,2%) и прокату (+5,2%) и недовыполнением по чугуну (4,5%).

План 1929/30 г. предусматривает значительное превышение проектировок пятилетки в части стали на 21% и проката на 21,9% и перевыполнение ее по чугуну на 10%.

Однако несмотря на то, что в отношении черной металлургии мы идем уже значительно выше пятилетки, темп развертывания ряда металлоемких производств (машиностроение общее и сельскохозяйственное, автотракторные заводы, строительство, транспорт и пр.) ставит задачу дальнейшего форсирования производства черной металлургии. По имеющимся наметкам в 1932/33 г. производство чугуна должно достигнуть 17 000 тыс. *т*, т. е. должно повысить проектировку пятилетки на 70%. Уровень пятого года пятилетки при этом будет достигнут в четвертом году. Характерно при этом, что в связи с крупным строительством темпы роста производства черных металлов чрезвычайно неравномерны. (В отношении к предыдущему году—по наметке „Сталь“—123, 137, 129, 147, 152). Максимальный прирост намечается для 1931/32 и 1932/33 гг., когда новые заводы будут давать 20% всей продукции в 1931/32 г. и 33%— в 1932/33 г. против 0,9% 1928/29 г. В 1931/32 г. в связи с вводом Магнитогорского, Запорожского и Кузнецкого заводов выпуск чугуна новыми заводами сразу учетверится.

Три завода—Кузнецкий, Магнитогорский и Запорожский— в 1932/33 г. дадут 4 500 тыс. *т* чугуна (около 30% всей продукции). Кроме того в текущем пятилетии должны быть построены Мариупольский, Нижне-Тагильский и Бакинский заводы. Перспективы развития черной металлургии характерны не только гигантскими темпами развития и масштабами нового строительства, но и степенью высокой концентрации производства, сосредоточением его на немногих крупнейших заводах-гигантах.

Мы можем с полным основанием заявить, что в области черных металлов мы не только догоняем капиталистические страны, но и перегоняем их.

Крупнейший в мире завод Гери в США в год выпускает 3 100 т. *т* чугуна. Наш Магнитогорский завод в 1932/33 г. будет давать 2 500 т. *т*, а при полной его мощности 3 000 т. Пятилетка закладывает прочную металлургическую базу СССР.

Но если в области черных металлов обеспечено создание в ближайшие годы прочного фундамента этой промышленности, нового крупного основного капитала, то в области машиностроения мы нужных результатов еще не добились и в основном работаем на старом капитале явно недостаточном для решения задач технического перевооружения страны.

Между тем задача всемерного развития собственного машиностроения становится на данном этапе центральной. Нужно определенно сказать, что с выполнением директивы XIV съезда партии о том, чтобы „СССР из страны, ввозящей машины и оборудование“ (из резолюции XIV съезда партии), мы отстали. Несмотря на высокие темпы развития машиностроения, оно явно не поспевает за потребностями страны. Отсутствие же собственной мощной базы технического перевооружения промышленности ставит нас в зависимое положение от капиталистических стран и лимитирует темп и объем капитальных работ, а стало быть темпы индустриализации страны. Этот лимит должен быть сломан. Несмотря на то, что в 1928/29 г. план машиностроения был перевыполнен на 7,6%, темпы эти оказались недостаточными. Недостаточен и темп развития, запроектированный на текущий год. Полугодовые итоги 1929/30 г. свидетельствуют об отставании машиностроительного производства от программного задания (за полгода 43% годового задания).

Необходимы решительные меры в развертывании этой промышленности. На это указывает резолюция ЦК ВКП(б) по докладу ГОМЗы от 5/II 1930 г., предлагающая пересмотреть пятилетку машиностроения в целом в направлении усиления дефицитных отраслей. ЦК резко подчеркивал в то же время, что „машиностроение—ведущее начало индустриализации страны“. 1930/31 г. должен таким образом стать машиностроительным годом, поворотным годом в создании советского машиностроения. По некоторым прикидкам общее машиностроение должно в 1930/31 г. дать прирост на 85%; котло-турбостроение на 78%; электротехника на 115%. Несмотря на исключительную напряженность этих проектировок, есть все основания предполагать, что они вполне осуществимы, ибо в области машиностроения до сих пор не использованы еще все резервы, и в первую очередь резерв на грузки основного капитала. В большинстве случаев предприятия машиностроительной промышленности работают в 1—1½ сменны, зачастую не перейдя даже на непрерывную производственную неделю. По некоторым подсчетам за счет перевода предприятий на непрерывную неделю и за счет повышения коэффициента сменности с 1,5 в 1929/30 г. до 2,3 в 1930/31 г. можно получить добавочную продукцию в 860 млн. руб. Кроме того ввод нового оборудования должен обеспечить не меньше 200 млн. руб. дополнительной продукции, т. е. в общем итоге почти удвоение за год продукции машиностроения.

В связи с процессами переоборудования промышленности значительное развитие, превышающее пятилетний план, получила электротехническая промышленность. В 1928/29 г. пятилетка была превышена на 2,3%; в 1929/30 г. при общем росте производства—против прошлого года на 88,57%—превышение пятилетки на 4,1%.

Таковы масштабы нашего роста в области производства средств производства—решающей базы индустриализации страны.

Каково же положение в области производства средств потребления?

Переходя к рассмотрению хода выполнения пятилетки по группе Б, необходимо отметить, что хотя в целом вся группа за последние два года даже дает некоторое превышение пятилетки, отдельные решающие отрасли легкой индустрии, обслуживающие личное потребление, идут ниже пятилетки.

К отраслям, недовыполняющим план, относятся: хлопчатобумажная промышленность, шерстяная, льняная, выделка кож, сахарный песок и рафинад.

Недовыполнение указанными отраслями планов, как уже указывалось, причиной своей имеет чрезмерную отсталость сельского хозяйства, узость сырьевой базы промышленности.

Динамика производства важнейших средств потребления

	Един. счета	1928/29			Рост против пред. г.	1929/30				
		Пяти- летка	Фактич. вып.	Процент выполн.		Пяти- летка	Контр. цифры	К. Ц. к пятил.	В % к прошл. году	Выполни. мл. в 1-м полуг.
Хл.-бум. ткани	млн. метр.	2 970	2 940	99,0	109,1	3 266	2 870	87,9	99,0	97,6
„ пряжа	тыс. т.	362	350	96,7	108,7	400	398	84,5	96,6	95
Шерст. ткани	млн. метр.	105,4	113,0	107,4	117,4	124,0	130,2	105,1	115,1	95,0
Кож. мелкие	млн. шт.	23,0	20,2	87,0	125,0	27,7	24,8	89,5	124,0	—
Сахарн. песок	т. т.	1 340	1 280	95,5	96,2	1 730	834	51,5	65,1	—
Рафинад . . .	„ „	660	656	99,4	105,8	870	525	60,3	80,0	—

Налицо недовыполнение плана по ряду важнейших товаров широкого потребления. Уже в прошлом году мы имели значительные затруднения с хлопком. Заготовка хлопка на внутреннем рынке в 1928/29 г. возросла по сравнению с 1927/28 г. на 15% по сырцу, но, несмотря на это, от плановых контингентов составила всего 91,6%. В текущем 1929/30 г. создается также недостаточно удовлетворительное положение. Заготовка оказалась ниже плановой наметки 1929/30 г. В результате хлопчатобумажная промышленность в 1929/30 г. развешивается, как это видно из таблицы, на пониженном против пятилетки уровне.

Что касается шерстяной промышленности, то и здесь перспективы в связи с значительным сокращением животноводства также не вполне благоприятны.

Однако наиболее резкое отставание приходится на сахарную промышленность, в текущем году резко сократившей производство из-за недостатка сырья. Вместо предполагавшихся 1 730 тыс. т сахарного песка она всего дала около 850 тыс. т. По другим отраслям легкой промышленности (крахмало-паточная, дрожжевая, винокурная, табачная, маслосточная) также в эти годы ощущается недостаток сырья. Необходимо однако отметить, что ряд других отраслей группы Б растет довольно интенсивно.

За два года пятилетки вся группа Б дает рост: в 1928/29 г. на 19,1%; в 1929/30 г. на 21,9% и за 7 месяцев текущего года на 22,9%. Отдельные ее отрасли показывают рост еще значительно более высокий (за 1929/30 г. швейная—на 84,9%, кожевенно-обувная—на 35,4%, кондитерская—на 54,3%, табачная на—13,4%, быстро растет также консервная и рыбная промышленность, далеко обгоняя проектировки пятилетки). Однако и эти темпы не могут угнаться за ростом потребностей масс, которые развиваются еще быстрее. Недостаток сельского хозяйства,—узость сырьевой базы—главная и единственная причина замедленного темпа, а в некоторых случаях и абсолютного снижения ряда отраслей производства средств потребления.

Наглой клеветой на партию является утверждение наших „друзей“ и врагов, будто бы отраслям, обслуживающим личное потребление, не уделяется достаточного внимания, что задача улучшения обслуживания потребительских нужд масс не стоит в центре внимания партии. Дело не в добром желании, а в систематическом, упорном преодолении тех трудностей, с которыми мы сталкиваемся в процессе восстановления сельского хозяйства, в систематическом подтягивании отраслей сельского хозяйства.

И эта задача должна и может быть нами решена в продолжение самых ближайших лет успешно. Решив в основном зерновую проблему, партия безусловно сможет также быстро, решительно и успешно решить сырьевую проблему на путях широкой коллективизации сельского хозяйства.

Рассмотрение итогов промышленного производства за последние полтора года выполнения пятилетки естественно подводит нас к вопросу о перспективах ближайшего года.

Дать совершенно точный ответ сейчас, когда работа над контрольными цифрами еще только начинается, когда итоги текущего хозяйственного года еще не могут быть окончательно подведены, когда общая картина положения в области с.-х. производства еще не выяснена, конечно невозможно.

Однако некоторые, самые примерные и приблизительные наброски на будущий год позволяют нам подвести как итоги промышленного производства в I полугодии текущего года и итоги весеннего сева (зерновых и технических культур), так и анализ тех задач, которые ставит перед нами развертывающееся социалистическое строительство. Рассмотрение некоторых примерных проектировок 1930/31 г. тем более важно, что одновременно представляется возможным более отчетливо выяснить перспективы развития промышленности на ближайшие три года пятилетки и проследить некоторые резко обозначившиеся структурные сдвиги.

Вся планируемая ВСНХ промышленность на 1930/31 г. должна по предположениям возрасти в ценностном выражении (в неизменных ценах) примерно на 43%, составив сумму около 27 млрд руб.; группа А при этом возрастает на 63%; группа Б на 27%. Темпы за все последние годы рекордные. Это естественно. 1930/31 г.—первый год пятилетки, когда в широком масштабе начинают вступать в эксплуатацию новые фабрики и заводы. Третий год пятилетки как бы заканчивает собой целый цикл начатых уже работ. Прирост основного капитала за год должен составить примерно 4 млрд. руб., т. е. + 40% основного капитала на начало года.

Обращаясь к структуре продукции, мы наблюдаем следующее изменение удельных весов гр. А и Б в совокупной продукции:

Группы отраслей	1928/29		1929/30		1930/31		1932/33
	По пятилетке	Фактически	По пятилетке	По контр. цифрам	По пятилетке	По проекту контр. цифр	По пятилетке.
Группа А .	41,6	44,2	43,2	58,5	44,9	54,8	47,4
„ Б .	58,4	55,8	56,8	51,5	55,1	45,2	52,2
Всего . .	100	100	100	100	100	100	100

Таким образом уже первый год пятилетки обусловил передвижку удельных весов А и Б. Второй год сразу обогнал в этом отношении пятый год пятилетки (для 1932/33 г. предполагалось: А—47,4; Б—52,2). Повышение в нашей промышленности доли производств, производящих средства производства, делает ее прочной базой социалистической переделки страны, базой борьбы за уничтожение классов, делает нашу промышленность способной, по выражению Ленина, „реорганизовать земледелие“, переведя его на новую высшую ступень.

Повышение удельного веса группы А, сопровождаемое абсолютным ростом группы Б—закономерный процесс развития промышленности, обозначающий рост производительной силы общественного труда, показатель степени индустриализации страны.

Сравнивая три года промышленной пятилетки в ее начальных проектировках и последующих, мы должны констатировать:

- 1) резкое расхождение между сроками выполнения ее по группе Б и по группе А, и
- 2) новую пропорциональность и соотношение как внутри отраслей, так и между отраслями.

В целом промышленная продукция в 1931/32 г. при предположенном нами объеме в 26—27 млрд. руб. будет близка к уровню 1932/33 г. Третий год пятилетки пройдет на уровне почти пятого.

По отдельным важнейшим отраслям устанавливаются следующие отношения¹: (См. таблицу на стр. 109).

Если по общему объему продукции мы будем близки в 1930/31 г. к уровню 1932/33 г. (92%) или, иначе говоря, пятилетку по общему объему продукции выполняем почти в 3 года, то по группе А мы ее уже перевыполняем в 1930/31 г. (+11,4%). Что касается группы Б, то здесь мы достигаем всего 72,4% пятилетки. Иначе говоря мы по группе Б в целом идем почти на уровне пятилетки (рост по пятилетке — 1930/31 г. к 1927/28 г. — 161,9%; по контрольным точкам—163,1%). По отдельным отраслям группы Б мы идем однако ниже пятилетки (хлопчатобумажная—рост 139% по пятилетке и 105,9% по наметкам; сахар — 148,7% и 127,1% и т. д.).

¹ Таблица исчислена в соответствии с новой группировкой отраслей по группам А и Б принятой, ВСНХ (т. е. перенесением бумажной и пенько-джутовой пром. в гр. А) и по сопоставимой продукции (т. е. за исключением маслосемянной, консервной и др., переданных в др. наркоматы).

Отрасли	1930/31 в % к 1932/33 по плану	1930/31 в % к 1927/28	
		По пятилетке	По проекту на 1930/31
Г р у п п а А	111,4	196,3	349,9
Уголь	95,2	155	202,5
Нефть	118,2	166	266
Черные металлы .	75,3	176,8	207,7
Общее машиностр.	136,5	198,8	482,1
Сельмаш.	188,6	222,8	552,6
Электротехн. . .	121,0	235,8	590,5
Осн. химия	65,2	252,3	390
Г р у п п а Б	72,4	161,9	163,1
Текстильная . . .	59,3	148,3	121,2
Хлопчатобумажн.	57,5	139,4	105,9
Пищевкусовая . .	81,7	149,8	166,2
Сахарная	—		
Вся промышлен. .	92,6	176,7	244,5

По группе же средств производства в ряде отраслей и пятилетка будет далеко оставлена позади уже в 1930/31 г.: по судостроению—191% пятилетки, лесной—176,5%, сельмаш—138%, общему машиностроению—136,5% и т. д. Но и внутри группы А динамика неоднородна. Черные и цветные металлы, основная химия, бумага и некоторые другие идут более замедленными темпами.

Эта разная динамика отраслей, обусловленная конкретными особенностями развития социалистического строительства на данном этапе, приводит к новой пропорциональности производства. Забегание одних отраслей и отставание других естественно сопровождается рядом диспропорциональностей, нарушением и ломкой балансов, что является неизбежным при установлении новых пропорций. Через диспропорциональности, постоянное нарушение балансов и складывается эта новая пропорциональность, которая не неизменна не только для разных общественных систем, но и для одной системы, если только последняя движется вперед, осуществляя задачи социалистической реконструкции. Задача не в том, чтобы равняться по отстающим отраслям, а в том, чтобы отстающие подтягивать к необходимому уровню.

Действительность убедительнее всего опровергает оппортунистические теории равновесия, „закона трудовых затрат“ и т. д.

Форсированное развитие одних отраслей, организация совершенно новых, неизбежно меняют пропорции. „Заранее сбалансированного“ варианта не может быть в нашей системе планирования.

Изложенная выше проектировка на 1930/31 г., как мы указывали¹ является ориентировочной и показывает лишь динамику, направление процессов. Эту же динамику и общие тенденции развития промышленности вскрывают отдельные отраслевые наметки на 1932/33 г. Приводим эту таблицу.

Наименование продуктов и отраслей	Единица измерения	1927/28	1932/1933		Предпол. превышен. пятилетки
			Утвержд. V съездом пятл.	Предпол. объем продукции к 1932/33	
Каменный уголь . .	млн. т	35,3	75,0	125,0	166,6
Нефть.	" "	11,5	21,7	40,0	184,3
Керосин	" "	1,9	3,76	6,4	170,2
Бензин	" "	0,2	3,82	12,2	316,7
Железная руда . . .	" "	5,8	19,4	31,9	164,4
Чугун	" "	3,3	10,0	17,0	170,0
Кокс	" "	3,3	11,3	14,8	130,9
Общ. машиностроен.	млрд. руб.	3,9	2,05	6,5—7,0	3 17—341
Автомобили.	тыс. шт.	0,58	105	—	—
Тракторы.	" "	0,8	53	—	—
Комбайны.	" "	1,15	3,0	—	—
Электротехника. . .	млн. руб.	—	895,0	3 049,0	340,7
Цемент	" боч.	183,3	40,0	120,0	300,0
Кирпич строит. . . .	" шт.	12,0	60,00	16,040	267,3
Лесная	" руб.	18,00	17,56	3,996	227,0
Электростанц. ¹ . .	млрд. <i>kwh</i>	467,2	22,0	33,5	152,3

Несмотря на то, что эти отдельные наметки не сбалансированы ни в какой степени и имеют лишь сугубо ориентировочный характер, указанные выше тенденции и здесь явно прослеживаются.

Небывалое развитие должны получить у нас в ближайшие годы машиностроение и электротехника (увеличение против 1927/28 г. в 10—11 раз). Это неизбежно при необходимости решить задачу создания прочной собственной базы технического перевооружения народного хозяйства при максимальном освобождении от импорта. Точно так же предопределяется общими темпами роста капитального строительства в городе и в деревне исключительно быстрое развитие промышленности строительных материалов. Темпы развития целого ряда других отраслей предопределены уже частично имеющимися решениями хо-

¹ Выработка.

зайственных и плановых органов и частично масштабом текущего строительства.

Если по отраслям тяжелой индустрии есть кое-какие наметки, то в отношении группы Б перспективы более неопределенны. С несомненностью можно лишь констатировать, что темпы развития группы Б в ближайшие 3 года должны быть значительно более высокими, нежели до сих пор. Однако для 1930/31 г. перспективы не вполне благоприятны. В силу недостатка с.-х. сырья проектировки 1930/31 г. не могут наметить для группы Б достаточно высоких темпов развертывания в этом году, важнейшие отрасли группы Б будут развиваться, повидимому, на уровне ниже пятилетнего плана, хотя прирост всей группы в целом превысит проектировки пятилетки.

При росте всей группы Б на 25—27 % против 1929/30 г. при 18 % запроектированной пятилеткой, текстильная и сахарная отрасли дают темпы ниже пятилетки. Для того, чтобы добиться к 1932/33 г. по отстающим отраслям группы Б хотя бы запроектированного пятилеткой уровня, в 1931/32 и 1932/33 гг. темпы роста отстающих отраслей должны за два указанных года значительно повыситься и составлять:

1932/33 к 1930/31 гг.	
По хлопчатобумажным тканям	+ 50,4
„ шерсти	+ 44
„ льняным	+ 77
„ сахарному песку	+ 36
„ рафинаду	+ 51

Но уровня, запроектированного пятилеткой, утвержденной съездом для 1932/33 г., в настоящих условиях общего ускорения темпов индустриализации страны явно недостаточно. Значительно больший рост численности рабочего класса (в первую очередь городского), нежели это намечала первоначально пятилетка (по некоторым расчетам плюс 35 % против пятилетки), значительно больший охват колхозами крестьянского населения к 1932 г. нежели это предполагалось, а отсюда и больший спрос на промтовары со стороны деревни, общий рост культурных запросов и рост номинальной зарплаты,—все это обуславливает значительный дополнительный спрос со стороны рынка широкого потребления. По некоторым подсчетам этот дополнительный рост примерно определяется в 40 % от запроектированного пятилеткой уровня. Таким образом для того, чтобы обеспечить намеченные пятилеткой уровень реальной зарплаты и спрос населения, группа Б за 1931/32 и 1932/33 гг. должна увеличиться примерно вдвое в сравнении с 1929/30 г.

Повторяем однако, что главнейшим препятствием к развертыванию группы Б является исключительно ограниченность сырьевого базиса промышленности, а отнюдь не состояние основного капитала. Производственные возможности нашей текстильной промышленности таковы, что она может переработать уже сейчас больше, чем двойное количество сырья. Решить задачу восстановления сырьевого базиса промышленности, при категорической необходимости сократить импорт, возможно только на основе немедленного широкого развертывания больших работ по строительству колхозов и совхозов, занятых производством сырья. Обслуживание группой А (машинны. удобрения, стройматериалы) этой задачи приобре-

тает на данном отрезке времени первостепенное значение.

Путь к текстилю, путь к ситцу и здесь лежит через трактор, через форсирование развития группы А, развитие производства машин и строительных материалов, необходимых для проведения работ по восстановлению хлопководческих районов и др.

Решительно подтягивая группу Б в ближайшие два года, быстро развивая сырьевую базу промышленности, можно будет добиться значительного повышения реальной зарплаты, в отношении которой мы до сих пор еще отстаем от проектировок пятилетки¹.

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ И ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ В ПЯТИЛЕТНЕМ ПЛАНЕ

Внедрение новой передовой техники, непрерывное совершенствование производственных процессов, борьба за создание высшей производительности труда являлись основными в выполнении пятилетнего плана промышленности.

Победа социализма над капитализмом в конечном счете будет обеспечена тем, что социализм создает высшую, чем при капитализме, производительность труда.

Эта решающая задача соревнования с капиталистическим миром сформулирована была еще XV партийной конференцией в известном лозунге „догнать, а затем и превзойти уровень развития капиталистических стран“.

XV партийный съезд, подчеркнув всю важность и решающее значение этих задач, с особой резкостью поставил вопрос о борьбе за качественные показатели, отметил, что снижение себестоимости является центральной проблемой промышленности и решению этой проблемы должны быть подчинены все остальные задачи.

Борьба за снижение себестоимости, за повышение производительности труда, за качественные показатели непосредственно связана с борьбой за техническую реконструкцию, за создание новой техники, организацию новых производств, создание новых усовершенствованных машин, нового основного капитала, за широкую рационализацию производства.

Процессы механизации производства, облегчающие условия труда и обеспечивающие повышение выработки при более низких показателях себестоимости, могут быть прослежены буквально во всех отраслях промышленности.

Все возрастающая роль нового строительства в капитальных работах может быть прослежена из года в год.

С 14,4% в 1927/28 г. доля нового строительства подымается в 1929/30 г. до 37,8%.

В основном капитале промышленности доля новых предприятий возрастает с 3,06% в 1927/28 г. до 14% в 1929/30 г., а самый основной капитал за три года—с 1/X 1927 г. до 1/X 1930 г. возрастает вдвое—с 5,89 млрд. руб. до 10,6 млрд. руб.

Значительное улучшение техно-экономических показателей отмечается почти по всем отраслям производства.

¹ Необходимо иметь в виду, что если уровень реальной зарплаты отдельного рабочего не растет в нужных темпах, то бюджет семьи рабочего значительно повысился (сокращение безработицы—все члены семьи работают, улучшение жилищного положения, культобслуживание и пр.).

В области черной металлургии, вместе с строительством новых гигантов-заводов нам удалось добиться значительных улучшений техно-экономических показателей на существующих, ввести новые дополнительные агрегаты, новые мощные домы и мартены.

Выплавка на 1 домну с 40,8 тыс. *т* в 1925/26 г. возросла до 56,8 тыс. *т* в 1928/29 г. (39,3%). Сравнительно с 1927/28 г. этот рост выразился в 6,4%. Некоторое замедление темпа роста производительности домны в 1928/29 г. (6% к 1927/28 г.) вызвано пуском ряда устарелых домн, бывших на консервации.

Незначительный прирост числа прокатных станков и значительный в то же время прирост в 1928/29 г. проката (на 13,7%) говорит о возросшей производительности прокатного стана, которая поднялась на 11,0%.

Первый год пятилетки в черной металлургии ознаменован пуском целого ряда новых агрегатов, в частности ряда крупнейших доменных печей.

Были задуты вышедшие из восстановительного ремонта доменные печи на заводе им. Петровского и на Сталинском заводе. На заводе им. Рыкова была задута новая домна, построенная применительно к последним достижениям американской техники и рассчитанная на суточную производительность в 500 *т*.

Была задута новая домна американского типа на заводе им. Войкова с суточной производительностью в 350 *т*.

Наконец следует особо отметить пуск новой мощной домны № 4 на заводе им. Томского, построенной по американскому проекту с суточной производительностью в 600 *т* и являющейся таким образом наиболее мощной среди всех доменных печей на заводах треста.

В то же время значительно обновился за 1928/29 г. и состав воздуходувного хозяйства доменных цехов в связи с пуском целого ряда новых германских воздуходувок.

В области организации новых производств, имеющих исключительное значение для дела технической реконструкции страны (например создание новых высококачественных металлов для сложных конструкций и машин) и освобождения от иностранной зависимости в области металлургии, мы также продвинулись вперед.

На В.-Исетском заводе Уралмета еще в 1926/27 г. поставлено производство динамного железа. Производство последнего в 1929/30 г. развернется уже до 16,0 тыс. *т*. Там же в 1928/29 г. поставлено производство трансформаторного железа, объем производства которого в 1929/30 г. дойдет до 7,0 тыс. *т*. Производство обоих видов продукции имеет большое значение в деле освобождения нашей электропромышленности от иностранной зависимости.

В 1928/29 г. Златоустовским заводом поставлено производство нержавеющей стали.

На Белоречком заводе в 1928/29 г. поставлено производство проволоки для электродварки и т. д.

В нефтяной промышленности новые методы добычи окончательно утвердились.

Рост удельного веса в нефтедобыче работы глубоких насосов с 67,8% в 1926/27 г. до 79,7% в 1928/29 г. свидетельствует о почти полном вытеснении старого желоночного способа, удельный вес которого в 1928/29 г. дошел до 7,5% (в 1926/27 г.—24,5%). Успешно по-

ставлены в нефтяной промышленности новые методы переработки нефти—крекинг-процесс и др.

В Донбассе рост объема производства сопровождается серьезной технической реконструкцией шахт.

Механизация добычи угля в 1928/29 г. сделалась одним из главных факторов развертывания производства. Количество врубовых машин в Донбассе за 1928/29 г. выросло с 411 до 549—на 33,6%.

	Программа	Фактнч.	% выполн. прогр.	Рост в % к 1927/28
Производительность машин				
тяжелых (Донуголь)	1 270 т	1 328 т	104,6	115,3
Легких	283 т	292 т	101,1	108,1

Отсюда рост удельного веса механической добычи, который в Донугле составил в 1928/29 г. в среднем за год 30,3%, а по всей каменноугольной промышленности—25,8%.

Отмечается также значительная концентрация добычи на меньшем числе укрупненных шахт. Нагрузка шахты увеличивается за 1928/29 г. на 18%.

Во втором году пятилетки осуществляется дальнейшая техническая реконструкция промышленности—механизация и строительство крупных шахт развертывается еще быстрее.

Удельный вес новых шахт в общей добыче должен повыситься с 1% в 1928/29 г. до 5%, так как главный упор в 1929/30 г. делается на новое шахтное строительство и реконструкцию.

13 крупных шахт продолжают проходкой; 15 подвергаются коренной реконструкции и 11—13 шахт закладываются вновь.

Однако на примере каменноугольной промышленности чрезвычайно любопытно прослеживается своеобразная кривая нашего развития. Необходимость быстрого получения определенных количеств угля в интересах развития всего народного хозяйства заставляет нас в Донбассе наряду с закладкой крупных шахт стать на путь строительства и средних—быть может менее выгодных с точки зрения создания высшей производительности труда в данной отрасли и снижения себестоимости, но зато быстро дающих продукцию. Создание высшей производительности труда протекает отнюдь не равномерно и не одновременно во всех отраслях производства. Общая динамика развития народного хозяйства в направлении создания высшей производительности общественного труда приводит к сложному переплетению конкретных путей развития каждой отдельной отрасли. Задача обеспечения для народного хозяйства необходимого количества продукции, в интересах развития решающих с точки зрения данных конкретных задач социалистического строительства производств, заставляет нас в порядке исключения идти на ввод консервируемых заводов, на строительство подчас средних предприятий. Нередки случаи, когда менее интенсивное развитие производительности труда, степени механизации отдельной отрасли окупается целиком тем общим ускорением развития производительной силы общественного труда, которое данная отрасль обеспечивает для общества в целом количеством продукции, при, быть может, недостаточно высоких качественных показателях. Однако в каждом данном конкретном случае должны быть приняты меры к тому, чтобы, во-первых, в максимальной степени были развернуты рационализатор-

ские работы и, во-вторых, чтобы (в Донбассе, например) закладываемые средние шахты проходились таким порядком, при котором возможно было в дальнейшем их расширение до масштаба мощных крупных шахт, ибо только крупное, механизированное, технически передовое производство обеспечит конечную победу социализма. И именно по этому пути и развивается наша каменноугольная промышленность— достаточно вспомнить цифры роста механизированной добычи угля и роста количества крупных шахт.

Аналогичные примеры мы имеем хотя бы и в кирпичной промышленности, где также при общем курсе на крупное механизированное производство мы вынуждены в порядке ликвидации прорывов идти на строительство ручных, мало механизированных предприятий— так называемых заводов „облегченного“ типа. Генеральной линией технической реконструкции промышленности на основе крупного механизированного производства, на основе электрификации, это не отмечает, а свидетельствует лишь о сложности и своеобразности нашего развития, которое уложить в простую схему никак невозможно.

Мы уже указывали на огромное значение постановления у нас новых производств. Особенно большое значение имеет постановление их в электротехнической и химической промышленности.

Из общей суммы продукции электротехнической промышленности в размере 492 млн. руб. новые производства дадут в 1929/30 г. 105 млн. руб., или 21%.

Важнейшими производствами, дающими указанную продукцию, являются: генераторостроение, производство специальных моторов, вся радиотехника, мощные и высоковольтные трансформаторы, счетчики электроэнергии, производство усилительных генераторных ламп, автоматическая телефония, электросварочные агрегаты и т. д. и т. п.

Особое значение имеет различное турбогенераторостроение. По контрольным цифрам на 1929/30 г. оно должно дать 285 тыс. kw против 145 тыс. kw в предыдущем году. Однако, если учесть, что прирост мощности электростанций, не считая амортизации, составит кругло 600 тыс. kw, то становится ясным, что, несмотря на достижения последних лет, полностью электростроительство еще от иностранной зависимости не освободилось.

Специальное моторостроение должно дать продукции в текущем году на 4750 тыс. руб. против 1942 тыс. руб. в предыдущем году. Радиотехника увеличивает производство на 75%. В 1929/30 г. впервые ставится в количестве 100 шт. производство рентгеновских аппаратов.

Химическая промышленность являлась в довоенное время одной из наиболее слабо развитых отраслей.

Постановке новых производств этой отрасли в целом в последние годы было поэтому уделено особое внимание.

Ряд химических отраслей промышленности мы вправе вообще рассматривать как вновь возникшие. Таковы: анилино-красочная, лесохимическая, коксо-бензолная, фотохимическая, искусственного волокна, редких элементов. Заслуживает внимания туковая промышленность. Здесь за последнее время намечаются коренные сдвиги. Бедное по содержанию полезных веществ сырье—фосфориты и неблагоприятное территориальное размещение их потребовали разработки методов получения высокопроцентных удобрений из бедного

сырья. С начала текущего года разработаны методы и приступлено к постановке производства высокопроцентных удобрений—амофоса—на Чернореченском заводе, преципитата на Пермском заводе и в составе Московского химкомбината.

В текущем году будут получены впервые 30 тыс. т калийных удобрений из вновь открытых соликамских месторождений. Из азотистых удобрений поставлено производство сульфатаммония и др.

Большие перспективы открываются для химической промышленности и в связи с открытием хибинских апатитов.

В области машиностроительной промышленности, технически перевооружающей нашу страну, подводящей базис крупной машинной индустрии под новые общественные формы хозяйства, мы за последние годы также добились постановки целого ряда новых производств. Общий процесс роста технического перевооружения народного хозяйства, рост механизации производства, можно проследить по нарастанию затрат на машинное оборудование на душу населения (в марках):

	1924	1925	1926	1927	1928	Прирост за 4 года
Германия	27	36,2	27,6	41,3	47,5	+ 75%
СССР	1925 26 4,3	26 27 7,0	27 28 9,0	28 29 13	29 30 21	+398%

Несмотря на более низкий абсолютный уровень, темпы СССР значительно превышают немецкие. Это дает нам основание полагать, что недалек день, когда и абсолютный уровень будет нами превзойден.

Задача освобождения от экономической зависимости от капиталистических стран особенно резко выступает в области машиностроения.

Если до революции общее машиностроение обслуживало преимущественно железнодорожный транспорт, то за эти последние годы обслуживание промышленности, строительства, сельского хозяйства и других отраслей народного хозяйства в работе общего машиностроения принимает широкие размеры и становится основным. По приблизительным подсчетам продукция новых производств общего машиностроения в 1928/29 г. составила не менее 200 млн. руб. (готовая продукция в ценах 1926/27 г.), а в 1929/30 г. составит примерно 400 млн. руб. Перечисляя кратко, можно указать следующие виды вновь поставленных производств: машин и инструментов для нефтяной промышленности (бурильные станки, глубокие насосы, насосы для нефтепроводов и т. д.), каменноугольной (врубовые машины, отбойные и бурильные молотки, конвейерные провода, углемойки, сортировки и т. д.), горной металлопромышленности (станки для обработки металлов, разное специальное оборудование и т. д.); разворачивается производство химического машиностроения, оборудования для строительства и заводов стройматериалов, дорожных машин, машин для механических стекольных заводов, обувных и кожевенных машин. В широком размере поставлено производство текстильных машин (прядаильные, красильно-аппретурные, ткацкие автоматы, трикотажные и т. п.).

Машиностроение решительно перестраивается в направлении обслуживания процессов реконструкции промышленности.

Этот же процесс наблюдается и в с.-х. машиностроении и тракторостроении, где промышленность также перестроилась в направлении обслуживания процессов социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Создать новый технический базис, соответствующий новым общественным отношениям, базис, с развитием и укреплением которого будут расширяться и укрепляться эти новые отношения,—такова одна из главнейших задач реконструктивного периода.

Мы создали самый передовой в мире общественный строй, мы политически „перегнали“ капиталистические страны, но технически мы еще даже не достигли уровня главнейших из них.

И главная задача сейчас именно в том, чтобы на основе этих передовых общественных отношений, „на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя двинуться догонять другие народы“ (Ленин по поводу записок Суханова).

Но в чем решающее звено технической реконструкции?

Ленин, как известно, это звено видел в электрификации. План Гозлро, разработанный под непосредственным руководством Ленина, наш первый единый хозяйственный план, был построен таким образом, что определяющая, ведущая роль плана принадлежала электрификации.

„Мы знаем,—говорил Ленин на III съезде РКСМ,—что коммунистическое общество нельзя построить, если не возродить промышленности и земледелия, причем надо возродить их не по-старому. Надо возродить их на современной, по последнему слову науки построенной основе. Вы знаете, что этой основой является электричество, что только, когда произойдет электрификация всей страны, всех отраслей промышленности и земледелия, когда вы эту задачу освоите, только тогда вы для себя сможете построить то коммунистическое общество, которое не сможет построить старое поколение“¹.

Не по-старому, а по-новому возродить хозяйство—так ставился вопрос Лениным,—а основой этого „нового“ является электрификация. Как осуществлена практически идея Ленина об электрификации? Это можно видеть из следующих данных.

Показатели	1913	На 1/XII 1927	На 1/XII 1929	1929 в к 1913	% к 1927
	Мощность район. станций в тыс. кв.	177	492	851	480,8
		1927/28	1928/29	1928/29 к 1913	% к 1927/28
Выработка электроэнергии в млн. квч.	0,43	1,81	3,3	766,4	182,3

Темпы, которыми мы продвигались в области электрификации, весьма высоки. За три года мощность районных станций почти удвоилась, а выработка энергии более чем удвоилась.

Однако, несмотря на эти успехи, мы до сих пор еще не выполнили плана Гозлро, и систематически недовыполняем годовых контрольных цифр пятилетки.

¹ Ленин, Собр. соч., т. XVII, с. 319.

Серьезнейшие прорывы в электроснабжении, которые мы испытываем за последнее время,—результат недостаточного внимания к делу электрификации. Планы электрификации из года в год систематически недовыполняются. В 1928/29 г. план электростроительства недовыполнен на 23% при перевыполнении плана по всей ценовой промышленности на 2,7%. В Донбассе, на Урале, в Центрально-промышленной области, в Нижегородском крае и т. д. создается угрожающее положение с электроснабжением фабрик и заводов. Важнейшие промышленные районы посажены на голодный электрический паек. Строительство новых заводов грозит сорваться не потому, что нехватит оборудования, строительных материалов, рабочей силы, средств и пр., а потому, что они не могут быть обеспечены электроэнергией.

Отставание электростроительства привело сейчас к кризису электроснабжения, к работе электростанций в исключительно напряженных условиях, без резервов, эксплуатации таких станций, которые давно должны были быть уже снесены за ветхостью и негодностью.

Между тем потребность в электроэнергии растет все больше и больше. Не говоря уже об общем росте промышленности, рост потребности в электроэнергии вызывается развитием энергоемких производств—электрохимии и электрометаллургии. Если последние в 1929 г. потребляли 1,5% общего количества энергии, то в 1932 г. их потребление должно составить 17%.

Все это дает нам основание полагать, что дефицит в электроэнергии, резко ощущаемый нами сейчас, в ближайшие годы вряд ли смягчится, если не будут приняты решительные меры.

Результатом недовыполнения плана электрификации является искривление линии нормального развития работы. Пятилетка Госплана так характеризует это положение:

„Подходя к разрешению задачи электроснабжения Кузбасса, следует учесть печальный опыт Донбасса и Кизеловского района, где недалекое разрешение проблемы электроснабжения и замедление в электростроительстве искривляет линию нормального развития этих районов“¹.

В связи с электрификацией необходимо поставить также вопрос и об использовании местных видов топлива. До сих пор еще недостаточно развернута добыча торфа, местных углей и т. д. По данным госплановской пятилетки доля местного топлива в топливном балансе даже уменьшается к 1932/33 г. Против 29% в 1927/28 г. нынешний год должен дать 28,47%. Между тем общеизвестно, что одна из основных идей плана Гоэлро заключается в использовании для электрификации местных низкосортных видов топлива, проблема сжигания которых современной теплотехникой уже вполне решена.

Для того, чтобы убедиться, какой значительный прорыв мы имеем по линии выполнения плана Гоэлро, достаточно вспомнить, что к 1930 г. фактическая мощность районных электростанций достигла всего 882 тыс. kw. при плане Гоэлро—1 525 тыс. kw.

Сегодняшнего положения не спасает то обстоятельство, что мощность электростанций, находящихся в строительстве, превышает план Гоэлро. Мощность электростанций, находящихся в строительстве, составляет 2 952 тыс. kw, т. е. превышает план Гоэлро вдвое. Однако

¹ „Пятилетний план“, т. II, ч. 1.

несмотря на эту гигантскую строительную программу по срокам окончания работ и вступления станций в эксплуатацию мы плана все же не выполнили, тем более, что общий рост промышленности далеко опередил те проектировки, из которых исходил план Гозлро.

По отдельным важнейшим районам положение следующее:

Мощность в тыс. ки

Районы	По плану Гозлро	Фактически в эксплуат. на I-I 1930	% выполне- ния
Всего по СССР . . .	1 525	882	58
В том числе:			
Ленинградская обл .	100	273	171
Московская обл. . .	200	312	156
Ивановская обл. . .	40	8	20
Урал	165	6	4
Сев. Кавказ	209	54	27
УССР	420	72	17

По некоторым районам положение с выполнением плана чрезвычайно тяжелое, но и по тем районам, где планы перевыполнены, положение не лучше, и кризис электроснабжения в Ленинградской и Московской областях, в силу бурного роста промышленности, достигает исключительной остроты.

Таким образом с темпами электрификации мы несколько отстаем. Тем самым не могла быть развернута достаточная работа в области технической реконструкции. Дальнейшее продвижение по пути технической реконструкции в значительной степени упирается сейчас в проблему электрификации.

Сводить роль электростроительства, в особенности в период коренной реконструкции нашей промышленности, только к тому, чтобы оно наряду с топливом обеспечивало развитие существующей промышленности, снабжало бы энергией ее силовой аппарат,—нельзя. Сейчас в особенности роль электрификации в промышленности не сводится к снабжению током наличных и запроектированных силовых установок. Поэтому развивать электрификацию таким темпом, чтобы она шла в хвосте промышленного развития, ограничивать наши задачи устранением дефицита энергии было бы неправильным. Электрификация должна вести за собой промышленность, проникновение электричества должно революционизировать организацию труда и технику производства. Повышение производительности труда, решительное снижение себестоимости—коренного перелома в этих решающих показателях мы добьемся только на рельсах серьезной рационализации производства, борьбы с потерями и повышения механического вооружения рабочего. Электрификация является необходимым условием повышения производительности труда и снижения себестоимости. Только электромотор, питаемый дешевой энергией, позволяет широко механизировать. Электрификация промышленности должна дать толчок механизации производства и тем сдвигам в качественных показателях, которые нам совершенно необходимы.

Однако электрификация не только повышает механическую вооруженность рабочего и подводит техническую базу под новую социалистическую организацию труда—на данной ступени электрификация

означает создание новых производств, основанных на новых технологических процессах. Для дальнейшего развития промышленности, для того, чтобы наша промышленность догнала и перегнала американскую, громадное значение уже сейчас имеют „пионерные“ станции, т. е. такие станции, постройка которых вызовет к жизни новые промышленные районы и новые отрасли производства. Такой является, например Днепровская станция, на базе дешевой энергии которой вырастают электрохимические и электрометаллургические производства. Проектирование таких станций включает не только постройку станций, но и переход к новым в технологическом отношении производствам, химизацию производств, использующую электричество для химических превращений вещества.

Таким образом электрификация неотделима от задач технической реконструкции и следовательно от задач создания высшей производительности труда, от задач „догнать и перегнать“ капиталистические страны.

А в отношении выполнения этой последней задачи нам многого удалось добиться, мы имеем значительные успехи в области создания новой техники, в укреплении наших экономических позиций на мировой арене.

Удельный вес промышленности СССР в общемировом производстве ежегодно повышается:

Годы	Уголь	Нефть	Чугун	Пронав. автомоб.	Хлопчатобум. (погр. кл.)	Сахарная промышленность
1918	2,4	16,7	5,6	0	8,7	6,7
1926	2,1	5,3	3,0	0	7,1	4,3
1928	2,8	6,2	4,1	0,01	8,4	5,8
1930	3,4	8,0	6,0	0,19	8,5	3,1

По ряду отраслей новых производств мы вообще впервые начинаем „соревнование“ с капиталистическим миром (автомобили, тракторы, искусственное волокно и т. д.) (см. таблицу на с. 121).

В 1930 г. удельный вес СССР несомненно будет повышаться и дальше.

Все более и более разрастающийся мировой экономический кризис неизбежно отразится на понижении уровня мирового производства и тем самым на повышении удельного веса СССР.

Союз советских социалистических республик с его бурно растущей индустрией на фоне общего распада в странах капитализма еще более укрепит свои позиции. Преодолевая трудности, устраняя сдерживающие наше развитие „узкие места“, страна советов бодро шагает по пути строительства социализма.

Исторический этап, пройденный нами между двумя съездами, служит ярким примером всепобеждающей воли пролетариата, твердо и неуклонно идущего к намеченной цели. XVI партийный съезд, подытожив богатейший опыт социалистического строительства, явится новым отправным пунктом нашей борьбы за социализм, за индустриализацию, за коренную переделку мелкособственнического хозяйства.

Объем промышленного производства СССР и других стран сравнительно с довоенным временем (по данным конъюнктурного бюро ВСНХ СССР индексы физического объема промышленного производства главных стран)—база—1913.

ГОДЫ	Индексы физического объема производства						СССР	ГОДЫ
	САСШ	Герман.	Англ.	Франц.	Бельг.	Италия		
1913	100	100	100	100	100	100	100	1913
1921	97	78	68	55	54	69	—	—
1922	127	89	81	78	72	81	21,8	1921/22
1923	152	56	89	88	84	91	30,0	1922/23
1924	141	80	90	109	94	103	39,6	1923/24
1925	156	94	87	108	86	130	62,5	1924/25
1926	163	90	67	126	114	127	89,2	1925/26
1927	160	114	96	110	116	114	104,5	1926/27
1928	165	116	93	127	124	—	137,1	1927/28
1929	177	117	100	139	—	—	161,1	1928/29
1930	—	—	—	—	—	—	208,0	1929/30

Примечание: При сравнении настоящих данных следует иметь в виду, что индексы физического объема производства по капиталистическим странам захватывают ограниченное количество отраслей промышленности, в которых ведется учет натуральной продукции, в то время как индекс промышленности по СССР охватывает всю промышленную продукцию, в которой находят свое выражение рост производства дальнейшей проработки полуфабрикатов, рост более квалифицированных производств и происходящие вследствие этого ценностные сдвиги.

О ПУТЯХ РЕКОНСТРУКЦИИ ТРАНСПОРТА В РАЗРЕЗЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО И ПЯТИЛЕТНЕГО ПЛАНОВ

1. Исходной точкой для суждения по вопросу о путях реконструкции транспорта является характер транспортных связей, неодинаковый в различных общественных формациях.

Каждой общественной формации соответствует свой особый тип транспортных связей и свой особый характер транспортных средств. Простое товарное хозяйство довольствуется вьючным и гужевым транспортом, работающим — как правило — на коротких пробегах и переходит к относительно высокому развитию водного транспорта лишь с развитием торгового капитала. Промышленный капитал, овладевая производственным процессом и развивая его кооперативные формы (крупное производство), впервые создает условия для массовых концентрированных грузопотоков, вызывающих и развивающих механический паровой транспорт. Монополистический капитализм, с его развитыми противоречиями и непрерывными потрясениями, ускоряет развитие автотранспорта, лучше приспособляющегося к быстрым сменам конъюнктуры, нежели громоздкий паровой транспорт. Характер транспортных связей, вытекающий из особенностей общественной формы производства, обуславливает таким образом тип транспортных средств, взаимоотношения между ними, методы и приемы их эксплуатации. Производительные силы транспортного труда, составляющего часть труда общественного, развиваются, таким образом, как и другие производительные силы, под влиянием и воздействием системы производственных отношений, характеризующих данное общество.

Соответственно этому пути развития транспорта в условиях СССР не могут быть тождественными с путями развития капиталистического транспорта. Новая система производственных отношений, установившаяся в СССР в результате Октябрьской революции и характерная сосредоточением командных хозяйственных высот в руках пролетарского государства, планомерно перестраивающего все народное хозяйство на социалистических началах, не может не оказать громадного влияния на характер транспортных связей, на вытекающий отсюда тип транспортных средств.

2. Характер транспортных связей прежде всего и раньше всего выражается в структуре и особенностях грузооборота. Современный грузооборот СССР несет на себе пока что родимую печать своего происхождения из капиталистического прошлого. Он отражает в себе те пропорции общественного производства, которые сложились еще при капитализме и не устранены еще окончательно политикой

социалистической индустриализации СССР. Он является прямым следствием того особого размещения промышленного и сельскохозяйственного производства, которое специфически характеризовало царскую Россию и выразалось в отделении (и противопоставлении) города и деревни, в резком пространственном разрыве между добывающей и обрабатывающей промышленностью.

Эти особенности капиталистического размещения производительных сил вызвали целый ряд особенностей и в грузообороте. Грузооборот царской России, так же как и грузооборот любой капиталистической страны, обладал следующими характерными чертами. Он имел в своем составе громадное количество сырья и топлива, в силу чего грузовое движение в целом приобретало характер одностороннего движения по направлению к центрам перерабатывающей промышленности с громадными обратными пробегам порожняка. Дальность пробега возростала из года в год. Движение грузов вследствие особенностей капиталистического производства носило резко выраженный сезонный характер и резко колебалось по годам. Концентрация перерабатывающей промышленности в немногих районах вызывала соответствующую концентрацию перевозок на транспорте, что в свою очередь находило себе выражение в соотношении между различными видами транспорта и в характере технического развития каждого из них.

Черты капиталистического размещения промышленности и сельского хозяйства отнюдь не обязательны для социалистического общества. Ни отделение (ни тем более — противопоставление) города и деревни, ни обязательный пространственный разрыв между добывающей и обрабатывающей промышленностью не вытекают из особенностей социалистического общества. Если нельзя сказать, что социализму во всех случаях свойственно сближение обрабатывающей промышленности с добывающей (подобное огульное утверждение было бы ошибочным), то не подлежит ни малейшему сомнению, что из особенностей социалистической общественной формы производства обязательно вытекает необходимость сближения города с деревней, уничтожения того их противопоставления и отделения, которое специфически характеризует капитализм.

Таким образом социалистическая форма производства должна будет иметь свою особую конфигурацию производительных сил в пространстве, подобно тому как она неизбежно должна иметь свою особую пропорциональность трудовых затрат, свое особое соотношение между различными отраслями общественного производства.

Этого не понял в свое время т. Бухарин, но вслед за ним этого не понимают, к сожалению, многие хозяйственники, которые думают, что гигантский социальный переворот, произведенный Октябрем в общественных отношениях производства и в соотношении классов, может остаться без влияния на структуру наших производительных сил и на размещение их в пространстве. Между тем мы должны, мы будем размещать наши производительные силы не так, как размещали их капиталисты, руководствуясь свойственным им стремлением к наибольшей прибыли. Мы должны размещать производительные силы, исходя из задачи рационализации всего общественного производства и непрерывного повышения производительной силы общественного труда.

3. Согласно указаниям Ленина, СССР в отличие от капитализма должен поставить сознательной целью своей политики „рациональное размещение промышленности в России с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта“. Это указание Ленина предполагает бесспорно значительную передвижку обрабатывающей промышленности социалистического общества из тех районов, где она сейчас находится, в районы расположения основного сырья и топлива.

Такое размещение промышленных предприятий вблизи источников сырья и топлива, наряду с осуществлением другого указания Ленина об использовании непервоклассных сортов топлива (торф, уголь худших сортов) для получения электрической энергии с наименьшими затратами на добычу и перевозку горючего²—может существенно изменить характер транспортных связей социалистического общества по сравнению с капиталистическим. Подавляющая в весовом отношении масса грузов (сырье, топливо) будет в таком случае перевозиться на коротких пробегах, значительная часть полуфабрикатов перейдет также на короткие пробеги и вместо теперешней концентрации производительных сил в районах дешевой для капиталиста рабочей силы, вдали от источников сырья и топлива, мы будем иметь иное пространственное размещение производства в районах расположения сырья и топлива.

4. П р о с т р а н с т в е н н у ю концентрацию производительных сил следует отличать от концентрации производства в немногих крупнейших предприятиях. Последняя для целого ряда отраслей промышленности (горное дело, каменноугольная металлургия, химическая промышленность и др.) представляет собою наиболее рациональную при теперешнем уровне техники форму общественного производства. Напротив, для значительной части отраслей перерабатывающей промышленности концентрация производства в больших предприятиях вызывается не столько условиями общественного производства вообще, сколько специфической капиталистической формой общественного производства. Анархия и конкуренция капиталистического общества вызывают не только специализацию предприятий, вытекающую с необходимостью из факта общественного разделения труда, но также и излишнюю интеграцию предприятий, связанную с необходимостью укрепить предприятие на случай кризиса и депрессии. В условиях планового общества интеграция, вытекающая из этих соображений (некоторые другие основания для интеграции остаются), отпадает и принцип специализации предприятий, дополненный принципом их плановой кооперации, может существенно изменить тип перерабатывающего предприятия. Перерабатывающие предприятия планового общества отнюдь не обязательно должны быть большими. Они могут специализироваться на производстве одной какой-нибудь стандартизированной детали всего продукта, собираемого затем из своих частей на сборочном предприятии. Именно при такой организации производства может быть достигнута наивысшая производительность труда, так как именно эта организация

¹ Ленин, Собр. соч., т. XXII, с. 434.

² Там же.

предполагает и требует широкой автоматизации производственных процессов и всестороннего применения электроэнергии в производстве. Таким образом производственная структура социалистического общества может быть представлена в следующей грубой схеме— 1) концентрация добывающей промышленности в районах наиболее благоприятного расположения естественных ресурсов, 2) концентрация значительной части первичной переработки сырья и топлива в крупных предприятиях, расположенных по возможности вблизи сырьевых и топливных баз, 3) рассеяние специализированной конечной переработки по более обширным районам всей страны в предприятиях, кооперированных общим планом в единую систему и работающих на базе развитой сети регулярного электроснабжения.

Именно эту последнюю форму и имел в виду Энгельс, когда настаивал в „Анти-Дюринге“ на „равномерном распределении крупных промышленных предприятий по всей стране, сближая фабричное производство с сельскохозяйственным, как это необходимо для развития и сохранения промышленных сил“³. Мысль Энгельса становится совершенно реальной в связи с развитием электрификации и значительным усилением специализации производства в плановом обществе. С развитием техники некоторая часть добывающей промышленности и часть промышленности первичной переработки могут также освободиться от своей привязанности к определенному месту и к определенному типу предприятий. Изобретение напр. способа получения азота из воздуха на мелких электроустановках позволило бы децентрализовать туковую промышленность и продвинуть идею Энгельса о „равномерном“ распределении в области этой важной промышленности. То же самое может быть сказано и о других отраслях добывающей промышленности. Социалистическая техника без сомнения будет стремиться к такому господству над природой, при котором в минимальной степени будут сказываться ограничения, налагаемые на нее сейчас расположением естественных ресурсов.

5. Таким образом размеры отдельных предприятий частью определяются техникой современного производства, частью же вытекают из особенностей общественной формы производства. Следовательно тенденция к концентрации не абсолютна, а диалектически противоречива. В условиях планового общества она ослабляется тенденцией перерабатывающих предприятий к специализации и успехами электрификации и химизации. Она усиливается, с другой стороны, необходимостью на теперешнем этапе техники в максимальной степени использовать и наиболее рационально первично переработать пространственно концентрированное сырье, материалы и топливо.

Однако при всех обстоятельствах концентрация производства тождественна с пространственной концентрацией людских поселений лишь в условиях капиталистического общества. Капитал начинает овладевать производством при крайне низком уровне органического строения капитала. Переменный капитал решительно преобладает над постоянным. Поэтому исходной пространственной точкой капиталистического производства являются пункты размещения дешевой рабочей силы, „естественно“ сложившиеся в условиях феодального строя, как напр. ЦПР или „искусственно“

³ Энгельс Ф.р., Анти-Дюринг.

созданные усилиями самих капиталистов, как напр. Урал. Наличие резервной рабочей армии служило и служит до сих пор основным стимулом для пространственного размещения перерабатывающих предприятий капиталистической промышленности. С другой стороны, капиталистические предприятия в процессе своего расширения неизбежно становятся центром притяжения новых потоков дешевой рабочей силы из разлагающегося ремесла и крестьянства. Исключительно низкие тарифы для сырья и топлива, перевозимого к новым центрам перерабатывающей промышленности по воде и ж. д., наряду с другими обстоятельствами усилили тенденцию к аггломерации, т. е. к пространственной концентрации различных перерабатывающих предприятий в немногих центрах. Так возникли и сложились современные города—эти громадные сгустки людских поселений и основных фондов, специфически характеризующие капиталистическое общество.

6. И Маркс, и Энгельс, и Ленин, придавая гигантское значение городам, рождающим рабочее и затем социалистическое движение, являющимся носителями исторического прогресса на известной стадии развития общества, считали тем не менее крупные города специфическим порождением капитализма, подлежащим уничтожению наравне с другими пережитками капитализма.

Энгельс писал напр.: „Цивилизация, конечно, оставила нам в лице крупных городов наследие, покончить с которым будет стоить много времени и усилий. Но с ним необходимо покончить, и это будет сделано, хотя бы это был очень продолжительный процесс“⁴.

Уничтожение городов становится необходимым потому, что победивший пролетариат ставит перед собой в качестве сознательной задачи — ликвидацию капиталистической противоположности между городом и деревней, „соединение земледельческого труда с фабричным, постепенное уничтожение различия между городом и деревней“⁵. Совершенно очевидно, что „устранение различия между городом и деревней“ не может произойти ни на основе превращения города в теперешнюю деревню, ни на основе превращения деревни в современный город. Речь может идти лишь о выработке некоторого нового типа агроиндустриального поселка, соединяющего в себе прогрессивные черты и города, и деревни и устраняющего их капиталистические недостатки.

Создание такого поселка становится в условиях социалистического общества вполне возможным благодаря развитию районных электростанций, позволяющих децентрализовать промышленное и концентрировать (при надобности) сельскохозяйственное производство и позволяющих устанавливать легкую связь новых социалистических поселков между собой, благодаря мощному развитию новых транспортных средств (автотранспорт).

Наряду с этим создание новых мощных предприятий в районах расположения сырья и топлива отнюдь не обязательно должно вести к образованию там крупных городов. В отличие от капитализма социалистическое общество начинает свою историю на базе мощно развитой техники, позволяющей вести крупное массовое производство

⁴ Энгельс Фр., Анти-Дюринг, изд. 1919, с. 264.

⁵ „Коммунистический манифест“.

с относительно небольшим количеством рабочих. Следовательно концентрация основных фондов социалистического общества в немногих сырьевых и топливных центрах отнюдь не обязана сопровождаться концентрацией там же людских поселений на манер современных гигантских городов. Следовательно в развитом социалистическом обществе тип крупного города должен исчезнуть, что отнюдь не устраняет необходимости и возможности превращения некоторых населенных пунктов в центры культурной жизни обширных районов.

7. Такова схема пространственного размещения производительных сил социалистического общества. Между этой схемой и теперешним фактическим размещением производства в СССР лежит целая эпоха. Чтобы перейти от теперешнего размещения к новому нужен ряд этапов, чередование которых определяется, с одной стороны, тем уровнем техники, на основе которого производятся новые капитальные вложения, с другой стороны—тем соотношением, которое существует между старыми капитальными вложениями и новыми. Совершенно очевидно, что недостаточное напр. развитие электростроительства и местного транспорта делает невозможным повсеместное сближение промышленного производства с сельскохозяйственным. С другой стороны, пока в производстве преобладают старые предприятия, оставшиеся от капитализма, до тех пор продолжает до известных пределов действовать сила агломерации, т. е. сила притяжения старыми районами (и городами) новых капитальных вложений.

Напротив, развитие электростроительства, тракторостроения и авто-дорожного дела и решительное количественное преобладание новых капитальных вложений над старыми позволяют значительно освободиться от тех ограничений, которые накладывает на нас старая промышленная география.

Пятилетний перспективный план, утвержденный XVI партконференцией, сделал первые шаги в направлении передвижки наших производительных сил к Востоку, где расположены основные наши естественные ресурсы. Все же, основным центром капитальных вложений, согласно пятилетке, попрежнему оставались наши старые промышленные районы ЦПР и СЗО. В промежутке между XVI партийной конференцией и XVI съездом партии движение в пользу новой промышленной географии сделало существенные успехи. Постановлением СНК и СТО СССР был предрешен переход от старой капиталистической системы платежеспособных тарифов к системе тарифов, построенных на принципе издержек перевозки, что создает в перспективе рациональную основу для правильного географического размещения предприятий. Громадного размаха достигло строительство совхозов-гигантов в восточных районах со значительной передвижкой туда людских поселений и основных фондов. Быстрый темп коллективизации деревни поставил на практические рельсы проблему сближения города с деревней прежде всего в культурно-бытовом отношении. Развилось обширное движение в пользу новых городов социалистического типа. Начала приобретать осязаемые формы идея агро-индустриального комбината. Всесоюзная топливная конференция весной 1930 г. решительно высказалась против строительства новых предприятий на дальнепривозном топливе и еще раз подтвердила „принцип размещения промышленности непосред-

ственно вблизи энергетических и сырьевых баз, особенно на Востоке“, как принцип „правильный и решающий“. ЦК ВКП(б) 15 мая 1930 г. вынес знаменитое свое постановление об Урале, где с исчерпывающей ясностью заявил: „Индустриализация страны не может опираться в дальнейшем только на одну южную угольно-металлургическую базу. Жизненно-необходимым условием быстрой индустриализации страны является создание на Востоке второго основного угольно-металлургического центра СССР, путем использования богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири“. Наконец тезисы Политбюро к XVI партийному съезду, подтверждая и одобряя указанные выше решения ЦК об Урале, предлагают съезду принять следующее важное решение:

„Вместе с тем съезд признает необходимое форсированное развитие в восточных районах (Урал, Сибирь, Казакстан, Средняя Азия) и других отраслей промышленности, опирающихся на местные сырьевые ресурсы (цветная металлургия, текстильная промышленность и др.)“.

Не подлежит сомнению, что XVI съезд партии примет это предложение тезисов и тем окончательно поставит на практические рельсы осуществление ленинской директивы о „рациональном размещении промышленности в России с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья по всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта“.

8. Таким образом в настоящее время намечаются гораздо более существенные изменения в нашей производственной географии, чем те, которые были запроектированы в пятилетнем плане. Отчетливо вырисовывается Урал, как второй после Украины центр тяжелой горной, металлургической и химической промышленности. Решительно выдвигается на первый план индустриальное значение нового Кузнецкого района. Совершенно определилось значение полиметаллической индустрии Казакстана. Предрешен в сущности вопрос о создании второго после ЦПР текстильного центра либо в Западной Сибири, либо в Средней Азии. Вынесена на общественное обсуждение гигантская проблема Дальне-восточного Байкало-Ангорского строительства, с его сказочными ресурсами гидроэнергии.

Внутри Европейской части Союза идет интенсивный, непредвиденный пятилетним планом, рост новых районов. Возник и быстро развивается Хибино-Мурманский район; исключительным темпом развивается лесоиспользование в Северном крае. На горизонте начинают выступать, правда, пока еще очень неясно, очертания Ухтинского и Печерского районов.

Поволжье и Северный Кавказ дали громадный рост коллективных хозяйств и совхозов, создающий новые для них перспективы. Бурно растет промышленность Северного Кавказа и Закавказья.

Таким образом фактическая передвижка производительных сил к основным сырьевым районам началась и идет быстрым темпом, несмотря на карканье сторонников старых пространственных соотношений, старой капиталистической географии. Монопольное положение старых промышленных районов кончилось. Чем скорее мы осознаем это, тем успешнее сможем повести во все ускоряющемся темпе создание новых производственных центров страны.

9. Разрез генерального плана можно очертить поэтому следующим образом. В течение ближайших 5—10 лет бурным темпом будет идти образование новых производственных центров вблизи источников сырья и топлива на основе строительства новых городов социалистического типа и создания всюду, где это возможно, агроиндустриальных комбинатов. Новые производственные центры станут естественной основой новых районов, понимаемых не в смысле территориального, а в смысле производственного единства.

Это новое расположение производительных сил коренным образом изменит характер транспортных связей. Транспортные связи в разрезе генплана будут отличаться от транспортных связей капитализма и наших теперешних целым рядом характерных черт. Вследствие увеличения первичной переработки на местах добычи полезных ископаемых удельный вес дальних пробегов сырья и топлива сильно упадет. Не исключена возможность абсолютного уменьшения дальних пробегов сырья и топлива на некоторых направлениях, по мере консервации выходящих в тираж старых заводов или по мере перевода их на местные источники топлива. Напротив, колоссально должны возрасти пробеги сырья и топлива на относительно коротких расстояниях. В своем развитии новое расположение промышленных предприятий должно привести к тому, что сырье и топливо, т. е. весотеряющие грузы должны в значительной степени выпасть из междурайонного обмена и наоборот—значительно увеличить свою долю во внутреннем сообщении на коротких пробегах. Это конечно не значит, что прекратится всякое движение весотеряющих грузов между районами. Не подлежит сомнению, что в разрезе генерального плана известная и притом довольно значительная часть весотеряющих грузовых потоков сохранит свое значение. Так сохранятся, бесспорно, нефтяные грузовые потоки, хотя и не обязательно на железных дорогах. Несомненно сохранятся угольные потоки в тех случаях, когда уголь идет для технологических целей уже существующих предприятий (Кузнецкий уголь или кокс для уральских доменных печей, каменноугольный кокс для московских и ленинградских литейных и т. д.). В разрезе генерального плана должны исчезнуть лишь перевозки угля для энергетических целей. Сохранятся конечно лесные потоки, потоки минеральных удобрений. Однако по своему значению для транспорта эти новые потоки будут коренным образом отличаться от современных. Вследствие выпадения из них энергетического топлива они перестанут быть односторонними и приобретут характер двусторонних, т. е. таких, навстречу которым будет двигаться примерно одинаковый по мощности грузовой поток полуфабрикатов, фабрикатов и продовольствия.

10. Сообразно различию естественных условий новые промышленные районы должны специализироваться на первичной обработке и переработке в полуфабрикаты и фабрикаты различных своих естественных богатств. Следовательно межрайонный обмен не прекращается, но меняет свой характер по сравнению с теперешним. Вместо обмена главным образом весотеряющими грузами, как это имеет место теперь, мы будем иметь обмен преимущественно полуфабрикатами и готовыми фабрикатами и изделиями. С другой стороны, должен колоссально возрасти (в гигантских, по сравнению с теперешними, разме-

рах) межрайонный пассажирооборот. И грузовые, и пассажирские потоки при таком составе грузооборота должны потерять свой односторонний характер. Движение при таких условиях может приобрести характер маятникового движения с равномерной (относительно) загрузкой подвижного состава в обе стороны.

11. Особое место в грузообороте должен занять лес и хлеб, т. е. грузы, производство которых связано с определенными естественными условиями, и не может стать основой для значительной пространственной концентрации производительных сил (в силу своей распыленности по природным условиям). СССР вынужден пока решать проблему хлеба и леса в условиях капиталистического окружения, что заставляет нас идти на дальние их перевозки, несмотря на явную невыгодность такой конфигурации хлебного и лесного производства в иных условиях. Тем не менее и в наших условиях можно считать доказанной возможность более рационального размещения хлебного и лесного производства, вследствие чего могут сильно сократиться пробеги хлеба, производимого в максимальной (при данных исторических условиях) близости к местам потребления. В ряде районов не исключена возможность такого размещения сельскохозяйственного производства, которое кольцом охватывает или врезается в центры промышленного производства, составляя вместе с ними органическое целое (агро-индустриальные комбинаты). Для ряда сельскохозяйственных продуктов (овощи, свиноводство, молочные продукты и т. д.) такое размещение характерно даже теперь. Следовательно тенденция социалистического размещения сельскохозяйственного производства должна также вести не к увеличению, а к сокращению дальности пробега хлеба и др. сельскохозяйственных продуктов.

12. В тех районах, где по условиям современной сельскохозяйственной техники хлеб не может пока что производиться, он может привозиться из близлежащих хлебных районов по принципу взаимного обмена (на лесные напр. продукты и на продукты лесоперерабатывающей промышленности). Лес и лесное производство могут и должны стать основой для развитой перерабатывающей промышленности (механической и химической). Напротив, потребление леса в далеких районах должно значительно сократиться, во всяком случае поскольку дело идет о потреблении необделанной древесины. Что касается переработанной древесины, то она скорее подходит под категорию фабрика или полуфабриката и по отношению к ней действуют все те соображения, которые развиты выше.

13. Итак, в отличие от современного грузооборота, грузооборот социалистического общества должен иметь следующие характерные черты: мощно развитой внутрирайонный обмен сырья, весотеряющих грузов и рабочей силы на коротких пробегах; развитой межрайонный обмен полуфабрикатами, готовыми фабрикатами и пассажирским движением на дальних пробегах, с более или менее равномерным двусторонним движением и с уменьшающейся относительно⁷ долей весотеряющего сырья.

Этот своеобразный характер транспортных связей социалистического общества дает основание утверждать, что и характер технических средств для их осуществления должен быть отличен и притом

⁷ В абсолютном выражении перевозки весотеряющего сырья могут серьезно возрасти не только во внутрирайонном, но и в межрайонном сообщении.

существенно от теперешнего. Раньше всего и прежде всего это должно сказаться на взаимоотношении между отдельными видами транспорта. Существующее соотношение между видами транспорта не дано от природы. Оно выросло не из природы и не из транспортной техники. Оно сложилось под воздействием специфических особенностей капиталистического способа производства. Капиталистическая промышленность, с ее специфическими законами пространственной концентрации, выдвинула на первое место среди различных видов транспорта железную дорогу со всеми ее специфическими техническими особенностями.

Напротив, социалистическая система производства может значительно усилить роль других видов транспорта.

Наличие гигантского количества перевозок на коротких расстояниях должно, вообще говоря, относительно ослабить роль железнодорожного и водного транспорта во внутрирайонном сообщении, усилив напротив роль автотранспорта. С другой стороны, колоссальное развитие должны получить специальные виды транспорта энергии: электропроводы, газопроводы во внутрирайонном (а может быть и в межрайонном) сообщении и трубопроводы для транспортировки нефти и ее продуктов из мест добычи в районы ее концентрированного потребления.

14. Поскольку железнодорожный транспорт сохранит свое значение во внутрирайонных перевозках, то при густом массовом движении на коротких расстояниях он в состоянии будет успешно работать лишь в условиях электрифицированной тяги. Таким образом, картина внутрирайонного транспорта социалистического общества представляется в следующем виде: мощный электрифицированный железнодорожный транспорт, мощный безрельсовый транспорт и наконец развитый водный транспорт в тех местах и случаях, где использование его не связано с удорожанием перевозки вследствие перегрузки на другие виды транспорта.

15. Переходя к межрайонным связям следует заметить, что в связи с существенным изменением характера межрайонных грузопотоков должны измениться также и технические средства овладения ими. Высокоценные полуфабрикаты, фабрикаты и пассажиры—основные объекты будущего межрайонного сообщения, предъявят конечно к транспорту совсем иные требования, нежели теперь предъявляют господствующие весотеряющие грузы. В то время как для массовых весотеряющих грузов основным требованием является дешевизна перевозки, при относительном безразличии к скорости движения,—для полуфабрикатов, готовых фабрикатов и пассажиров, которые будут обладать в будущем межрайонном сообщении, наибольшее значение будут иметь быстрота, безопасность и удобства движения. Наиболее правильно будет, если межрайонное сообщение социалистического общества в обоих своих частях, и в товарной, и в пассажирской, обладало бы примерно одинаковой скоростью движения в обоих направлениях.

Другой существенной особенностью социалистического грузового потока является значительное смягчение сезонности грузооборота и пассажирооборота. Быстрое возрастание промышленных грузов по сравнению с сельскохозяйственными, организация мощной складской сети в местах возникновения сезонных грузовых потоков, планирование перевозок различных грузов во времени и в пространстве—все это

может значительно сократить, если не совсем уничтожить сезонность перевозок, специфически связанную с капиталистической анархией производства и не вполне изжитую в условиях СССР. Это обстоятельство также должно способствовать введению электрической тяги в некоторых межрайонных сообщениях.

16. Необходимо со всей ясностью сказать здесь, во избежание возможных недоразумений, что изменение состава межрайонного оборота отнюдь не означает ослабления межрайонных связей. Социалистическое общество исключает хозяйственную автаркию районов. Напротив, по самому своему существу оно построено на плановом сотрудничестве всех районов, по принципу их специализации. Но есть специализация и специализация. Специализация капиталистических районов построена на отделении города от деревни, на превращении одних районов в сырьевые дополнения к другим районам, на „специализации“ одних районов в качестве колоний для других районов. Социалистическая специализация, как мы видели выше, построена на взаимном обмене районов невесотеряющим сырьем, полуфабрикатом и фабрикатом и на гигантском возрастании людских связей. Следовательно социалистический обмен между районами, будучи в части грузового движения менее внушительным по весу (при том же объеме производства), вовсе не означает соответствующего ослабления межрайонных связей. Прочность межрайонных связей вообще не измеряется весом обращающихся между ними грузов. Напротив, при относительно меньшем весе обращающихся потоков, характер производственных связей между районами станет неизмеримо более разнообразным, разносторонним, т. е. более прочным и крепким. Так обстоит дело, если мы будем исходить от одного и того же объема производства. Однако социалистическое общество даст настолько большой рост производства, что относительное падение доли весотеряющих грузов в межрайонном сообщении будет с избытком перекрыто абсолютным увеличением размеров перевозок пассажиров и фабрикатов. Следовательно не о весовом сокращении грузопотоков между районами идет речь, а о коренном изменении их состава.

17. Сходя в известной части с железнодорожных путей, весотеряющие грузы могут остаться и останутся в значительных массах в межрайонных перевозках по внутренним водным и морским путям. Пересекая важнейшие лесные и хлебные районы, с их своеобразными сезонными колебаниями производства, частично перекрещивающимися с сезонными перерывами водного транспорта, соприкасаясь с рядом месторождений полезных ископаемых (нефть, сланцы, туки), водные пути могут и должны стать мощными артериями сезонного движения весотеряющих грузов в подбездном внутрирайонном обороте (самосплав!) и в обороте между районами, лежащими по линии водопутей. Гигантское развитие в разрезе генерального плана должно получить пассажирское движение по водопутям: деловое (на глиссерах летом и на аэросанях зимой) и экскурсионное, туристское, гигиеническое (на паро- и теплоходах). Что касается морского транспорта, то перспективы его развития целиком упираются в перспективы наших внешних отношений и не могут быть рассмотрены в настоящих тезисах в полном объеме.

18. Обрисованный выше характер транспортных связей социалистического общества дает нам указания не только по вопросу о соотношении различных видов транспорта. Он дает нам также ясное

представление по вопросу о направлениях технической реконструкции нашего транспорта. Поскольку дело идет о внутрирайонном сообщении, то преобладающим видом тяги здесь должна быть (как мы уже указывали) электрическая тяга. Соответственно этому нужно было бы уже сейчас готовить нашу промышленность с тем, чтобы с начала следующего пятилетия начать выпускать электровозы (или переходного типа тепловозы с электрической передачей) для внутрирайонного сообщения. Что касается подвижного состава, то во внутрирайонном сообщении он естественно должен быть двойного характера. С одной стороны, это должен быть специализированный подвижной состав для перевозки сырья и топлива на коротких расстояниях, с другой стороны—универсальный подвижной состав для переброски полуфабрикатов, части сырья и готовых изделий от одной группы предприятий района к другой. Так как специализированный подвижной состав будет иметь ограниченное хождение и по своему типу будет приближаться к внутризаводскому транспорту, независимо от расстояний, которые он покрывает,—то преобладающим видом подвижного состава во внутрирайонном сообщении должен стать универсального типа экипаж. Таким типом транспортного экипажа, вырисовывающимся из капиталистической транспортной практики, служит универсальная платформа, на которую грузятся в специальной таре (контейнеры, бехэльтеры), снимаемой и поднимаемой передвижными кранами, перевозимые грузы.

19. Другим транспортным средством во внутрирайонном сообщении станет автомобиль, перенимающий значительную часть внутрирайонного грузооборота и известную долю пассажирского движения. Тип грузового автомобиля во внутрирайонном сообщении целиком определяется особенностями того общественного производства, которое должно быть автомобилем обслужено. Фордовская слабосильная машина приспособлена к обслуживанию небольшого фермерского хозяйства. Для мощных (хотя бы и специализированных) предприятий обобщественного сектора СССР этот тип совершенно не подходит, и нам нужно держать курс на мощную грузовую машину, курсирующую между производственными внутрирайонными центрами. Слабосильная машина имеет все основания удержаться в индивидуальном потреблении членов социалистических общин для целей пассажирского движения, что конечно отнюдь не обязательно связано с частной собственностью на эту машину. Собственность может быть общественная, а пользование индивидуальное.

Тип пассажирского подвижного состава во внутрирайонном электрифицированном ж.-д. сообщении с относительно короткими пробегами (в пределах полусуток) должен развиваться из лучших образчиков нашего современного пригородного движения, в особенности на электрифицированных линиях. Особенное развитие должен получить автобус.

20. Если бы нашей технике удалось сконструировать такую платформу для передвижения грузов, которая в состоянии была бы выдерживать и прочно нести на больших скоростях специальную (изотермическую, сосудистую) и общую тару с грузами, то мы могли бы иметь на всей сети только два вида грузового подвижного состава: специальные вагоны или полувагоны для перевозок сырья и топлива на коротких расстояниях во внутрирайонном (в особых случаях в меж-

районном: Магнитогорск—Кузнецк) сообщении. Этот тип подвижного состава по самому своему характеру должен относиться к типу заводского транспорта, какие бы расстояния он ни покрывал. Другой тип подвижного состава—это универсальная платформа, на которую с помощью кранов ставятся и снимаются грузы в особой (специальной или общей) таре (контейнеры), предохраняющей их от кражи и порчи. Такой порядок перевозки грузов во внутрирайонном и межрайонном сообщении позволил бы колоссально сократить расходы по погрузке и выгрузке, по порожним пробегам и по сооружению самого подвижного состава, так как избавил бы железные дороги от необходимости изготавливать верхнюю часть подвижного состава, а заводы, фабрики и совхозы избавил бы до известной степени (конечно, не целиком) от вопроса о таре. Контейнеры, находящиеся в ведении железных дорог, могут служить как для хранения продукта, так и для перевозки его на открытых платформах. Конструкция контейнеров применительно к условиям перевозки на грузовых машинах дала бы возможность загрузку и разгрузку тары производить непосредственно в местах производства, распределения и потребления, колоссально ускорив тем самым процесс оборота подвижного состава.

21. Разумеется здесь остается пока что открытым вопрос о возможности конструирования такой платформы, которая могла бы нести свой груз со скоростью пассажирского поезда в межрайонном обороте. Если принцип примерно одинаковой скорости пассажирского и товарного поезда в межрайонном движении будет принят, то тогда станет совершенно ясным не только тип подвижного состава в дальнейшем сообщении, но и общий характер эксплуатации его. Быстро следующие друг за другом составы пассажирских и товарных поездов, идущих с большой скоростью; минимальное количество сортировочной и маневровой работы, вследствие разгрузки и нагрузки товарных поездов со скоростью погрузки и разгрузки населения пассажирского поезда, значительное упрощение на всей сети узловой и станционной проблемы. Разумеется, это предполагает и требует полного исчезновения живой рабочей силы грузчика из погрузочно-разгрузочных работ, т. е. полную их механизацию. Современная техника знает однако методы и способы съема такой крупной тары как будущий контейнер, относительно несложными механическими приспособлениями (подвижная тележка с краном). Наряду с немедленным приступом к разработке типа новой платформы, наряду с проектированием общей и специальной тары для этих платформ и увязкой всех этих вопросов с типом автомобиля и крана, необходимо уже сейчас же приступить к подготовке промышленности к изготовлению в будущем пятилетия в массовом размере всех этих элементов новой транспортной системы.

Говоря о принципах эксплуатации подвижного состава, не следует забывать, что маршрутизация движения, охватывающая ныне значительную часть массовых ж.-д. перевозок, разрешает до известной степени проблему ускорения движения (при наличии смягченных профилей) и упрощает маневровую и сортировочную работу. Следовательно в первый период генерального плана она будет иметь значение. Однако, в межрайонных перевозках будущее, как мы уже говорили, будет принадлежать не грузопотоку, специфически связанному с пространственной концентрацией производительных сил при капи-

тализме, а гораздо более разнообразному (хотя бы может и более мощному) грузовому потоку невесотеряющего сырья, полуфабрикатов и готовых изделий. Следовательно, чем дальше будет развиваться децентрализация промышленного производства и переработка весотеряющего сырья на месте его добычи, тем меньшее значение будет иметь маршрутизация и тем большее значение будет приобретать проблема контейнеров на универсальных платформах. Следовательно, основная тенденция развития должна заключаться в переходе именно к универсальному типу ж.-д. экипажа.

22. Само собой разумеется, что проблема выравнивания пути в межрайонных сообщениях и на внутрирайонных линиях будет сохранять свое значение и впредь. Больше того—надо признать, что в условиях ближайшего будущего, при резком дефиците в металле, проблема выравнивания профиля (смягчения уклонов), не требующего больших затрат металла и легко осуществимого при простейшей механизации земляных работ—является одним из тех звеньев, за которые нужно ухватиться немедленно, тем более, что это дает значительное сокращение эксплуатационных расходов. Однако совершенно очевидно, что и во внутрирайонном сообщении и в межрайонном сообщении принципом движения будет являться не только мощность состава, но и быстрота движения, по возможности одинаковая для всех родов движения. Это должно существенно изменить систему наших представлений о путевых устройствах. На первое место выдвигаются вопросы качества рельса, рельсовых стыков, шпального хозяйства, балластировки. Напротив, вопросы, специфически связанные с движением медленно оборачивающихся составов (проблема узлов, станций, запасных путей, фронта погрузочно-разгрузочных работ), должны отойти на второй план. То же самое и в отношении к локомотиву. Паровоз, рожденный мощным концентрированным потоком весотеряющих грузов капиталистического общества и специфически приспособленный к движению его особых составов, должен рано или поздно уступить свое место электровозу, гораздо более приспособленному для овладения однородным, равномерным, и главное, неизмеримо более быстрым движением новых по составу грузовых потоков социалистического общества. Однако громадная сила инерции, развиваемая старыми основными фондами, особенно значительными в области железнодорожного транспорта, сильно задержит введение электрической тяги в ряде межрайонных сообщений, сохраняя здесь паровую тягу впредь до исчерпания ее возможностей. Однако тип паровоза должен совершенно измениться. Ни теперешний паровоз серии „Э“ товарного движения, ни паровоз серии „М“ пассажирского движения не смогут удовлетворить потребностей будущего межрайонного и внутреннего сообщения, поскольку последнее сохранит еще на время паровую тягу. Необходимо немедленно приступить к разработке нового типа локомотива для дальнего сообщения, обладающего значительно большей мощностью и скоростью движения, чем ныне существующие.

23. Изложенный ход мыслей с неизбежностью приводит к выводу, что главным руслом наших реконструктивных мероприятий в ближайшее время должен быть не столько путь, сколько подвижной состав. Именно в подвижном составе лежит решение проблемы при приспособления транспорта к изменившейся форме производства, проблемы создания социалистического

транспорта. В разрезе пятилетнего плана следует поэтому решительно осудить политику сверхмагистрализации межрайонных связей, поскольку она ведет к сохранению старого капиталистического соотношения между районами. Само собой разумеется, что мы говорим здесь не о требованиях всемерного улучшения путей, которое содержится между прочим и в проектах сверхмагистралей. Это требование следует принять. Когда говорят о „сверхмагистралах“, то речь идет о создании мощных путей для специальных перевозок весомых грузов (главным образом угля) на громадные расстояния по „бросовым“ исключительным тарифам, стоящим значительно ниже себестоимости перевозок. В этом и только в этом и состоит суть того, что до сих пор называли сверхмагистралью. Однако из всего сказанного выше следует, что социалистическое общество должно развиваться (и как мы видели выше—действительно развивается) как раз не в этом направлении, а совсем в другом. Нам надо поэтому держать курс на возможно более быструю реконструкцию подвижного состава с таким расчетом, чтобы облегчить и ускорить процесс социалистического перераспределения промышленности в стране.

24. Таким образом в перераспределении промышленности и сельского хозяйства, согласно указаниям Ленина, лежит ключ ко всей транспортной проблеме в целом. Поэтому, если мы будем сохранять и расширенно воспроизводить в течение этого и следующего пятилетия расположение промышленности и сельского хозяйства, которое мы унаследовали от капитализма, нам нужно будет реконструировать транспорт не в описанном выше направлении, а в том направлении, которое подсказывается нам капиталистической практикой, т. е. в направлении мощных сверхмагистралей, с исключительными на них тарифами, чудовищных составов, специального подвижного состава для перевозки весомых грузов на далекие расстояния, громадного развития узлов и станций и т. д. и т. п. Напротив, если мы твердо решим идти по указанному нам Лениным и Энгельсом пути рационального размещения промышленности и сельского хозяйства, мы должны немедленно начать работу по реконструкции нашего транспорта в направлении его удешевления.

25. Указанный Лениным принцип рационального размещения производительных сил и вытекающий отсюда путь реконструкции транспорта означает в результате громадное относительное сокращение общественных расходов на транспорт, несмотря на необходимость больших капитальных вложений в его радикальное переустройство. С ростом нашего производства возрастает масса грузов, передвигаемых на далекие расстояния. Сокращение дальности пробега грузов, достигаемое рациональным размещением промышленности, равносильно колоссальному сокращению общественных расходов на транспорт. Речь идет здесь о сотнях миллионов рублей ежегодных расходов. Если мы присоединим сюда отпадение значительной доли капитальных вложений в транспортное хозяйство, громадное ускорение движения, смягчение узловой проблемы—этого бича современного транспорта, выпадение значительной доли порожних пробегов, наряду с революцией в области тары и разгрузочно-погрузочного дела, то мы придем к выводу, что происходящее отсюда гигантское сокращение общественных расходов на ныне существующий транспорт целиком оправдывает реши-

тельную политику в области рационального размещения промышленности и сельского хозяйства и не менее решительную политику в области подготовки коренной реконструкции транспорта в указанном нами направлении.

26. В свете обрисованных нами принципов районирования промышленности и сельского хозяйства радикально меняются наши установки в области нового транспортного строительства. Нашей задачей в первую очередь является скорейшее и окончательное разрешение вопроса о рациональном размещении нашей промышленности и сельского хозяйства. В отличие от капиталистических теорий размещения мы должны исходить не из локальности, а из подвижности рабочей силы, т. е. из возможности ее планового перемещения из района в район. В условиях социалистического общества основным фактором районирования должно быть наличие и размещение естественных богатств в соединении с транспортными факторами (предполагается, что техника переработки более или менее одинакова повсюду, равно как одинаковы расходы по культурно-бытовому обслуживанию рабочей силы). Так напр. мы должны ориентироваться не на перевозку Кузнецкого угля к далеким индустриальным районам, а на организацию новой мощной перерабатывающей промышленности вокруг Кузнецкого угля. Следовательно, основным следствием рационального размещения промышленности и сельского хозяйства, как это предвидел Ленин, будет радикальное смещение промышленных центров на Восток, отчасти Юг и Север, т. е. туда, где расположены основные сырьевые ресурсы нашего будущего индустриального развития. Между тем, общеизвестно, что именно Восток и Север менее всего обслужены транспортной сетью. Отсюда перед нами стоит задача решительного видоизменения политики нового транспортного строительства, решительной передвижки его центра в новые районы. Следовательно не столько интенсификация существующих направлений является главным принципом нашего нового строительства, сколько возможно более скорое развитие транспортных связей в тех районах, которым суждено стать центрами нашего будущего производства.

27. Чрезвычайно труден вопрос о том, какие же это районы и каково должно быть новое транспортное строительство в них. Старая теория транспортного строительства была целиком списана с буржуазных учебников и по ней выходило, что новые транспортные средства „пробуждают“ район, развивают в нем грузооборот, „создают“ новые грузовые потоки. Конечно, такая концепция нелепа в наших условиях. Никакого стихийного „притока“ производительных сил к новым путям сообщения у нас не может быть, никакого стихийного роста грузооборота тоже ожидать нельзя. Новые пути сообщения, новые дороги имеют в наших условиях только ту нагрузку и только тот грузооборот, который мы же сами в плановом порядке им дадим. Отсюда коренное изменение в характере наших новых транспортных строителств. Если капитализм строил новые пути сообщения в расчете на стихийно развивающийся грузооборот, то мы отнюдь не обязаны повторять и воспроизводить эту капиталистическую особенность. Мы можем и должны сооружать новые пути сообщения одновременно со всеми теми предприятиями промышленности и сельского хозяйства, которые будут давать им работу. Следовательно, из самого характера

социалистического планового хозяйства вытекает необходимость развивать новые районы комплексным порядком, т. е. сразу со всей группой предприятий, которые охватывают разработку естественных богатств края. Новые районы должны развиваться сразу как гигантские производственно-бытовые и культурные комбинаты, как новые социалистические районы. Днепрострой дает первый прообраз такого рода комбината, в котором все строительство от начала до конца подчинено идее полного и законченного использования основного естественного ресурса комбината—днепровской гидроэнергии.

28. Основная трудность здесь состоит в том, что мы, во-первых, не всегда хорошо знаем естественные ресурсы нового района и часто вынуждены проложить сначала в новый район пути сообщения прежде чем узнаем толком, что в этом районе находится. Следовательно, сооружение новых путей сообщения в те или иные районы до начала развития там тех или иных производств останется вероятно на долгое время все еще неизбежным, пока развитие нашей научно-разведывательной деятельности не позволит нам отказаться от старого капиталистического развития новых районов на „авось“. В этом „пионерном“ смысле особо важную роль должен сыграть водный транспорт, значение которого для познания и первоначального освоения новых районов исключительно. Другая трудность заключается в том, что сооружаемый нами районный комбинат должен считаться не только с тем новым общественным разделением труда, которое мы хотели бы установить, исходя из задач социалистического строительства, но также и с тем разделением общественного труда и с тем старым сотрудничеством между районами, которое „стихийно“ сложилось и выросло в условиях капиталистической погони за прибылью и ожесточенной конкуренции. В ряде случаев это старое разделение труда помешает нам выявить физиономию нового района со всей полнотой, вынудит нас к отступлениям от поставленной перед собой цели в интересах более полного и целесообразного использования старых основных фондов, оставшихся нам в старых районах. Совершенно очевидно напр., что мы ни при каких обстоятельствах не сможем отказаться от доставки промышленного сырья старым предприятиям, расположенным в ЦПО или СЗО, хотя с точки зрения развитых выше положений это и было бы нерационально. Однако, еще более нерационально, по крайней мере в современных условиях, консервировать предприятия плохо расположенных районов во имя переноса производства в еще не существующие новые предприятия, более рационально расположенные, нежели старые. Однако компромисс старого пространственного размещения с новым должен иметь свои границы. Эти границы очерчиваются довольно ясно. Все предприятия старых районов, не вписывающиеся в новую схему пространственного размещения, т. е. требующие дальнепривозного сырья и топлива и воспроизводящие таким образом прежние нерациональные межрайонные соотношения, должны, что называется „доживать свой век“, как должны напр. доживать свой век по последнему решению ЦК ВКП(б) старые уральские заводы. Новые предприятия того же типа должны, как правило, размещаться уже на основе указанного Лениным принципа, т. е. в новых районах. В старых районах должны развиваться только те предприятия, которые отвечают указанному выше принципу, т. е. участвуют в межрайонном обмене не весотеряющим сырьем и топли-

вом, а полуфабрикатами и высококачественной готовой продукцией своих переработанных естественных ресурсов. Первый период социалистического строительства поневоле будет проходить в условиях очень большого компромисса между старым размещением и новым. Это совершенно понятно, поскольку в этот период социалистическое общество располагает в основном старыми производительными силами, сложившимися еще при капитализме. Однако чем дальше будут развиваться производительные силы, созданные внутри социалистического общества, чем больше они будут отражать в себе систему социалистических производственных отношений, тем более вредным и ненужным будет компромисс между старым пространственным размещением и новым. Следовательно, нам важно сейчас установить тот факт, что как бы ни складывались обстоятельства на протяжении ближайших двух-трех лет, тем не менее будущее развитие будет идти не по линии старого, а по линии нового размещения, разумеется если ясные и простые указания Ленина по этому вопросу будут наконец проводиться в жизнь нашими плановыми и хозяйственно-оперативными органами.

29. Должно возникнуть громадное количество новых линий (железнодорожных, гудронированных, водных) внутри производственных районов Севера, Востока (Урал—средний и южный, Казакстан, Кузнецк и друг. сибирские районы, Юго-Востока, (Средняя Азия), Украины, Кавказа и пр. Тип транспортной связи внутри этих районов достаточно намечен в опыте Украины, Урала и некоторых европейских и американских районов. Надо создавать новые межрайонные транспортные связи старых районов с новыми районами. Следовательно, новое строительство должно пойти не столько по линии интенсификации существующих межрайонных связей, сколько по линии интенсификации внутрирайонных транспортных связей путем развития промышленных перерабатывающих предприятий вокруг мест расположения и добычи сырья и топлива. С другой стороны нужно создавать прочные транспортные связи между новыми районами, возникающими и развиваемыми в порядке социалистического размещения производства. В результате нам предстоит полоса гигантского нового транспортного строительства, экстенсивного развития нашей транспортной сети. Этим нисколько не снимается конечно проблема необходимого усиления транспортных связей между старыми районами, и в особенности между старыми районами и новыми. Усиление, например, выходов по Сибири должно составлять одну из величайших задач ближайших лет.

30. Изложенная выше схема основных путей реконструкции транспорта представляет собой, конечно, первую грубую попытку выяснения особенностей социалистического транспорта по сравнению с капиталистическим. Практика реконструкции в ближайшие годы отразит в себе не только эту новую установку на создание социалистического размещения производства и социалистической организации транспорта. Она должна будет также учесть необходимость максимального использования имеющегося транспортного оборудования и найти соотношение между старыми и новыми транспортными средствами и приемами эксплуатации. В частности было бы напр. ошибкой сразу же брать курс на электровозы, прекратив постройку паровозов. Напротив, нам придется в ближайшие годы строить довольно большое количество мощных паровозов, невольно увеличивая

силу инерции, имеющуюся в паровозном хозяйстве, и тем самым отдаляя срок перехода на электрическую тягу. Однако мы должны, во-первых, немедленно поставить производство электровозов (и тепловозов с электрической передачей, в качестве переходного типа) на наших собственных заводах, а, во-вторых, смелее переходить к введению электрической тяги во внутрирайонном сообщении в тех районах, где это сообщение, составляя часть будущего внутрирайонного оборота, по своей интенсивности уже сейчас приближается к нормам электрифицированных участков (Донбасс, некоторые районы Урала, Кузбасса, Подмосковное движение, Кавказ и Закавказье). Целесообразно также уже сейчас ставить на практические рельсы проблему электрификации связи Юга с Севером, не для перевозки каменного угля конечно (против этого следует бороться самым решительным образом), а для овладения бурно растущими пассажирскими потоками и потоками высокоценных фабрикатов и полуфабрикатов, между этими районами. Точно так же в пределах этого пятилетия следует поставить и разрешить проблему электрификации пригородного движения под Москвой и Ленинградом. Расширяя таким образом программу электрификации, мы расширяем практику применения того основного средства тяги, каким станет электровоз в будущем обществе. Постройка электровозов позволит нам уже в пределах следующего пятилетия существенно сократить нашу потребность в паровозах.

31. Особому обсуждению должна быть подвергнута проблема тепловоза. Не подлежит сомнению принципиальная пригодность тепловоза с электрической передачей в качестве переходного типа к электровозу. В этом качестве тепловоз может быть внедряем в эксплуатационную практику новых районов с гораздо большей твердостью и решительностью, нежели паровоз. С другой стороны—в безводных районах, в районах вечной мерзлоты, а также в ряде межрайонных электрифицированных сообщений тепловоз при массовом изготовлении мог бы также конкурировать с паровозом. Тем не менее здесь может быть ряд серьезных возражений. При переходе к более решительной электрификации ряда ж.-д. направлений, при строительстве новых районов сразу как целостных производственных комбинатов, обязательно включающих в свой состав мощную электростанцию, едва ли будет необходимость в особом переходном типе локомотива, тем более, что парк паровых локомотивов, энергично высвобождаемый, при быстрой электрификации сможет вероятно обслуживать потребности ряда новых ж.-д. строек.

32. Что касается типа паровоза, то из всего сказанного выше следует, что нам следует держать курс на паровоз, обладающий гораздо большей мощностью, быстротой движения, нежели ныне существующие паровозы. Работа мощными составами, целиком вытекающая из современного состава грузопотоков, на целом ряде межрайонных сообщений может исчезнуть в будущем. Тем не менее на очень длительный период нам нужно считаться с необходимостью во все возрастающем темпе увеличивать мощность составов и вес поездов не только во внутрирайонном, но и в межрайонном сообщении.

Громадная инерция, развиваемая паровозным парком против всякого нового средства тяги (наличие ранее созданного водоснабжения, устройств всякого рода, наличие паровозостроительных заводов и ремонтных мастерских, наличие громадного и хорошо обученного кадра

машинистов), служила и служит во всех странах капитализма главным препятствием к коренному изменению тяговой системы. Мы безусловно должны будем также столкнуться с этой социальной инерцией. Чтобы ее изжить, мы должны взять твердый курс на максимальную интенсификацию использования наших паровозов. Чем скорее мы будем их изнашивать, тем скорее мы сможем перейти на новые более совершенные средства тяги. Таким образом принятый ныне на транспорте курс на максимальную рационализацию паровозоиспользования нужно всемерно поддерживать, тем более, что он реально сокращает нашу потребность в новых паровозах. Громадное значение имеет также проблема стандартизации паровозов, позволяющей значительное удешевление их производства и ремонта.

33. Очень сложно дело обстоит с подвижным составом. Изложенный выше путь реконструкции подвижного состава предполагает широкую и далеко идущую механизацию погрузочно-разгрузочных работ, чего в настоящее время мы не имеем. С другой стороны—массовый переход к системе контейнеров предполагает уже значительное изменение состава грузооборота в указанном нами направлении, т. е. в направлении готовых фабрикатов. Однако уже и в настоящее время мы могли бы взять решительный курс на заказ главным образом платформ, реконструировав их таким образом, чтобы иметь возможность применять их в будущем в скорых поездах. Существующий парк крытых вагонов при правильном его использовании может быть достаточен для овладения той частью грузового потока, которая не может быть погружена на платформу. Между крупными центрами (Москва—Ленинград, Москва—Харьков, Харьков—Киев и др.) можно было бы уже сейчас переходить к перевозке мелочных грузов контейнерами, весом в 1—2 тонны с полной механизацией этого дела и с прямой выгрузкой и погрузкой с платформы на автомобиль и обратно. Опытную работу в этом направлении можно было бы начать немедленно, поручив ее акц. о-ву „Союзтранспорт“. Нужно отказаться от заказа в больших количествах крытых вагонов общего типа. Нужно немедленно организовать всестороннюю проработку вопросов, связанных с переходом на работу контейнерами в открытом подвижном составе (вопросы типа контейнера для разного рода грузов, вопросы механизации погрузочно-разгрузочных работ, вопросы транспорта, вопросы предварительной упаковки и т. п., вопросы обратного пробега контейнеров, вопросы их хранения, распределения и т. п.). Совершенно очевидно, что типы контейнеров должны быть немногочисленны, согласованы с международными стандартами, все они должны быть кратны друг другу в объемном отношении и все должны вписываться порознь и вместе в габарит подвижного состава. Вопрос о контейнерах ставит вплотную давно назревшую проблему стандартизации тары.

При определении перспектив подвижного состава ж. д. нельзя упустить из виду проблему перехода от современного парка вагонов к новому. Совершенно так же, как в области паровозного хозяйства, мы должны и по отношению к вагонам занять твердую линию максимальной интенсификации использования имеющегося состава, отказа от капитального ремонта изнашивающихся вагонов, неуклонной замены выбывающих вагонов новыми единицами нового типа.

34. В вопросах путевого хозяйства, как ясно из изложенного выше, мы должны отказаться от чрезмерно больших работ, стараясь в переходный период обойтись по возможности существующими путе-

выми устройствами, всячески их улучшая, без дополнительных больших затрат металла (смягчение уклонов, увеличение числа шпал и т. д.). Помимо сверхмагистралей это в особенности относится к перестройке узлов. В развитом социалистическом обществе громадные узлы как специфическое порождение капиталистического транспорта совсем не будут иметь того значения, какое имеют сейчас. Так как подвижной состав в отличие от современного большую часть своего времени будет находиться в работе, вследствие ускорения движения, то совершенно понятно, что с каждым шагом вперед в ускорении оборота вагонов, будет уменьшаться и то количество их, которое одновременно стоит на наших станционных путях, создавая и обостряя так называемую узловую проблему. Перестройка узлов и новые капитальные вложения в узлы, с одной стороны, объясняются теперешним составом грузооборота, вызывающим медленность оборота подвижного состава и значительное простаивание его на станциях, с другой стороны—вызывается нашей эксплуатационной беспомощностью. Имея в виду, что современные несовершенные приемы работы не сохранятся в социалистическом обществе, следует осторожней относиться к проектам радикального переустройства узлов. Значительная часть затраченных на это дело средств останется впоследствии без применения. Нам нужно в меру наших сил и производственных возможностей упорядочить наше земляное полотно, шпальное, рельсовое и мостовое хозяйство, мы должны однако при этом иметь в виду, что социалистический транспорт будет работать главным образом мощными подвижными составами с быстрым ходом. Следовательно путевые обустройства должны уже сейчас приспособляться к этим требованиям. Громадное, ни с чем не сравнимое значение приобретает в наших условиях проблема культурного обслуживания пассажирских потоков. Не говоря уже о подвижном составе, в котором должны получить развитие те типы пассажирских вагонов, которые дают наибольшее количество удобств для пассажира, нужно самым решительным образом уже сейчас, без всякого откладывания в долгий ящик, начать перестраивать наши старые, капиталистами созданные пассажирские здания в целях наиболее полного и совершенного обслуживания трудящегося пассажира.

35. В связи с изменением характера эксплуатации исключительное значение приобретает проблема связи и сигнализации. Чем быстрее будет совершаться движение по ж. д., тем в большей степени автоматическая связь, сигнализация и блокировка должны заменять теперешние устарелые формы связи. Эта сторона транспортной работы должна и может быть реконструирована в относительно короткие сроки, причем и здесь проблема упирается, конечно, в подготовленность нашей промышленности к реконструкции.

36. С необходимыми изменениями все сказанное выше может быть применено и к водному транспорту. Совершенно очевидно, что поскольку водный транспорт менее отвечает задачам быстрого и скорого движения (если не считать движения глиссерами), каковые задачи вытекают из специфических особенностей социалистического транспорта, то в предстоящие годы было бы неразумно вкладывать средства в дорогостоящие водные сооружения медленно оборачиваемого типа. Оправдана может быть здесь лишь политика такого развития водного транспорта, которая дает относительно скорый эффект и не связывает нас на долгие годы. Так напр. невыгодно вкла-

дывать в настоящее время средства в каналы и сооружения длительного пользования, если только они не разрешают особо удачным способом задачу транспортной связи двух районов, одновременно с разрешением энергетических проблем (Днепрострой). К сожалению, немногие из существующих водных проектов могут похвалиться такого рода значением. Напротив, относительно выгодно вкладывать средства в подвижной состав, в частности в самоходные баржи, поскольку последний обладает меньшими сроками службы, дает немедленный транспортный эффект и требует развития советской судостроительной промышленности, этой важной ветви машиностроения. Равным образом совершенно необходима политика коренного изменения методов эксплуатации подвижного состава в водном транспорте в направлении ускорения движения как коммерческого, так и технического и, главным образом, в направлении ускорения оборота подвижного состава как путем его конструктивных изменений в целях расширения радиуса его действия, так и путем механизации погрузочно-разгрузочных работ с соответствующей переделкой пристанских устройств. Без всякого промедления должна быть разрешена на водных путях проблема ночного движения и такой организации связи и сигнализации, которая хотя немного приближалась бы к железнодорожной по своей эффективности.

37. Что касается местного транспорта, то из сказанного видно, что нам во всех отношениях целесообразно держать курс на грузовую машину мощного типа и на легковую машину двух типов: тяжелый автобус общественного пользования и легкую машину индивидуального пользования. Во внутрирайонном массовом грузовом движении большое развитие должны получить тягачи с прицепными тележками. И тот и другой тип машины предполагает коренную реконструкцию наших дорожных устройств. В первую очередь должны быть реконструированы внутрирайонные и внутригородские сообщения. Политика сооружения тяжелых дорог на далекие расстояния есть в наши дни излишняя роскошь, так же как и сами далекие грузовые поездки на машинах. Реконструкции подлежат—и притом в пределах этого пятилетия—все без исключения пути внутрирайонного сообщения, идет ли при этом речь о внутрирайонном сообщении в ЦПО, СЗО или на Урале и Украине. Тип дороги не стоит изолированно от машины. Внутрирайонное сообщение должно иметь дорогу, приспособленную главным образом к грузовому движению, межрайонное сообщение должно ориентироваться преимущественно на легковой транспорт.

38. Несколько неясными представляются сейчас перспективы воздушного сообщения. Совершенно очевидно, что заменить железнодорожный и водный транспорт воздушный транспорт на теперешнем уровне техники не может. Однако он неизбежно возьмет от них значительную часть пассажирского движения, главным образом служебного и, вероятно, главную массу почты в межрайонном сообщении. Существующие типы самолетов с их крайне малой вместительностью не вполне удовлетворительно разрешают задачу связи в будущем межрайонном сообщении. Эту задачу быть может разрешит дирижабль, к производству которого на советских заводах подходят сейчас практические. Во всяком случае воздушное сообщение на теперешнем уровне его развития не может пока что стать основой для массовых пассажирских потоков.

39. Последним звеном наших рассуждений является вопрос о реконструкции кадров. Существующие кадры транспортников от чернорабочих до самых крупных инженеров сложились, воспитались и выросли на старом капиталистическом транспорте с его специфической техникой. Поэтому переход к новой технике должен быть сделан не в порядке стихийного приспособления их к возникающему помимо их воли порядку вещей, а в порядке сознательного плана переподготовки и перевоспитания всех кадров сверху донизу в соответствии с задачами социалистического строительства и вытекающими отсюда задачами транспортного строительства. Систематическую пропаганду и популяризацию новых взглядов на роль транспорта в социалистическом строительстве и на характер социалистической его реконструкции нужно начать немедленно не только в транспортных, но и в промышленных школах с таким расчетом, чтобы подготавливаемые вновь кадры с самого начала знали, что существующий в настоящее время технический строй транспорта отнюдь не является вечным и наоборот подлежит непрременной переделке, при том в практически обозримый исторический срок.

Техническая мысль транспорта должна решительно направиться на поиски таких технических средств и таких методов их эксплуатации, которые отвечали бы особенностям социалистической системы производства, облегчали бы „муки рождения“ новой социалистической транспортной техники. Транспортная техническая мысль должна в плановом порядке заняться последовательным разрешением различных проблем социалистического транспорта. Чем скорее она это сделает, тем лучше будет и для нее и для транспорта.

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ ЗАДАНИЙ К ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПЛАНУ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ ¹

План ГОЭЛРО исчерпан полностью программой нашего текущего строительства. Мощности станций, намеченные этим планом, уже превзойдены; кроме того, начато строительство целого ряда станций, не предусмотренных в плане.

Вопрос о разработке перспективного плана строительства энергохозяйства в настоящее время, естественно, связан с разработкой общего генерального плана развития народного хозяйства СССР. Имеется целый ряд отдельных работ по генеральному плану развития нашего народного хозяйства. Прорабатывались отдельные крупные строительные проблемы (сверхмагистраль, Волго-Донской канал). Разрабатывался целый ряд таких больших объектов строительства, которые определяют собою этапы в развитии нашего народного хозяйства. Специальная группа прорабатывала вопросы методологии составления генерального плана. Недавно появилась работа т. Ковалевского, выпущенная на правах рукописи: „Рабочая гипотеза развертывания народного хозяйства СССР в генеральном плане“, где намечались многочисленные варианты общих показателей уровня развития. Таким образом работы по проектированию генерального плана ведутся в разных направлениях и с разными подходами.

Изучая все материалы, относящиеся к разработкам генерального плана, можно заключить, что при проектировках отдельных конкретных проблем удается в достаточной степени обосновать строительство, набросать картину общего фона народнохозяйственного развития, связанного с этой строительной программой. Когда же подходят к общей концепции всего генерального плана развития народного хозяйства, то здесь дело усложняется.

Сейчас, когда мы вплотную приступили к социалистической реконструкции всего хозяйства и особенно сельского, когда мировая техника переживает революцию во всех почти областях, трудно точно предугадать конкретные формы развития отдельных отраслей. Всякие подсчеты динамики народного дохода, уровня жизни и др. показателей могут завести очень далеко и не дать возможности наметить основные линии развития. За статистическими данными, за цифрами исчезает та общая канва, та ясная перспектива, которая нам прежде всего нужна. Вряд ли найдется сейчас такой человек, который мог бы себе совершенно ясно и точно представить, что в конце концов мы должны строить и что мы должны получить через 10—15 лет. Жизнь идет та-

¹ Обработанная стенограмма доклада в подсекции техники Коммунистической академии.

кими темпами, что попытки сбалансировать генеральный план строительства хозяйства СССР подобно тому, как это делается в пятилетке, обречены на неудачу. Если уже сейчас не успеваем мы утвердить пятилетний план, как жизнь его опрокидывает, если после утверждения контрольных цифр на год, „на другой же день“ приходится их пересматривать и перекраивать, то совершенно ясно, что нельзя спроектировать генеральный план нашего строительства в более или менее точных для всех областей показателях. Думать о возможности создания сейчас такого генерального плана строительства было бы бесплодной затеей.

Генеральный план можно и необходимо прорабатывать как перспективный план строительства энергетического хозяйства. Энергетика—ведущее звено в системе отраслей народного хозяйства. Это признано всеми. Поскольку же энергетика, при современном уровне техники, при современных методах строительства народного хозяйства является ведущим и определяющим звеном, совершенно законно начать разработку общехозяйственной перспективы с выявления перспективного плана строительства энергетического хозяйства. Разработка первого генерального плана ГОЭЛРО в этом отношении себя оправдала: план ГОЭЛРО был планом электрификации и вместе с тем генеральным планом развития всего народного хозяйства. Если в настоящее время на основе всего накопленного опыта мы действительно сумеем разработать перспективный план развития энергохозяйства, рассчитанный на 10—15 лет, и если мы этот план увяжем с общими наметками развития отдельных отраслей, подойдем к выявлению грубых ориентировочных качественных и количественных показателей,—мы получим ту перспективу, которая так необходима нам для правильного развития строительства. Этот перспективный план будет вторым нашим генеральным планом, на основе которого и должны прорабатываться конкретные планы строительства на различные отрезки времени—годовые, трехлетние и пятилетние планы.

Таким образом основная задача при разработке генерального плана строительства хозяйства в СССР,—а это по существу уже разработка плана строительства развернутого социализма,—состоит в составлении плана энергетического хозяйства. Генеральный план строительства социализма при современных условиях может быть разработан лишь как план строительства энергетического хозяйства, как план электрификации. План ГОЭЛРО это доказал. Он себя оправдал именно как генеральный план. Из всех наших планов имел наибольшее организующее значение и наиболее точно выполнен план электрификации, разработанный в 1921 г. Сейчас мы должны вновь составить план нашего энергетического строительства на 10—15 лет. Это и будет по существу генеральный план развития народного хозяйства.

При разработке генерального плана строительства энергетического хозяйства необходимо, как это было сделано при составлении первого плана ГОЭЛРО, наметить и согласовать основные пути, по которым должно идти развитие народного хозяйства в целом. Народнохозяйственная жизнь страны нам указывает уже некоторые вехи, которых и следует придерживаться как основных путей развития народного хозяйства СССР на ближайшее время при разработке отдельных конкретных проблем.

ОСНОВНЫЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА.

КАЧЕСТВЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ

I

Дальнейшее развитие строительства индустрии в ближайший период времени будет идти по пути сооружения крупных энергопромышленных комбинатов.

В настоящее время наметились 3 основные формы энергопромышленных комбинатов:

I форма. Для использования больших количеств дешевой, по преимуществу гидроэлектрической энергии в непосредственной близости от гидростанции сооружаются группы предприятий, специфически нуждающихся в значительных количествах энергии—„электроемкие“ производства: электрометаллургия, электрохимия и др. Группы этих предприятий для достижения наибольшего экономического и организационного эффекта подбираются таким образом, что отдельные их звенья связываются общностью производственного процесса, продукция одного предприятия является сырьем для другого и т. д. Классическим примером такого энергопромышленного комбината является Днепровский комбинат во главе с Днепростроем.

II форма. Топливо используется не только как горючее, но и как сырье для химической переработки. Тепловая электрическая станция в таком комбинате играет роль не только энергетической базы, но и является звеном в цепи предприятий, перерабатывающих топливо как основное сырье. Сюда относится: полукоксование или коксование угля с сжиганием под котлами частично газов и полукокса или коксита, с утилизацией смолы, водорода для химических производств и кокса для металлургии, а иногда и золы для дальнейшей переработки или как строительного материала или как сырья для химических производств (зола подмосковного угля—в окись алюминия); использование сланцев, когда котельная электростанция является и газогенератором, отдающим смолы для химической переработки. Примером такого комбината может служить подмосковный энергохимический комбинат в Бобряхах.

III форма. Комбинированная выработка тепловой и электрической энергии—теплоэлектроцентраль как энергетическая установка, в максимальной степени использующая топливо энергетически.

Характеризуем вкратце первую форму электропромышленного комбината на примере Днепровского комбината.

Днепровская гидроэлектрическая станция даст огромное количество электрической энергии по дешевой цене. Общая выработка станции за год составит немногим менее 3 млрд. kwh.

Для наилучшего использования такого большого количества дешевой электроэнергии запроектирован и начат сооружением целый промышленный комбинат. В этот комбинат входят следующие основные предприятия:

1. Во главе комбината—Днепровская станция;
2. Запорожский металлургический завод с выпуском 1 млн. *t* металла;
3. Завод электростали, который будет выпускать высокосортную инструментальную сталь в размере 200 тыс. *t* в год;
4. Завод ферро-сплавов, главным образом ферро-марганца,—с выпуском свыше 100 тыс. *t*;

5. Алюминиевый завод со всеми подсобными предприятиями с выпуском 20 тыс. т;

6. Химическая группа заводов.

Эта группа предприятий, во-первых, действительно наиболее рационально использует электроэнергию и, во-вторых, предприятия, входящие в нее, будут связаны между собой общностью технологических процессов.

Днепропетровская гидроэлектрическая станция чрезвычайно удобно располагается в отношении использования естественных ресурсов всего района. Прежде всего сам Днепр обеспечивает район, прилегающий к гидростанции, наличием больших количеств воды, а вода, как известно, является в большинстве случаев необходимым продуктом для целого ряда производств (металлургия, химия, тепловые станции и т. д.). В 200 км от левого берега расположен Донецкий бассейн с его богатейшими залежами каменного угля и проч. Примерно в 100 км от правого берега находится Кривой Рог с его запасами железных руд. Тут же недалеко, в Никополи—наши богатейшие залежи марганцевой руды. И наконец прилегающая непосредственно к станции степная полоса представляет собой чрезвычайно богатый сельскохозяйственный район. Эти местные условия, совершенно естественно, при единстве планового хозяйства заставили одновременно с проектировкой большой гидроэлектрической станции проектировать и целый промышленный комбинат, который, базируясь на больших количествах дешевой электрической энергии, должен максимально и наиболее выгодно использовать местные богатства для народного хозяйства.

Днепрострой с группой заводов, которые создаются вокруг него, представляется нам грандиозным комбинатом, являющимся высшей формой строительства индустрии. Плановое хозяйство, единство воли, расчет на максимальный экономический эффект дали нам наиболее благоприятное сочетание отдельных предприятий, увязанных в одно целое. Но в настоящее время рамки этого комбината как энергопромышленной единицы раздвигаются еще шире. Дальнейшая проработка проблемы использования Днепра привела к проекту большого энергопромышленного хозяйства. Днепропетровская гидроэлектрическая станция соединяется линиями электропередач, для совместной и параллельной работы, с целым рядом крупных электростанций района. Это кольцо единого энергетического хозяйства будет включать пять основных крупных индустриальных узлов, пять крупных районов Приднепровья:

1. Запорожский узел—непосредственно сам Днепрострой с расположенным около него комбинатом (550 тыс. kw Днепровская станция плюс небольшая теплоэлектроцентраль нового Запорожья).

2. Днепропетровский узел: город Днепропетровск, Днепропетровский металлургический завод и целый ряд других крупных предприятий (20 тыс. kw на заводе им. Петровского и небольшая городская теплоэлектроцентраль).

3. Каменский узел во главе с металлургическим заводом им. Дзержинского (на этом же заводе строится мощная электрическая станция 150 тыс. kw).

4. Криворожский узел с Криворожским металлургическим заводом, с железными рудниками и с запасами бурых углей. (В этом районе уже пущена в эксплуатацию новая станция в 20 тыс. kw; она будет расширяться сейчас еще на 24 тыс. kw; кроме того при

металлургическом заводе будет построена примерно такой же мощности электрическая станция, и в районе расположения бурых углей предполагается к сооружению мощная станция до 200 тыс. kw). И наконец,

5. Никопольский узел с его запасами марганцевой руды.

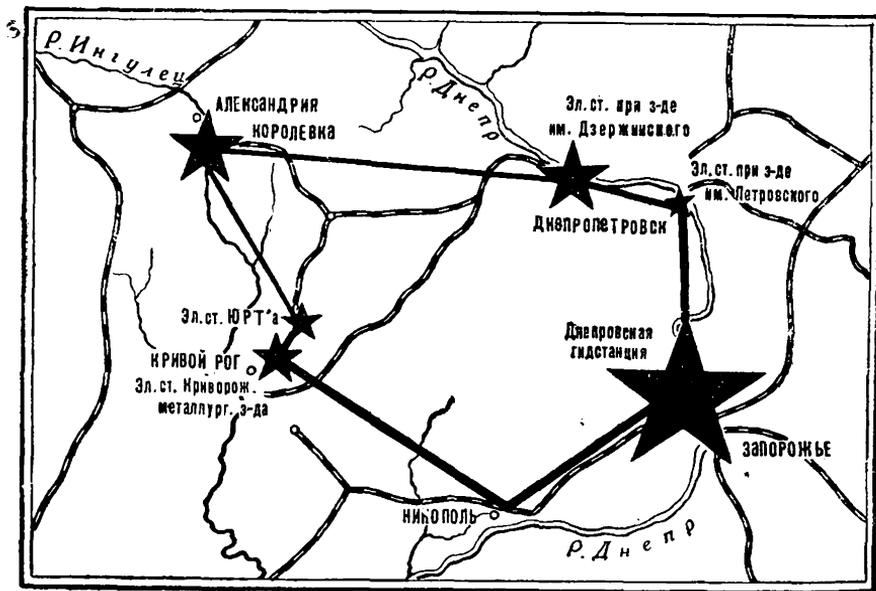

Рис. 1

В кольце, объединяющем эти пять крупных индустриальных узлов с их электростанциями, решающую и руководящую роль будет играть, естественно, Днепровская гидроэлектрическая станция. Летом Днепровская станция может дать очень большие количества электроэнергии, зимой же — сравнительно немного. Мощность всех машин Днепровской станции будет равна 810 тыс. л. с., или 550 тыс. kw, зимой же в средне-маловодный год Днепровская станция сможет дать лишь 250 тыс. kw.

Группа предприятий, которая составляет Днепровский комбинат, нуждается в электроэнергии в большем размере, чем эти 250 тыс. kw, которые Днепровская станция может дать в маловодный год. Таким образом при изолированной работе Днепровской станции с комбинатом необходимо было бы теперь же построить мощную паровую станцию, которая работала бы небольшое количество времени в году. Но при соединении вышеуказанных пяти узлов единым кольцом высоковольтных линий электропередач в единое энергетическое хозяйство необходимость в постройке специальной паровой «резервной» станции отпадает.

Мощность, потребная для всех этих районов, превышает максимальную мощность, которую может дать гидроэлектростанция. Поэтому Днепровская гидроэлектростанция может в течение всего года давать на сеть столько энергии, сколько имеет река. В этом общем высоковольтном кольце будет во все время года смешанная энергия от гидроэлектри-

ческой станции и от паровых станций, причем в различное время года будет меняться соотношение количества этих двух энергий—летом подавляющее количество энергии будет давать Днепроvская станция, зимой, наоборот,—паровые станции. Летом основную нагрузку для всего кольца будет нести Днепроvская станция, паровые же станции будут снимать пики, а зимой, наоборот, паровые станции будут нести основную нагрузку, а Днепроvская будет играть роль пиковой станции.

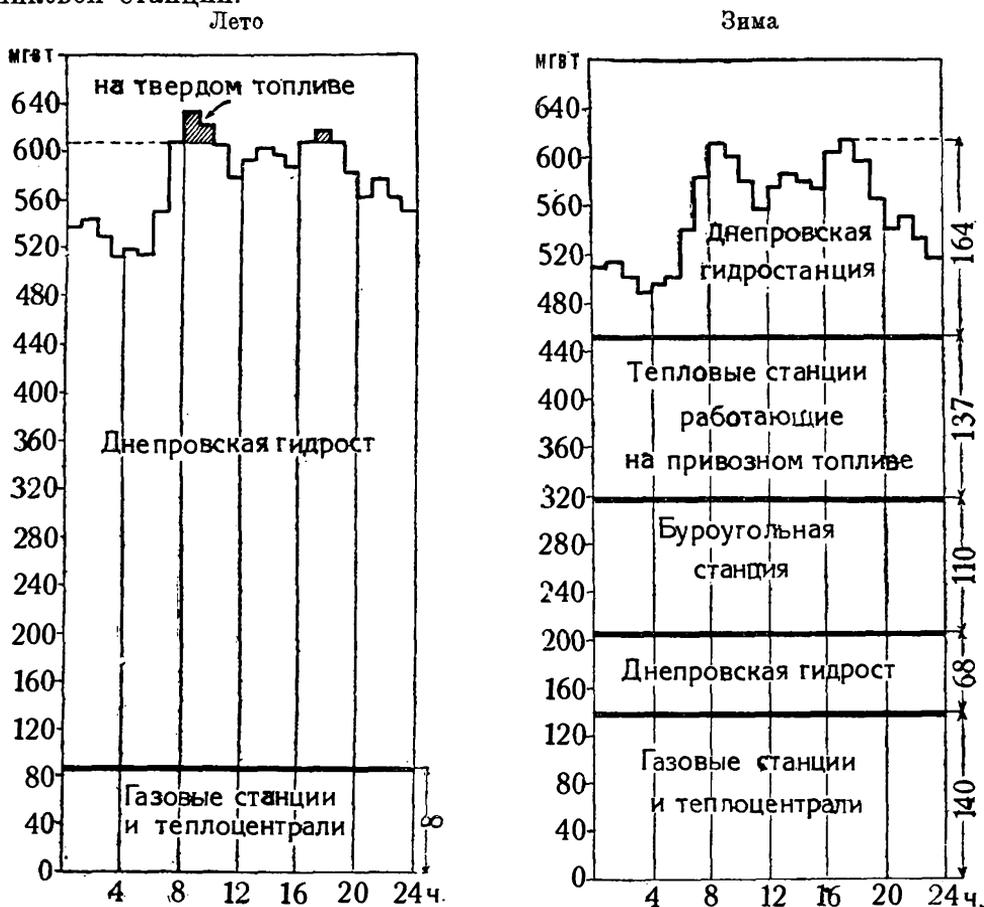

Рис. 2

Таким образом объединение этих пяти узлов в одно энергетическое хозяйство дает наиболее полное использование энергии Днепра. Нет больше сезонной энергии. Значительно снижается общая мощность паровых электростанций. Получается наиболее целесообразное и полное использование всех энергетических отбросов и до минимума доводится количество привозного угля для этого района. Мы получаем грандиозную картину крупнейшего комбината энергетического хозяйства.

Получается второй тип комбината, когда целый ряд крупнейших предприятий района и даже комбинатов, как Днепроvский, включается в единую организацию энергетического хозяйства. Энергетика в данном случае ярко выступает как ведущее, организующее звено. Она как бы отрывается от отдельных хозяйств данного района,

данного комбината, данного предприятия и становится над ними, подчиняясь законам целого, а не части. Мы получаем единое энергетическое хозяйство, включающее в себя отдельные крупнейшие производственные центры района.

Такую структуру комбинирования единого энергетического хозяйства может дать только единое, плановое социалистическое хозяйство при обобществлении средств производства. В этой области мы действительно подходим вплотную к методам социалистического строительства. Это далеко выходит за рамки обычного объединения отдельных потребителей и производителей энергии. Это уже не „интерсекция“, о которой можно читать в иностранной литературе. Это — система энергетического хозяйства, которая сжимает в один кулак крупнейшие узлы районов, использует с максимальной эффективностью вложенный капитал, дает параллельную работу крупной гидроэлектрической станции с несколькими паровыми станциями, что приводит к максимальной экономичности. Здесь мы создаем единый энергетический комбинат с очень показательным участием отдельных энергетических ресурсов:

Наименование	В процентах
1. Гидроэнергия	66,1
2. Газы	14,9
3. Отбросн. энергия (теплоцентр.)	3,9
4. Бурый уголь	16,7
5. Привозное топливо	7,4

Средневзвешенная себестоимость энергии во всем кольце получается 1,3 коп. за kwh. Днепровская энергия получается себестоимостью в 0,75 коп. за kwh. Это — огромное достижение в рационализации и реконструкции. Общая мощность этого единого хозяйства составит более 1 млн. kw.

Так как летом основную нагрузку несет Днепровская гидроэлектрическая станция, а все паровые станции будут находиться в резерве, то летом получается в этих районах большое количество свободной мощности. Представляется безусловно выгодным в это время энергию передавать куда-либо на сторону за пределы этого большого кольца. Таким потребителем электроэнергии может явиться другой колоссальный комбинат нашего народного хозяйства — Донбасс. Приднепровское кольцо с его пятью крупнейшими узлами должно быть соединено линией электропередачи с другим крупнейшим хозяйством — Донбассом, предприятия которого точно также объединяются высоковольтными линиями электропередач. Создается связь между двумя гигантскими промышленными районами. Единое энергетическое хозяйство, которое включит в себя эти два больших района, будет иметь мощность около 2 млн. kw с выработкой энергии свыше 6 млрд. kwh. Такого грандиозного объединенного энергетического хозяйства не имеет даже Америка. Мы получим в результате этого объединения колоссальной мощности маневровые возможности в отношении выработки, распределения и перераспределения больших

количество энергии. Уголь, железо и химия в Донбассе, железо, электрометаллургия и химия в Приднепровье будут связаны единым энергетическим хозяйством. Единство плана, единство воли в условиях социалистического хозяйства дают неизмеримо широкие возможности в организации современного хозяйства, базирующегося на мощнейших предприятиях в различных областях производства. Таких возможностей при всем своем богатстве и опыте не имеет капитализм. Современная техника в ее поступательном шествии вперед и в особенности современная энергетика, определяющая собой развитие всех отраслей народного хозяйства, перерастают узкие рамки капитализма, и, как в свое время капиталистическая фабрика с паровой машиной разбилась стесняющие ее узы феодального хозяйства, так теперь новое комбинированное предприятие, опирающееся на современную энергетику, с выработкой электроэнергии на крупнейших станциях и с распределением ее высоковольтными линиями электропередач рвет и ломает все капиталистические узы, которые мешают дальнейшему развитию.

Вот один из образцов формы хозяйственного строительства, который будет характерен для ближайшего периода, для генерального плана.

Типичным для второй формы комбинатов может явиться подмосковный Энергохимический комбинат в Бобриках во главе с электрической станцией им. Сталина в 300 тыс. кв.

Подмосковный бассейн включает в себе огромное богатство. Сам подмосковный уголь может служить не только в качестве топлива для сжигания под котлами, но представляет собою высокоценный продукт для переработки, главным образом в химических производствах. Подмосковный уголь хорошо подвергается газификации. Он может быть переработан на полукокс с получением газа и смолы. Получаемая смола может быть переработана на жидкое топливо и дать ряд различных химических производств. Помимо огромных запасов угля, подмосковный бассейн обладает высокосортными огнеупорными и кислотоупорными глинами и серным колчеданом. Глины подмосковного бассейна, а также зола могут быть перерабатываемы на окись алюминия. При недостатке у нас бокситов это может приобрести исключительное значение для организации производства алюминия.

Таким образом широкое развитие добычи подмосковного угля в тех размерах, в которых оно уже запроектировано пятилетним планом, даст одновременно значительное количество глины, колчедана, золы и пр. Все эти продукты получают при добыче и сжигании угля, и, если их не утилизировать, они будут гибнуть и мешать, скапливаясь в отвалах. Необходимость использования всех этих получаемых богатств, естественно, привела к созданию в подмосковном бассейне крупного промышленного комбината. В центре такого комбината находится крупная электрическая станция как основная энергетическая база, могущая обеспечить район большим количеством электрической энергии с низкой себестоимостью.

На основании исследовательских и проектных работ уже в настоящее время приступлено к сооружению следующих предприятий:

1. Завода по выработке огнеупорных шамотных изделий на 40 тыс. *т* продукции;
2. Клинкерного завода на 6 млн. штук в год;
3. Завода кислотоупорных изделий и канализационных труб на 20 тыс. *т* в год;

4. Цементного завода с производительностью в 1 млн. бочек;
5. Известкового завода на 10 тыс. *т* извести;
6. Группы химических заводов.

Для химической промышленности подмосковный угольный бассейн представляет прежде всего интерес в смысле развития тех производств, где топливные энергетические слагаемые играют значительную роль.

Подмосковный бассейн уже в настоящем пятилетии является мощным рычагом, реконструирующим энергетику Московской области, и базой для строительства социализма. Химическая переработка топлива в комбинировании ее с энергетическим использованием его может дать во многих случаях наиболее оптимальные и эффективные комплексы производственных предприятий. Химизация на базе электрификации,— вот один из основных путей строительства производственных узлов социалистического хозяйства.

При проектировании перспектив электрификации необходимо особо выделить значение системы единого энергетического хозяйства для получения отбросной электрической энергии при комбинировании ее выработки с теплом.

Наш опыт по сооружению целого ряда теплоэлектроцентралей с применением пара высокого давления 30—60 ат уже достаточно доказал выгодность этого дела.

В пределах данного пятилетия мы запроектировали и уже строим целый ряд крупных теплоэлектроцентралей. В Москве и Ленинграде предполагается построить такие мощные установки как Хамовническая 75—125 тыс. kw, Трамвайная—150 тыс. kw, Московско-Нарвская—около 100 тыс. kw при давлении пара в 100 ат. В генеральном плане мы должны базироваться на строительстве комбинированного теплового энергетического хозяйства для одновременной выработки тепловой и электрической энергии. Мы будем строить большое количество крупных теплоэлектроцентралей с применением всех новейших достижений техники.

Наше планирование энергетики и других отраслей хозяйства должно производиться таким образом, чтобы каждая новая крупная тепловая районная электростанция являлась теплоэлектроцентралью. Теплофикация, которая дает возможность при сжигании топлива под котлом заставить работать это топливо как бы два раза и тем самым значительно поднять коэффициент полезного действия установки, должна явиться одной из исходных предпосылок при разработке плана нового энергетического строительства.

Только сейчас по существу начинает внедряться в жизнь, в нашу практику планирование развития хозяйства в районном разрезе. Первый генеральный план, план электрификации ГОЭЛРО был разработан порайонно. Идея районирования все время выдвигалась нашими плановыми работниками. И только теперь она начинает завоевывать право гражданства. Первой ласточкой такого плана, охватывающего целый район, явился материал, представленный уральцами.

Этот план, в результате его проработки, должен дать проект строительства грандиозного комбината, где все богатства края подземные и надземные, все трудовые и пр. ресурсы взяты в их комплексе. Комплексное, в гармоничном сочетании, развитие целого большого края даст наивысшую форму планового хозяйства—грандиозный

комбинат, который в свою очередь будет включать в себя ряд комбинатов на технологической, энергетической и других основах.

Разработка плана строительства Урала вызывает необходимость увязки его с развитием Сибири, главным образом Кузбасса. Эти два крупнейших и богатейших района в силу целого ряда естественных условий могут развиваться наиболее полно и рационально лишь при взаимодействии. Перед нами выступает новая проблема: межрайонная связь как действенная, тесная, единым планом обусловленная, проектировка строительства предприятий и их совместное, взаимно увязанное функционирование.

Мы приходим к осуществлению цели комбинирования наших хозяйственных единиц. Группа предприятий, увязываемых единством технологических процессов и иных связей, во главе с энергетической базой (Бобрики, Днепр и друг.) дают, условно выражаясь, первичный комбинат как основную единицу. Связь единым энергетическим хозяйством нескольких таких комбинатов и крупных центров наподобие вышеописанного Криворожско-Приднепровского — вторая ступень. Создание крупнейших комплексных районных комбинатов типа Урал — это высшая ступень. И наконец взаимная увязка отдельных районов, межрайонные комбинаты — таков путь построения социалистической индустрии, который должен быть проработан нами в генеральном плане.

Электрификация при этом должна будет играть роль основы, организующей канвы для этих грандиозных комбинированных хозяйств.

Индустрия в первую очередь базируется на системе единого энергетического хозяйства. Промышленные предприятия получают электрическую энергию с высоковольтных линий электропередач, охватывающих отдельные районы. Предприятия самостоятельно должны иметь энергетические силовые установки лишь в тех случаях, когда они имеют внутренние энергетические ресурсы или в виде горючих отбросов или при комбинированной выработке тепла и электрической энергии. При этом укрупнение предприятий, их сооружение в комбинатах приводят к строительству настолько крупных централей, что они, соединяясь с районными сетями, приобретают роль районных станций общего пользования (станции при Магнитострое, зав. им. Дзержинского, Кемеровская станция и мн. др.).

II

Революционная перестройка сельского хозяйства ставит совершенно по-новому вопрос об его энергетике. Мы идем неизмеримо более быстрым темпом, чем можно было еще недавно предполагать, к системе крупного, индустриального сельского хозяйства. Здесь точно так же, в результате развития, мы получим хозяйственные комбинаты — агроиндустриальные комбинаты. Центральные ремонтные мастерские, машинно-тракторные станции, предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья, все это в недалеком будущем явится составными частями наших совхозов и колхозов. Эти новые агроиндустриальные комбинаты предъявят большой спрос на энергию, причем это будет уже не распыленный, а в значительной мере сосредоточенный потребитель. Агроиндустриальный комбинат будет надежным и выгодным клиентом у районной станции.

Тов. Маркевич в своей работе „Энергетика крупного сельского хозяйства и перспективы электрификации его на Сев. Кавказе“¹ пишет: „Для Сев. Кавказа состав типового комбината таков; 1) крахмалопаточный завод на кукурузе (початки идут на топливо или в силос); 2) маслобойный завод (лузга идет на топливо, а жмых для корма скоту); 3) беконный завод; 4) мясоконсервный, 5) молочная ферма; 6) инкубаторий; 7) силос; 8) мельница; 9) элеватор; 10) холодильник, 11) консервирование молока, плодов и овощей. Таковы составные части электропромкомбината. Для получения энергии используется пар, идущий на производство, а топливом являются отбросы производства: початки, лузга и солома.

Такой набор предприятий для планового работника уже говорит о многом. Подсчет потребности kwh энергии и kw мощности, которые необходимы этому комбинату, даст возможность планировать его питание от районных станций и сетей.

Энергетика в сельском хозяйстве имеет то же самое значение, что и в индустрии и транспорте. От формы и размеров энергетического хозяйства зависят формы, размеры и продуктивность сельскохозяйственного производства. Тов. Маркевич в своей прекрасной брошюре „Межселенные машинно-тракторные станции“ пишет: „От применения той или иной двигательной энергии зависит весь строй производства—организация капиталов, территории, труда, соотношение отдельных производственных отраслей, севооборот, оптимальный размер производства, товарность его и пр.“ (разрядка автора—Ю. Ф.)².

Энергетика сельского хозяйства в реконструктивный, переходный период пройдет несколько фаз. Сейчас перестройка сельского хозяйства базируется на тракторе. Тракторизация деревни является основным нашим лозунгом при переходе к крупному хозяйству. „... Самая организация современного крупного сельскохозяйственного производства (сельскохозяйственной фабрики) стала возможной только лишь после появления дешевого, прочного, легкого и универсального двигателя—трактора“³.

Но уже в настоящее время вырисовывающаяся картина реконструкции сельского хозяйства с постройкой сверхмощных совхозов и колхозов, с организацией агроиндустриальных комбинатов показывает, что энергетика такого хозяйства должна будет перерасти не только организационную форму, которую дает машинно-тракторная станция, но и вообще трактор как основную двигательную силу.

Поэтому совершенно прав тов. Маркевич, когда он рассматривает МТС как главную переходную форму энергетике к крупному сельскохозяйственному производству.

„... МТС обладает целым рядом существенных недостатков. В техническом отношении она представляет собою простую арифметическую сумму тракторов, а между тем нужны новые, более простые для ухода тракторные конструкции. В экономическом отношении она усиливает сырьевой характер района, выбрасывая на рынок необлагороженный продукт, причем вместе с продуктом выталкивает массу освобождающихся рабочих рук, не обобществляет животноводства и т. д.

¹ „Плановое хозяйство“ № 3, 1930.

² А. Маркевич. Межселенные машинно-тракторные станции, изд. 2 е, „Плановое хозяйство“, Москва, 1929.

³ Там же.

Недостаточная универсальность и гибкость тракторного хозяйства по сравнению с электрохозяйством, капризность двигателя, требующая массы квалифицированной рабочей силы, незначительная производительность по сравнению с электроплугом перед лицом гигантских хозяйств заставляют искать еще более совершенной технической базы, с еще большей концентрацией мощности"¹.

Тов. Кржижановский это своевременно отметил еще в предисловии к книжке т. Маркевича: „МТС есть младшая сестра и предтеча других энергетических станций, которые будут работать на полях нашей страны под электрическим приводом“.

Новое социалистическое сельское хозяйство будет электрифицированным хозяйством.

При планировании районной электрификации агроиндустриальные комбинаты будут учитываться в качестве потребителей энергии наравне с фабрично-заводскими предприятиями. Система централизованного электроснабжения распространится и на сельское хозяйство. Попутно с централизованным электроснабжением сельского хозяйства встает проблема использования энергетических отходов и отходов, которые будут получаться в огромных количествах в укрупненных сельскохозяйственных единицах. У крахмалопаточного завода на кукурузе початки явятся топливным отбросом; у маслобойного завода лужга тоже хорошее топливо. Солома также представит для нас большую проблему в смысле ее утилизации. Праб проф. Рамзин, когда он ставит вопрос об утилизации соломы как топлива для тракторов вместо бензина. Новые социалистические поселки, которые появятся с неизбежностью вслед за развитием агроиндустриальных комбинатов, потребуют совершенно новой энергетики быта. Появятся местные теплоэлектроцентрали, которые будут выгодно и экономично работать, будучи связанными с районной сетью. Невозможно в настоящее время разрабатывать план электрификации без учета тех колоссальных сдвигов, которые мы получим в результате начавшейся глубокой реконструкции нашего сельского хозяйства. Эта реконструкция приведет к необходимости включить сельское хозяйство в общую систему единого энергетического хозяйства.

III

Генеральный план развития народного хозяйства, т. е. строительство за пределами этого пятилетия, пойдет в значительной мере под знаком железнодорожного строительства. СССР занимает огромное пространство, равное $\frac{1}{6}$ земного шара. Высококалорийные энергетические ресурсы и полезные ископаемые находятся в большинстве на окраинах страны, поэтому борьба с пространством, овладение пространством является одним из основных залогов успеха социалистического строительства.

Невозможно думать, что без широко развитой сети железных, шоссейных и других дорог мы сможем осуществить идею сближения города с деревней. Создание агроиндустриальных комбинатов, новых социалистических поселков абсолютно невозможно, если не будут построены надлежащие пути сообщения. В генеральном плане мы будем строить большие железнодорожные пути, сверхмагистралы и пр.,

¹ Маркевич, цит. статья.

которые должны будут соединить, связать в один узел центр с окраинами. Наши минеральные, сырьевые, энергетические и пр. ресурсы должны быть приближены друг к другу при помощи сильного и хорошо организованного транспорта. В этом отношении должны быть проработаны смелые и широкие проекты. Первой пятилеткой мы завоевываем прочные позиции в металлургии и машиностроении, базирясь на которых можно развертывать транспортное строительство.

Новое строительство индустрии в виде крупных предприятий, больших комбинатов создаст сосредоточение больших грузовых потоков, что даст новую картину техники и экономики транспорта. В Кузнецком бассейне например проектируются большие шахты с добычей до 7 млн *t* каждая; вывозка таких количеств угля потребует электрификации основных вывозящих путей. Здесь количество повлечет за собой качество. Рационализация хозяйства транспорта и главное—рационализация его энергетики выдвинут на первый план задачу широкой электрификации транспорта. В этом отношении часто, пренебрегая данными расчетов о коммерческой выгодности, с сравнительной величиной капитальных затрат, мы все же должны будем электрифицировать наши железные дороги, чтобы получить их оптимальные энергетические показатели.

Рационализация энергетики транспорта связывается с его электрификацией, а это в свою очередь поставит по-новому целый ряд вопросов энергетического хозяйства всей страны. Если в настоящее время транспорт, базирующийся на паровозе, стоит в известном смысле особняком в отношении энергетического хозяйства, то дальнейшее строительство железных дорог при их электрификации увяжет энергетику транспорта в единую систему энергетического хозяйства. Сейчас транспорт, эта крупнейшая отрасль народного хозяйства, имеет свою энергетику. При планировании электрификации страны, при создании единой системы энергетического хозяйства путем объединения отдельных районов мы стремимся получить наибольшую экономию в мощности. Мы хотим добиться максимальной эффективности энергетических установок. Мы хотим добиться, чтобы наши крупнейшие районные станции работали наибольшее количество часов в году. Мы уже не удовлетворяемся их работой в 4 тыс.—4 500 часов в году, мы хотим большего. Вводя пар высокого давления и перегрева и целый ряд других усовершенствований, мы стремимся увеличивать на единицы процентов коэффициент полезного действия установок. Транспорт же имеет свою энергетическую базу в виде большого числа паровозов, которые варварским образом используют топливо. Что собой представляет паровоз? Это—паровая станция на колесах с исключительно низким коэффициентом полезного действия, станция, которая используется очень немного дней в году, но которая находится под паром и тогда, когда работает, и тогда, когда не работает. Электрифицированный транспорт, включенный в общую систему энергетического хозяйства, повысит свой энергетический коэффициент полезного действия.

В генеральном плане мы должны учитывать необходимость реконструкции транспорта, с тем чтобы его энергетику включить в общую систему единого энергетического хозяйства страны.

Таким образом социалистическое хозяйство как хозяйство плановое, подчиненное единству воли во всех своих частях—индустрия, сельское хозяйство и тран-

спорт—должно базироваться на единой системе энергетического хозяйства. Энергетическое хозяйство — наиболее капиталоемкая отрасль. Система единого хозяйства дает возможность наибольшей экономии в затратах капитала и в эксплуатационных издержках. Отсюда при построении генерального плана мы должны стремиться к охвату системой единого энергетического хозяйства всех отраслей народного хозяйства. Вышеописанные тенденции развития основных отраслей народного хозяйства дают к этому полные возможности и с точки зрения техники и с точки зрения экономики. Энергетика—это ведущее, организующее звено—явится в генеральном плане решающим рычагом в осуществлении грандиозных конструктивных задач. Энергетическое хозяйство, охватывая единой системой все отрасли производства, а также транспорт и связь, обеспечит самые широкие возможности для осуществления любых узоров социалистического строительства. В этом заложены и максимальные возможности мобилизации, маневрирования и максимальная экономия трудовых затрат, а это является решающим фактором в социалистическом хозяйстве.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ

Вначале уже указывалось, что нет необходимости при разработке генерального перспективного плана задаваться точными сроками его выполнения. Целесообразнее наметить ориентирующую перспективу на ближайшие 10—15 лет. Такая постановка вопроса позволяет на основании определенных соотношений наметить грубо-ориентировочные количественные показатели по основным отраслям народного хозяйства. Эта наметка, давая порядок величин для развития металла, топлива, электроэнергии, облегчает решение чисто конструктивных проблем в выполнении плана.

Конец текущей пятилетки даст нам примерно 15—17 млн. *т* металла, 150 млн. *т* топлива и около 25—30 млрд. *kwh* электроэнергии при примерно 7—9 млн. *kw* мощности. Если попытаться сделать наметку динамики развития этих основных отраслей, то можно получить грубо-ориентировочно следующую картину ¹:

	1932/33	Первые 5—7 лет	Вторые 5—7 лет
Металл	15—17 млн. <i>т</i>	30 млн. <i>т</i>	50 млн. <i>т</i>
Топливо	150 „ „	300 „ „	500 „ „
Электрич. энергия . .	25—30 млрд. <i>kwh</i>	100—125 млрд. <i>kwh</i>	200—250 млрд. <i>kwh</i>
Мощность эл. станции .	7—9 млн. <i>kw</i>	25—30 млн. <i>kw</i>	40—50 млн. <i>kw</i>

ПРОБЛЕМА ТОПЛИВОСНАБЖЕНИЯ И НОВАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ ГЕОГРАФИЯ

Задача отыскания оптимальных форм конструктивного решения строительства в генеральном плане, исходя из вышеуказанных качественных и количественных показателей, а в особенности при проектировке строительства энергетического хозяйства, требует прежде всего правильного подхода к разрешению проблемы топливоснабжения.

¹ Примерно эти данные приводил т. Г. М. Кржижановский при перспективных наметках в своей речи на съезде плановых работников.

Вопрос о топливоснабжении является актуальным и для решения проблем строительства в пределах текущего пятилетия. Мы запоздали с развитием Донбасса и Кузбасса, мы запоздали с транспортным строительством. Развивающееся хозяйство испытывает перебои в снабжении топливом. В результате наблюдается большой общественный интерес к максимальному использованию местного топлива. Разными учреждениями и лицами предлагается освободить в максимальной степени транспорт от топливных перевозок и заменить дальнепривозное топливо местным. Мысль об использовании местного топлива безусловно правильна. Но необходимо найти оптимальные пределы и формы для этого дела.

Здесь необходим точный технико-экономический анализ. Всякое решение на глазок, с плеча, может завести очень далеко и вызвать значительные излишние затраты.

Большое внимание этому было уделено на имевшей место в марте с. г. I Всесоюзной топливной конференции. Решения ее по этим вопросам в высшей степени поучительны. На этой конференции мною были доложены результаты работы комиссии, которая проработала технико-экономические показатели по различным видам топлива как в отношении капитальных затрат, так и в отношении себестоимости. Здесь будет небезынтересно привести некоторые из полученных выводов, которые в общем и целом были одобрены конференцией.

Какие местные топлива мы можем иметь в виду? Почти для всех районов—торф, для Московской области и смежных с ней районов—подмосковный уголь, для Ленинграда, Среднего Поволжья—сланцы, для Урала—кизеловский и челябинский угли.

Технико-экономические показатели по этим видам топлива взяты в сравнении с донецким углем (главным образом антрацитом) и с кузнецким углем. Для указанных видов топлива были проработаны и выявлены данные в отношении целого комплекса вопросов,—запасы, возможная максимальная добыча по годам, капитальные затраты на 1 т добываемого топлива, себестоимость топлива, транспортные расходы, расходы по облагораживанию и т. д.

Сводные данные о капитальных затратах для добычи топлива дает следующая таблица:

Полные капитальные затраты при учете добычи, внутрирайонного транспорта и электроснабжения от ГЭС

	Добыча	Внутренний транспорт по району	Электроснабжение от РЭС	Всего на 1 т год. добычи натур. веса	Всего на 1 т усл. топлива	Примечание
Кузбасс . . .	16,0	0,50	1,00	17,50	17,50	
Донбасс . . .	21,0	2,50	1,50	25,00	25,80	
Челябинск . . .	17,30	(0,20)	1,00	18,50	26,00	
Кизел . . .	20,0	0,50	1,40	21,90	27,00	
Сланцы . . .	11,50	(0,20)	1,00	(12,70)	(29,60)	при 0—3 т. cal
Подм. бассейн	11,50	0,50	1,00	13,00	30,40	
Торф . . .	19,00	8,00	1,80	28,80	62,50	средн. по всей добыче

В этой таблице обращает на себя внимание дороговизна капитальных затрат на добычу торфа—62,5 руб. на тонну условного топлива против 17,5 для кузнецкого угля и 25 рублей для донецкого.

Подмосковный уголь и сланцы (при анализе сланцев в расчет принимались лишь очень приближенные данные об одних гдовских месторождениях) дают затраты вдвое меньшие, чем торф.

Внутренний транспорт по району для Донецкого угля составляет значительную величину—2,5 руб. на 1 т, в то время как в других угольных бассейнах эти затраты составляют всего лишь 0,5 руб., снижаясь для челябинских углей до 0,2 руб.

Эти же затраты на внутренний транспорт для торфа вырастают в огромную сумму в 8 руб. на 1 т. Эти затраты на транспорт для торфа в значительной мере и обуславливают такую высокую удельную стоимость капитальных затрат.

Интересно сравнить размер капитальных затрат на 1 т топлива франко-район потребления:

Капитальные затраты на т франко-район потребления

	Добыча	Ж.-д. транспорт	Всего	В пересчете на 1 т усл. топл.
1. Донбасс:				
Москва . . .	25	16,8	41,8	43,10
ЦПО	25	$\frac{21,2}{16}$ ⁷	$\frac{46,2}{41}$	47,6
Ленинград .	25	$\frac{23,6}{17,8}$	$\frac{48,6}{42,8}$	50,1
2. Подмосковн.:				
Москва . . .	13	6,4	19,4	44,4
Ярославль .		9,5	22,5	50,1
Газопров. . .				194,5
3. Торф ЦПО				
Ленинград .	28,2	2,6	30,8	66,9
Урал				222
Газообrab. .	12,7	6,2	18,9	45,2
Сланец . . .				
Кизел.	21,9	15,75	37,65	46,0
Свердловск .				
Кузнецкий Свердловск .	17,5	19,4	36,9	36,9

⁷ Цифры в знаменателе относятся к затратам на ж.-д. транспорт при сверхмагистрале.

Эта таблица является условной. Хотя коэффициент полезного действия котельной для расчетных топлив при современной технике сжигания колеблется незначительно—плюс, минус 2%, но различная калорийность этих топлив вызывает различные расходы по развозу, хранению и пр. Все же условные величины этой таблицы являются показательными.

В районе Москвы и частично б. ЦПО капитальные затраты на добычу и ж.-д. транспорт почти одинаковы для донецкого и подмосковных углей. Капитальные затраты на ж.-д. транспорт для торфа принимались из расчета его перевозок на расстояние в среднем в 100 км, и в данном случае торф требует больших затрат, по сравнению с углем, и для Москвы и для Ленинграда.

Гдовский сланец требует меньше затрат на 1 т условного топлива в Ленинграде, чем донецкий уголь. Исключительно высоких затрат требует одна тонна условного топлива в виде газа, полученного как из торфа, так и из подмосковного угля. Эти затраты более чем в 4 раза, превышают таковые же для самого торфа или подмосковного угля и почти в 5 раз выше затрат для донецкого угля.

Себестоимость добычи различных топлив характеризует следующая таблица:

	На месте добычи	Фр.-вагон ст. отправл. на линии жел. дор.	Проценты на капит. (6%)	Полн. стоим. с % на капитал на 1 т натуральн. веса	То же на 1 т условного топлива
1. Донецкое (уголь и антрацит) . .	—	7,50 ⁸	1,26	8,76	9,00
2. Кузнецкое. . .	—	4,95 ⁹	0,96	5,91	5,90
3. Кизеловск. . .	—	5,40	1,20	6,60	8,15
4. Челябинск. . .	—	5,90	1,04	6,94	10,35
5. Подмоск. . . .	—	4,20	0,69	4,89	10,70
6. Сланцы	—	6,00	(0,6)	6,60	15,50
7. Торф	6,10	8,60 ¹⁰	1,62	10,22	22,40

Из этой таблицы видно, что самым дешевым топливом у нас является кузнецкий уголь, который дает стоимость в 5 руб. 90 к. за 1 т условного топлива. Самым же дорогим топливом является торф.

Торф требует больших капитальных затрат и дает самую высокую себестоимость. Характерно отметить, что наименьшую себестоимость за 1 т натурального топлива показывает подмосковный бассейн—4 руб. 20 к. Однако низкая калорийность подмосковного угля дает стоимость его при пересчете на условное топливо в 10 руб. 70 к., т. е. подмосковный уголь, давая самую дешевую натуральную т, является самым дорогим из всех углей СССР.

⁸ Кроме коксовых углей.

⁹ Без шахт „гигантов“.

¹⁰ Франко-линия ж.-д. или склад потребителя.

Интересные данные получаются, если к себестоимости m топлива прибавить расходы на транспорт и на обслуживание котельных установок. Таким образом мы получим полную себестоимость 1 m топлива франко-топка.

Полная стоимость 1 m топлива франко-топка

	Москва	Ленинград
1. Донецкое топливо		
а) При перевозке по сущ. ж. д.	23,80	28,90
б) „ „ по магистрали	18,40	23,20
2. Кузнецкий	32,80	—
3. Подмосковный уголь		
Натуральный вес	12,40	--
По эквив. на 1 m донецкого.	28,10	—
Газ. по дальн. газопроводам по эквивал. на 1 заменяемую m донецкого топлива.	67,00	
4. Торф		
Натуральный вес	16,00	16,00
По эквив. на 1 m донецкого.	35,00	35,00
Торфян. газ. по эквивал. на 1 m замен. топлива.	67,50	63,0
5. Сланцы		
Натуральный вес		14,20
По эквивал. на 1 m донецкого.		34,40

Эта таблица точно так же дает показатели, неблагоприятные для торфа. Стоимость 1 m натурального веса торфа франко-топка в Москве составляет 16 руб.; в пересчете же на условное топливо эта стоимость возрастает до 35 руб., превышая все другие сорта топлива, в том числе и кузнецкий уголь, стоимость которого достигает 32 р. 80 к. Высокая себестоимость торфа уступает лишь газу, себестоимость которого выражается исключительно крупной суммой в 67 руб. в пересчете на 1 m условного топлива.

Почти аналогичная картина получается и для Ленинграда, где высокая стоимость торфа конкурирует с таковой же у сланцев. 1 m сланцев при пересчете на 1 m донецкого топлива (т. е. почти на условное) стоит 34 р. 40 к.

Если из капитальных затрат на добычу выделить расходы на оборудование, транспорт и электроснабжение, то получим следующую картину.

Затраты по оборудованию, внутр. транспорту и электроснабжению на 1 годовую *m*

	Механ. электрооборудование на 1 <i>m</i> год. добычи		Внутр. транспорт в раб. на 1 <i>m</i> год добычи		Электроснабжение от ГЭС в раб. на 1 <i>m</i> год. произв.	
	нат. вес	усл. вес	нат. вес	усл. вес	нат. вес	усл. вес
А. Добыча						
1. Донбасс.	5,50	5,70	—	—	1,50	1,55
2. Кузбасс.	4,50	4,50	—	—	1,00	1,00
3. Кизел.	5,50	6,80	—	—	1,40	1,75
4. Подмоск. бассейнов.	3,70	8,10	—	—	1,00	2,20
5. Торф (средн. по разн. способ.)	8,20	18,00	8,10	17,50	1,80	3,95

Эта таблица показывает, какое большое превышение расходов на оборудование, внутренний транспорт и электроснабжение предъявляет торфодобыча по сравнению с добычей углей. Если взять на *m* условного топлива, то эти расходы составят $18 + 17,50 + 3,95 = 39,45$ руб. против 6,35 руб. для Донецкого, 5,50 руб. для Кузнецкого и 10,30 руб. для Подмосковного бассейнов.

Эти цифры показывают, что развитие в значительных размерах торфодобычи предъявит исключительный спрос к металлу, машиностроению и мощности электростанций.

Наши высококалорийные угли, являющиеся транспортабельным топливом, расположены далеко на окраинах и требуют крупных капитальных затрат на транспорт для своей доставки. Низкокалорийные же топлива, расположенные в сравнительно небольших расстояниях от районов потребления, почти совершенно не могут быть рентабельно доставлены по железным дорогам. Подмосковный уголь не допускает перевозок свыше 200—250 км, а торф почти совершенно не выдерживает перевозок по железным дорогам.

Желание повысить теплоплотность топлива и тем самым получить продукт, допускающий более или менее значительные транспортные перевозки, приводит к проблеме облагораживания низкокалорийных топлив. Таким облагораживанием для торфа является брикетирование, изготовление торфяного кокса и газификация. Для подмосковного угля—сортировка, полукоксование и газификация.

Рассмотрим технико-экономические показатели для брикетирования и коксования торфа и для дальнего газоснабжения от подмосковного угля и торфа. Эти виды облагораживания имеют в настоящее время наибольший интерес.

Торфяной брикет имеет теплотворную способность 4 100 кал. 1 *m* брикета заменяет 1,3 *m* кускового торфа и 0,58 *m* антрацита. Размер капитальных затрат в пересчете на *m* брикета составит для брикетов 76,5 руб., для кускового торфа—37 руб. и для антрацита—25,5 руб. В эти 25,5 р. капитальных затрат для антрацита включены расходы

по сооружению сверхмагистрали Донбасс—Москва. Полная себестоимость с процентами на капитал у потребителя получится для брикетов 30,3 руб. при пересчете на *m* бrikета для торфа и антрацита получим 23 и 14,2 или 11,25. Две цифры для антрацита объясняются подсчетом при существующей связи с Донбассом и при сверхмагистрали. Дрова при таких же условиях стоят при влажности в 25% 24,3 руб. и при 30%—27 руб.

Таким образом конкурентом торфяному брикету является прежде всего сам торф. Брикетирование требует сравнительно крупных капитальных затрат и дает топливо, не могущее конкурировать ни с кузовым торфом, ни с дровами, ни тем более с донецким углем.

1 *m* торфяного кокса заменяет 0,8 *m* кокса донецкого и кузнецкого и 1 *m* древесного угля. Сравнительно капитальные затраты при пересчете на 1 *m* торфяного кокса выражаются: для торфяного кокса—134 руб., для донецкого—60 руб., для кузнецкого—48 руб. и для древесного угля—36 руб. Полная стоимость кокса франко-склад потребителя, принимая во внимание перевозки: для торфяного кокса—150 км, для донецкого—1100 км и для кузнецкого—2150 км,—соответственно составит при пересчете на 1 *m* торфяного кокса—39,60 р., 22,80 р. и 18,50 р. Если рассчитать стоимость донецкого кокса при перевозке его по сверхмагистрали, то его стоимость в Москве вместо 22,80 руб. составит лишь 19,60 руб. Древесный же уголь стоит 26 р. за 1 *m*.

Для выяснения экономичности дальнего газоснабжения сравним данные, полученные на основании проектных разработок Москвугля и Союзторфа.

Газопроводы Бобрики—Москва 235 км и Оршинский Мох—Москва 160 км.

	Подмоковн. уголь	Торф
1. Расход топлива на газификацию	960 тыс. <i>m</i>	750 тыс. <i>m</i>
2. Произв. газа	600 мм ³	600 мм ³
3. Теплотворн. способн. 0, в/р	3 800 cal	2 800 cal
4. Соответственное количество донецкого угля	420 тыс. <i>m</i>	300 тыс. <i>m</i>
5. Энергетическ. к. п. д.		
а) всей газовой перед.	0,38	0,39
б) то же—твердого топлива.	0,54	0,52
6. Стоимость газа		
а) в Моск. кольце	4,1 км ³	2,8 км ³
б) у потребит. в Москве	4,6 "	3,3 "
7. Капит. затраты по газ. уст.	54,0	36,8
" " по добыче топл.	18,9	22,7
" " на электроснаб.	9,9	7,2
Всего капит. затрат (до Московского кольца)	81,8	66,7
8. Капит. затраты на 1 <i>m</i> заменяемого донтоплива	194,5	222 руб.

Эта таблица чрезвычайно показательна. Энергетический коэффициент полезного действия (к. п. д.) газовой передачи очень низок—

0,38—0,39 против такового в 0,54—0,52 для твердого топлива. Капитальные затраты вырастают до огромных размеров в 194,5 руб. и 222 руб. на m заменяемого донецкого топлива. Такой размер затрат, как уже было указано, в 4—5 раз превышает затраты, необходимые для того, чтобы добыть эквивалентное количество донецкого топлива и подвезти его на сверхмагистрали.

Интересен подсчет расходов металла на сооружение газопровода и железнодорожного пути. При сооружении однопутной линии Донбасс—Москва общий расход металла для перевозки 1 млн. m в год составит 16 100 m . При сооружении же газовой установки, газгольдеров и газопровода на эквивалентный 1 млн. m заменяемого донецкого топлива получим расход металла 109 400 m , что дает повышение почти в 7 раз. Все эти сравнительные данные показывают явную нецелесообразность вложения средств в дальние газопроводы.

Указание на практику Америки и Германии, где широко развивается строительство дальних газопроводов, для нас не убедительно. Америка развивает дальней газоснабжение главным образом за счет естественного газа, стоимость которого практически может быть принята равной нулю при теплотворной способности в 12 тыс. cal m^3 . В Германии по газопроводам транспортируется по преимуществу коксовый газ. И в том и в другом случае экономика резко отличается от таковой у нас, производящих искусственный газ с низкой теплотворной способностью. Рационализация энергетического хозяйства таких центров, как Москва и Ленинград, выдвигает в порядок дня нашего строительства задачу газоснабжения. Но газоснабжение здесь дешевле и экономичней организовывать при постройке газовых заводов в непосредственной близости у городов при подвозке подмосковного угля к Москве и гдовских сланцев к Ленинграду.

На основании вышеприведенных данных можно сделать следующие выводы.

Подмосковный уголь целесообразно развивать добычей до размеров, какие только можно обеспечить наличием разведанных запасов и соответствующих шахтных полей. Необходимо широко внедрить его в потребление в Московской области и в прилегающих к ней районах в радиусе 200—250 км от мест добычи угля. Перевозка подмосковного угля за эти пределы становится нерентабельной. И по капитальным затратам, и по себестоимости, и по количеству необходимого подвижного состава подмосковный уголь не может конкурировать с донецким топливом при перевозках свыше этих 200—250 км. При использовании подмосковного угля необходимо широко поставить работы с полукоксованием и получением смолы. Газифицировать подмосковный уголь целесообразнее, подвозя его к месту потребления. Снабжение Москвы газом целесообразно организовать за счет подмосковного угля, но при подвозе его к Москве без сооружения дальнего газоснабжения.

Торф невыгодно перевозить по железной дороге. Облагораживание торфа путем изготовления из него брикетов или кокса не дает возможности получить дешевое топливо, которое было бы возможно рентабельно перевозить на расстояния даже в 100—150 км.

Торф должен быть использован на месте его добычи. Сжигание торфа в кусках на решетках или во взвешенном виде под котлами, производится настолько хорошо, с таким сравнительно высоким к.п.д., что не приходится искать для этого каких-либо способов облагоражи-

вания. Наиболее целесообразно и с максимальной эффективностью торф может быть использован для электроснабжения в зависимости от местных условий или на крупных станциях порядка 200—300 и более тыс. kw, или на одномашинных установках, расположенных у самых разработок. Эти станции ранее чем где-либо в других местах должны строиться с применением новейших достижений энергетической техники,—высокое давление и перегрев и т. д. Торф—дорогое топливо, и мероприятия, способствующие снижению его удельных расходов, прежде всего оправдают себя именно на торфяных станциях. В районах наличия торфяных залежей необходимо выявить перспективно на ближайшие 10—15 лет потребности в электроснабжении и забронировать торф для будущих электростанций. Если при этом торф окажется в избытке, следует подсчитать—нельзя ли экспортировать из данного района электроэнергию по проводам в соседние районы; лишь после этого можно ставить вопрос об использовании торфа для других целей. Целесообразно на отдельных торфяных массивах сосредоточить энергопромышленные комбинаты, чтобы иметь возможность одновременно получить от торфа и тепловую энергию и электрическую как отбросную, т. е. заставить торф работать энергетически как бы 2 раза. Кроме того такие комбинаты должны включать предприятия и по химической переработке торфа.

Некоторые товарищи в результате полученных цифр, характеризующих торф как дорогое топливо, предлагают совершенно отказаться на ближайшее время от использования торфа. Они настаивают на сооружении и электростанций на привозном топливе, мотивируя это тем, что отказ от использования торфа повлечет за собой большую эффективность вложения капиталов и больший темп электрификации СССР.

Необходимо констатировать, что использование торфа для электроснабжения со многих точек зрения представляется безусловно выгодным. Электростанция—капиталоемкое сооружение. Поэтому сравнительно высокие капитальные затраты на торфодобычу не ложатся таким большим процентом, как при других сооружениях. Анализ себестоимости электроэнергии на торфяной электростанции и на привозном донецком угле дает небольшие отклонения. Торфяная станция обходится дороже угольной примерно на 15%. Эти 15% стоит переплатить, принимая во внимание, что район получает энергетическую базу, обеспеченную местным топливом. В дальнейшем необходимо иметь в виду развитие фрезерного торфа, что значительно снизит и капитальные затраты и себестоимость. Торф является надежным и хорошим топливом для электроснабжения. Хуже обстоит дело, когда за счет торфа хотят покрывать другие потребности в топливе.

Кизеловский и челябинский угли в главной своей массе должны быть использованы как энергетическое топливо. Урал имеет все основания для очень интенсивного развития, и энергетическая база для этого развития должна быть обеспечена. Надежней и экономически более целесообразно уральскую металлургию снабжать коксом, главным образом за счет кузнецких углей.

Необходимо до максимальных пределов развить сланцы как под Ленинградом, так и в Поволжье, причем использование сланцев должно идти безусловно по линии сооружения энергохимических комбинатов.

Эти выводы дают вполне определенные размеры и формы использования местных топлив. Как выше было указано, в перспективе

10—15 лет размеры топливодобычи должны возрасти до 500 млн. *т*. Из этого количества за счет местных видов топлива возможно получить 100—150 млн. *т*, учитывая при этом значительное развитие торфодобычи и подмосковного угля. Таким образом останется крупная цифра, примерно в 350 млн. *т*, которую необходимо будет добывать в двух наших основных угольных районах—Донбассе и Кузбассе. К этому времени удельный вес этих двух районов в отношении топливоснабжения Союза будет примерно одинаков. Трудно сейчас сказать, какой из них будет впереди, но все говорит за то, что Кузнецкий бассейн чрезвычайно быстро обгонит в своем развитии Донбасс.

Социалистическое народное хозяйство будет питаться 200 млн. *т* топлива из Кузнецкого бассейна, что составит 40% всего потребляемого топлива в стране. Такое значительное развитие Кузнецкого бассейна должно повлечь за собой необходимость сосредоточения целого ряда новых производств в непосредственной близости от Кузнецкого бассейна. Кузнецкий уголь необходимо сделать для целого ряда производств местным топливом, а это диктует необходимость изменения промышленной географии. В генеральном плане необходимо запроектировать значительный сдвиг промышленного строительства из старых районов. Необходимо энергично идти в новые районы—на Урал, за Урал в Кузнецкий бассейн. Эта перспектива диктуется с настоятельной необходимостью как прямое следствие из анализа вышеприведенных данных.

Сибирь с ее Кузнецким бассейном обладает неисчерпаемыми богатствами. Там имеются и колоссальные запасы топлива и большие запасы водной энергии и множество различных полезных ископаемых. Развертывая строительство индустрии, проектируя развитие социалистического хозяйства, мы должны в максимальной степени мобилизовать все те резервы, которые хранятся в Сибири. Российский капитализм совершенно не подготовил для социалистического строительства Сибирь. Поэтому необходимо будет осваивать ее нам целиком и полностью самим.

Однако необходимо со всей определенностью установить, что сдвиг строительства на восток—на Урал и за Урал—будет, естественно, сопровождаться и дальнейшим развитием так называемых старых районов. Те исключительные темпы, при которых мы строим нашу индустрию, желание догнать и перегнать в исторически кратчайший срок капиталистические страны Запада и Америки будут заставлять в значительной мере развивать строительство индустрии и в старых районах. Совершенно ясно, что, опираясь на старые центры накопленной культуры, технических знаний и квалифицированных кадров, мы скорее сможем добиться определенных завоеваний в этой области, чем если бы мы все наше новое капитальное строительство сейчас перебросили в Сибирь. Это обстоятельство ни в каком случае нельзя упускать из виду.

Помимо этого необходимо иметь в виду, что не одно только топливо определяет географию размещения новых предприятий. Есть целый ряд других предпосылок для решения вопросов об оптимальном выборе места для тех или других производственных предприятий. Есть целые районы в СССР, представляющие собой чрезвычайно благоприятные условия для развития индустрии, но не имеющие своих топливных ресурсов. Напр. Нижегородский и Сталинградский

районы на Волге имеют все предпосылки для интенсивного развития индустрии, однако они должны питаться привозным топливом.

Все это говорит о том, что, несмотря на усиленное строительство в районах с наличием больших количеств топлива, мы будем одновременно строить хозяйственные предприятия и в тех районах, которые своего топлива не имеют. Большие потоки топливных грузов из Кузнецкого бассейна и из Донецкого бассейна неизбежны. Это положение с особой настойчивостью выдвигает задачу скорейшего и наиболее полного разрешения транспортных проблем в связи с перевозкой топлива. Никакие чрезвычайные расчеты на использование местных топлив, никакие „газопроводы“ и „электропроводы“ с большими или меньшими капитальными затратами не снимут первоочередной задачи установления надежных связей различных районов СССР при посредстве мощных железнодорожных линий.

Некоторые товарищи никак не могут усвоить эту простую и естественную мысль о необходимости скорейшего сооружения прочных связей между отдельными районами в нашем Союзе, который занимает огромное пространство в одну шестую часть земного шара. Указывая при этом на авторитет Маркса и Энгельса, которые требовали уничтожения противоречий между городом и деревней, эти товарищи хотят отмахнуться от большой проблемы.

Тов. Бессонов в своих выступлениях на Топливной конференции совершенно правильно ставил вопрос о новом размещении промышленности, о сдвиге строительства в новые районы; однако он недоучитывал и необходимости из-за достижения намеченных темпов сооружать предприятия, особенно машиностроительные, в старых центрах накопленной культуры, и неизбежности значительных топливных перевозок в районы, не имеющие своих энергетических ресурсов.

Правильно ставя проблему о новой промышленной географии, тов. Бессонов делает большую ошибку, когда думает, что, выполняя программу социалистического строительства о ликвидации противоречий между городом и деревней, ослабляя относительное значение таких промышленных центров, как Москва и Ленинград, можно снять со счетов целые районы и отказаться от предстоящих перевозок к ним топлива.

„Начиная с „Коммунистического манифеста“, — говорит Бессонов, — опубликованного в 1848 г., где впервые выставлено требование уничтожения противоположности между городом и деревней, до „Анти-Дюринга“, выпущенного в 1887 г., и до конца своих дней Энгельс проповедывал ту мысль, что большие крупные города, средоточие так называемой капиталистической культуры, должны быть уничтожены пролетариатом, который приходит на смену капиталистическому строю и начинает вести хозяйство. „Цивилизацией, — писал Энгельс, — было оставлено нам в лице крупных городов наследие, покончить с которым будет стоить много труда и усилий, но с ним покончить необходимо, хотя это и будет очень продолжительный процесс“¹¹.

На этом основании т. Бессонов „московскую печку“ хочет передвинуть к топливу, выкинуть Москву и Ленинград как „потребительские точки“ топлива и даже попытку подсчитать, как же экономич-

¹¹ См. речь т. Бессонова на Топливной конференции, „Материалы Всес. топливной конференции“, т. III, Планхозгиз, 1930.

ней и целесообразней снабжать эти районы топливом, называет „центрографией“. Причем предлагается эту печку передвинуть даже в пределах текущего пятилетия, хотя Энгельс в приведенной самим т. Бессоновым цитате предупреждает, что это „будет очень продолжительный процесс“.

Нет никакого сомнения, что в разрезе генерального плана при осуществлении социализма мы должны будем уничтожать противоречия между городом и деревней. Создание агроиндустриальных комбинатов и новых социалистических поселков даст новые образцы строительства. Но ошибочно думать, что ликвидация таких крупных городских центров, как Москва и Ленинград, снимет задачу снабжения топливом европейской части нашего Союза. Можно ли полагать, что при развитии индустрии в таких крупнейших районах, как Северный, Московский, Ивановско-Нижегородский, Нижневолжский и др., размеры развития социалистического хозяйства мы ограничим лишь наличием местных энергетических ресурсов, которые имеют эти районы. Так проектировать генеральный план абсолютно недопустимо. Невозможно социалистическое строительство в этих крупнейших районах европейской части нашего Союза посадить на энергетический паек сланцев, торфа и подмосковного угля. Создавать своеобразную замкнутость районов абсолютно недопустимо. Эта установка идет коренным образом в разрез с понятием социалистического хозяйства, с социалистическим разделением труда между отдельными районами, с установлением прочной связи между ними, с осуществлением межрайонного взаимодействия.

Первая Всесоюзная топливная конференция при обсуждении этой проблемы, имеющей исключительное значение для развития народного хозяйства, дала правильную перспективу в своей общей резолюции.

Ввиду огромного интереса и важности этой проблемы приведем соответствующую часть данной резолюции:

„...ВТК считает правильной народнохозяйственной установкой построения топливного плана и укрепления всей энергетической базы Союза—широкое развитие местных топлив с резким повышением их удельного веса в топливном балансе, особенно районов с дальнепривозным топливом. Наряду с использованием местных топлив должно пойти форсирование применения отбросов.

Для широкого вовлечения в топливный баланс страны местных топлив и в дальнейшем имеются достаточные данные, в первую очередь по линии электростроительства и создания индустриальных, агроиндустриальных и энергохимических комбинатов, имея в виду особое значение последних в деле химизации страны.

Но при этом конференция считает понимание идей широкого использования местных топлив как „самообслуживание“ и „замыкание районов в себе“ в корне неправильным. Такое понимание может вступить в противоречие с основными установками индустриализации страны и привести к демобилизационным тенденциям в отношении развития основных топливных баз Союза и транспорта.

4. Выдвинутый еще планом ГОЭЛРО принцип размещения промышленности непосредственно или вблизи энергетических и сырьевых баз с дальнейшим сдвигом на восток конференция считает совершенно правильным и решающим для дальнейшего строительства социалистического хозяйства.

Но при громадном и быстром росте народного хозяйства будет идти развитие и старых районов, хотя и в замедленных темпах, а с другой стороны, ряд отдельных районов, не обладая собственными крупными топливными базами, имеет другие достаточно существенные предпосылки для своего индустриального и агроиндустриального развития (высокий уровень технической специализации, кадры и пр.).

Поэтому не только для удовлетворения конъюнктурных потребностей настоящего времени, но и, в особенности, учитывая дальнейшие перспективы при исключительно высоких темпах развития народного хозяйства, перевозки крупных количеств топлива (конечно высоко-сортного) на далекие расстояния будут неизбежны, даже при максимально возможных темпах развития местных ресурсов топлива.

Принимая во внимание, что для решения топливных проблем уточнение основ размещения промышленности и сельского хозяйства имеет громадное значение, ВТК указывает на желательность созыва в кратчайший срок специальной конференции по этому вопросу.

5. ВТК особенно подчеркивает, что уже в настоящее время нельзя недооценивать той громадной роли, которую должен занять Кузбасс в хозяйстве Союза. А для этого в первую очередь нужно осуществить преодоление пространства, отделяющего его от жизненных центров Союза, и взять надлежащий темп подготовки к его широкому развитию.

Но этим не снимается и другая актуальная задача о развитии и связи Донбасса с питаемыми им пунктами европейской части Союза.

6. Конференция считает, что правильное и своевременное решение транспортно-энергетической проблемы, обуславливающее одновременно тесную экономическую связь отдельных районов, уже в данный момент приобрело исключительную актуальность, и полагает, что наиболее целесообразной формой перевозок топлива на далекие расстояния (как часть общей народнохозяйственной проблемы) является концентрация грузовых потоков, имеющая в своей основе минимум народнохозяйственных издержек¹².

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕСТНЫХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

Как выше было указано, централизованное электроснабжение распространится на все главнейшие отрасли народного хозяйства. Единая энергетическая система, комбинированно вырабатывающая электрическую и тепловую энергию, охватит все народное хозяйство. Электрификация таким образом явится основой в рационализации организационных форм и процессов производства как в индустрии, так на транспорте и в сельском хозяйстве.

Энергетическое хозяйство страны в генеральном плане само может быть организовано оптимально рационально, как и в проектировках ГОЭЛРО, базируясь на электрификации.

Одним из существеннейших вопросов энергоснабжения является баланс энергетических ресурсов. Электрификация дает возможность в этом отношении в максимальной степени использовать местные энергетические ресурсы, местное топливо и водные силы.

¹² См. резолюция I Всесоюзной топливной конференции, „Материалы Всесоюзной топлив. конференция“, т. III, Планхозгиз, 1930.

Ориентировочные подсчеты показывают, что перспективы электроснабжения, в их проектировке в генеральном плане, в основном могут исходить из использования местных энергетических ресурсов почти по всем районам СССР.

На топливную конференцию были представлены краткие тезисы инж. И. Сканави, которые дают ориентировочные наброски топливного баланса по отдельным районам для электроснабжения СССР в перспективе на ближайшее десятилетие. С некоторыми поправками как грубо-ориентировочное приближение эти данные могут быть положены в основу наших заданий.

Ленинградская область и Северный район.—Основными энергетическими ресурсами этих районов являются торф, сланцы, древесные отбросы и водные силы. При расчете в генеральном плане на мощность электрических станций этих районов в 3 млн. kw и при организации рационального использования водных сил, торфа и сланца можно рассчитывать, что 80% электроснабжения этих районов будет покрыто собственными источниками энергии.

Центральный промышленный район в составе Московской и Ивановской областей, Нижегородского края. Мощность электростанций этого района в генеральном плане может быть запроектирована в размере 7,5—10 млн. kw и сможет опираться на местные энергетические ресурсы в виде подмосковного угля и торфа.

Московский район, обладающий значительными запасами как торфа, так и подмосковного угля, сможет почти целиком и полностью покрыть топливом свое электроснабжение. Что же касается Ивановской области и в особенности Нижегородского края, то здесь придется применять дальнепривозное топливо.

Взятый в целом, Центральный промышленный район примерно на 60% может быть удовлетворен в отношении электроснабжения местными энергетическими ресурсами.

Центральная черноземная область своих энергетических ресурсов почти не имеет. Проектируя мощность этой области от 800 тыс. до 1 млн. kw, необходимо будет строить все электроснабжение на привозном угле: в северной части—на подмосковном и в южной—на донецком.

Средневолжский край и Нижневолжский край. Общая установленная мощность электростанций этого района может быть запроектирована в размере до 3,5 млн. kw. Средняя Волга может покрыть свою потребность в электроснабжении местными энергетическими источниками за счет сланцев и гидроэлектроэнергии, если проект Волгостроя окажется реальным.

Что касается Нижней Волги, то электроснабжение ее должно базироваться почти исключительно на привозном топливе.

Урал имеет почти все виды энергетических ресурсов: уголь, торф, нефть, древесину и водные силы. Однако запасы угля, торфа и нефти, а также и водных сил на Урале находятся в ограниченных размерах. Проектировка установленной мощности в 6—7 млн. kw в генеральном плане все же может быть покрыта местным топливом, по крайней мере процентов на 85—90. При этом кизеловский уголь должен рассматриваться главным образом как энергетическое топливо.

О Сибири говорить не приходится. Сибирь обладает неисчерпаемыми энергетическими запасами в виде различных углей и водных сил.

Северный Кавказ имеет в достаточной мере запасы угля, водных сил, нефти, газов, которые могут быть использованы для электроснабжения. Программа электрификации Сев. Кавказа, намечаемая примерно в 3,5 млн. kw, может быть полностью покрыта местными энергетическими ресурсами.

Западная область и БССР имеют энергетические ресурсы лишь в виде торфа. При форсированном его развитии мощность станции порядка 1 млн.—1200 тыс. kw процентов на 80—90 может быть покрыта местным торфом; недостающие 10—12% необходимо будет покрыть за счет привозного угля.

УССР обладает в большом количестве запасами энергии в виде каменного угля, бурых углей, водных сил и все свое электроснабжение, проектируемое в размере 7—8 млн. kw, покроеет своими собственными энергетическими источниками.

Районы Средней Азии, имеющие запасы угля и водных сил, не смогут все же обойтись собственными энергетическими ресурсами и потребуют подвоза.

Закавказские республики могут базировать свое электроснабжение на гидроэлектроэнергии. Примерно на 60—70% сможет быть покрыта проектируемая для Закавказья мощность порядка 2,5 млн. kw.

Общая выработка электрической энергии в размере около 200—250 млрд. kwh сможет быть покрыта процентов на 70 местным топливом, процентов на 15—водными силами, и лишь остающиеся 15% должны быть покрыты за счет привозного топлива.

Такая проектировка электрификации в генеральном плане, базирующаяся на местных энергетических ресурсах, требует в настоящее время усиленной подготовки, которая должна выразиться прежде всего в постановке широких изыскательских и исследовательских работ.

Мы до сих пор не знаем наших местных энергетических ресурсов, не знаем наших водных источников. Мы вообще мало знаем нашу страну.

Каждая проектировка новой станции ставит большие затруднения в отношении выбора места как в смысле топливоснабжения, так и в смысле водоснабжения.

Генеральный план потребует колоссальных строительных работ во всех районах Союза. Мы принуждены будем строить огромное количество тепловых и гидроэлектрических установок. Это обязывает прежде всего хорошо знать как энергетические источники, так и источники водоснабжения, для того, чтобы вся эта строительная программа была выполнена с наименьшими затратами и с наибольшим коэффициентом полезного действия.

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ И ПРОИЗВОДСТВО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ОБОРУДОВАНИЯ

Проблема осуществления программы строительства электрических станций в генеральном плане, общей мощностью порядка 40—50 млн. kw, выдвигает в качестве задачи исключительной важности развитие у нас энергетического машиностроения. Из предыдущего видно, что в основном электрификация будет базироваться на местном топливе. Местное топливо в большинстве случаев низкоортное и дорогое. Это обстоятельство с особой настойчивостью тре-

бует, при сооружении энергетических установок, применения в максимальной степени новейших достижений техники, которые снижают расход топлива.

Последнее время характеризуется значительными успехами в мировой энергетической технике. В некоторых областях ее происходят настолько решительные сдвиги, что они могут быть характеризованы как техническая революция.

Америка за последние 10 лет вдвое снизила расход топлива на каждый выработанный kwh. Изучая динамику развития американского электроснабжения, можно заметить, что за целый ряд лет при общем значительном росте выработки электроэнергии остается стабильным потребление топлива электрическими станциями. Если часть роста выработки дает возрастающую мощность гидроустановок, то львиная доля прироста (3 млрд. kwh) покрывается целиком экономией за счет усовершенствования энергетического оборудования.

Гидравлические турбины выполняются в настоящее время с коэффициентом полезного действия, близким к теоретическому (свыше 90%). Мощность гидравлических турбин достигает очень крупных размеров. На Днепрострое устанавливаются машины в 90 тыс. л. с., или в 62 тыс. kw каждая.

Турбины Френсиса применяются уже при напорах до 290 м. Большое распространение получают пропеллерные турбины с поворотными лопастями (Каплан) для наиболее экономичного и технически совершенного использования водной энергии при малых напорах и больших расходах. Пределы применения этих турбин все более и более расширяются, достигая уже напора в 2,2 м. Само сооружение гидроустановок, достигая исключительно крупных мощностей в 1 млн. л. с., производится с применением новейших приемов строительства, техники и новейших машин. Хорошим примером этого у нас может служить Днепрострой. Днепрострой, один из крупнейших форпостов социалистического строительства, должен явиться хорошей школой для осуществления генерального плана.

В гидроустановках получает все более широкое развитие сооружение гидравлических аккумуляторов. Гидростанция в периоды незначительного потребления энергии (новью) насосами накачивает воду в высокорасположенные резервуары, которые расходуются по мере надобности в часы наибольших нагрузок. В пределах текущего пятилетия мы по существу делаем лишь первые шаги в области гидростроительства. На Днепрострое мы мобилизовали все наши лучшие инженерные силы и привлекли американскую техническую помощь. На целом ряде других наших гидростроительств мы имеем и затруднения и ошибки. В генеральном плане нам предстоит большие гидротехнические работы, и мы должны суметь справиться с ними как в отношении изготовления основного оборудования (турбины, генераторы), так в равной мере и в отношении строительного оборудования (экскаваторы, деррики, краны и пр., заводы жидкого воздуха).

Совершенно исключительным темпом развивается за последнее время теплотехника. Быстро растут мощности котлов. Если в начале этого столетия употреблялись котлы 250 м², если еще недавно котлы 500, 750 м² считались крупными единицами, то в настоящее время применяются котлы 2 тыс., 2 500 и 3 тыс. м², достигая размера в 6 тыс. м² в одной единице.

Одновременно с размерами котлов растет съём пара с квадратного метра поверхности нагрева котла. Ещё так недавно 40 кг/м^2 считалось высоким съёмом при форсированной топке котла. Теперь практика знает котлы, дающие 100—150 до 200 кг м^2 пара в час. Американцы стремятся иметь один котел на турбину даже при агрегатах в 50—75 тыс. kw.

Все большее и большее распространение получает пылевидное отопление котлов, дающее широкие возможности в использовании низкосортных топлив, обеспечивающее применение больших агрегатов и имеющее целью ряд других технических и экономических преимуществ. Техника применения пылевидного отопления приводит к полному изменению представлений о процессах горения и в связи с этим—к совершенно новым конструкциям паровых котлов. Топка и паровой котел сливаются в одно целое. Экранированная топка становится генератором пара. Быстро растет давление и температура перегрева пара. Американская практика целиком и полностью разрешила вопрос о применении пара при давлении в 100 at и при перегреве в 400—430°C. Европейские опыты (котлы Бенсона и Лефлера) применения пара более высокого давления в 130—225 at в крупных установках в недалеком будущем вероятно точно так же дадут вполне благоприятные результаты. Осуществление плана электрификации, базирующегося на строительстве теплоэлектроцентралей, должно быть рассчитано на применение пара высокого давления.

Энергетическая установка, теплоэлектроцентраль, осуществляемая по генеральному плану, должна быть первоклассной станцией—станцией высокого давления.

Такие же успехи наблюдаются в турбостроении. Быстро растут мощности турбин. При проектировке наших последних станций мы уже стали применять как стандарт машины в 44—50 тыс. kw. Мощность отдельных агрегатов в Америке уже достигла размеров в 100, 160 и 200 тыс. kw. Совершенно очевидно, что работа мощных агрегатов экономичней и совершенней.

Рост мощностей у турбин, естественно, сопровождается ростом мощностей генераторов, причем все далее и далее повышается рабочее напряжение на клеммах генераторов. Вслед за 11 тыс. вольт появилось 13,5, затем 22 и наконец 33 тыс. вольт. Такие напряжения дают в отдельных случаях возможность передавать энергию на значительные расстояния без повышения напряжения трансформаторами, что конечно удешевляет установку.

В настоящее время ведутся большие работы во всем мире по изысканию новых конструкций выключателей. Масляные выключатели хорошо справляются со своей задачей, но они дороги, громоздки и иногда все же небезопасны. Появляется новая аппаратура, бронированная, с нейтральными газами, разрабатываются и испытываются конструкции пустотных выключателей (идея таких аппаратов как будто впервые предложена нашим инж. Вологдиным).

При развитии электрификации особое значение приобретает транспорт энергии. В настоящее время часто поднимаются споры о том, какому виду транспорта энергии необходимо отдать предпочтение. Возможны колесный и электронный транспорт, нефтепровод и газопровод.

Нефтепровод комментариев не требует. Газопровод, как это было показано выше, на далекие расстояния может быть применен лишь при передаче естественного газа и газа коксовых печей.

Электронный транспорт составляет в настоящее время по существу основу электрификации. Централизованное электроснабжение с использованием местного топлива и гидравлических сил, единая система энергетического хозяйства целиком и полностью основываются на использовании электронного транспорта. Передача энергии по проводам является одним из самых существенных звеньев техники, на которых базируется социалистическое производство.

Уже в настоящее время нужно иметь в виду передачу электрического тока, экономически целесообразную и технически возможную на следующие радиусы:

При напряж.	115 kw	—100—150	kw
"	"	154 "	—150—250 "
"	"	220 "	—250—500 "
"	"	380 "	—500—1000 "

Сейчас в лабораториях всего мира ведутся работы над осуществлением передачи энергии на очень большие расстояния при больших мощностях при помощи постоянного тока. Совершенно ясно, что разрешение задачи и полное овладение делом передачи очень больших мощностей на далекие расстояния будет доведено до конца в ближайшее время.

При разработке генерального плана электрификации будут ли конкурировать между собой колесный и электронный транспорты? Конечно в отдельных случаях придется подсчитать преимущества того или другого вида, но в подавляющем большинстве случаев по основным магистральным направлениям эти два вида транспорта энергии будут не конкурировать, а работать совместно, помогая один другому. Разве возможно электрифицировать какую-либо железную дорогу, не осуществляя вдоль ее линий электропередачи? При разработке генерального плана споры о преимуществах того или другого вида транспорта должны уступить место продуманным проектировкам их совместной работы в лучших, наиболее экономичных и целесообразных сочетаниях.

При проектировке конкретных энергетических установок придется иметь дело с различными мощностями в зависимости от района, темпов его развития и наличия топлива, а в особенности воды для охлаждения турбин. В качестве стандартных можно уже сейчас наметить мощности в размере 50, 100, 150, 200, 300, 500 и 100 тыс. kw с турбогенераторами в 25, 50, 75, 100 и выше тыс. kw.

В журнале „Электрикаль Уорльд“ опубликованы результаты анкетного опроса 18 крупнейших американских энергетиков о современных тенденциях в сооружении и эксплуатации энергетических установок и о перспективах удешевления энергии. Анкета организована редакцией журнала, а комментарии даны ее главным редактором, также известным энергетиком Л. Морроу. Этот материал представляет исключительный интерес,—он дает в самой сжатой, концентрированной форме итог всего опыта американских инженеров по сооружению и эксплуатации электрических станций. Американский опыт настолько поучителен, что, разрабатывая генеральный план, мы обязаны воспринять его и использовать максимально. Наше значительное преимущество в том, что мы переступаем через все фазы постепенного развития техники, воспринимая из мировой практики все лучшие образцы.

Резюмируя основные выводы этой анкеты, можно отметить некоторые наиболее для нас интересные данные.

При составлении своих ответов большинство инженеров исходило из предела мощности единичной станции в 500 тыс.—1 млн. kw с 6—10 агрегатами.

Большинство авторов высказывается за сооружение станций по принципу «единых агрегатов», т. е.—один котел на турбину. Почти все считают целесообразным применение очень крупных котлов и турбогенераторов. Комментируя данный вопрос, Л. Морроу замечает: „Следует отметить, что несколько лет назад Ферранти и Кромптон установили принцип, гласящий, что станция должна иметь не менее двух и не более пяти агрегатов. Этот принцип сохранил свое экономическое значение и по сей день“. Мощные котлы должны быть с экранированными топками.

Большинство инженеров категорически высказывается за применение пара высокого давления, считая, что опыт эксплуатации пара с давлением в 84 at, при температуре 430° С себя оправдал. Л. Морроу от себя добавляет, что 10—15% новых станций в ближайшие 2—3 г. будут строиться именно по этому типу. Следует отметить, что американцы очень интересуются опытами в Европе по применению пара давлением выше 100 at (Бенсон, Лефлер). Они полагают, что котлы нормального типа, применяемые ими для давлений до 100 at, не пригодны для более высоких давлений, и думают, что конструкции Бенсона и Лефлера разрешат задачу генерирования пара в больших размерах безопасно и экономично при очень высоких давлениях. Однако большей экономии, естественно, американцы ждут от повышения температуры пара, указывая, что опыты уже дают хорошие результаты при температуре в 480°С. Один из инженеров утверждает, что рабочие температуры можно повысить до 540°С, причем предельной ему представляется температура в 650°С. Особого интереса для нас заслуживает 9-й вопрос: „В чем заложена возможность наибольших сбережений—в надлежащем проекте станции, в его выполнении или в эксплуатации?“. Все отвечающие утверждают, что „основной фактор дешевой эксплуатации — надлежащий проект, который устанавливает четкость схемы станции, ее полную мощность, величину отдельных агрегатов, взаимное расположение оборудования и наконец характер сооружения“. Без четкого, хорошо разработанного проекта эксплуатации не может быть экономичной. Перед нами сейчас по существу стоит задача технического проектирования всего социалистического энергетического хозяйства. Это—ответственной и сложнейшей задачей, от выполнения которой будет зависеть техника и экономика почти всего народного хозяйства в целом. Разрабатывать проекты предстоит для мощности в 40—50 млн. kw. Это такие количества, которые обязывают уделить этому делу исключительное внимание, мобилизовать все лучшие силы и привлечь наиболее квалифицированную иностранную техническую помощь.

Ответом по существу на поставленный вопрос являются соображения, высказанные в следующем пункте анкеты о направлениях, где надо „искать наибольшей экономии при проектировке паросиловых станций“. Американские инженеры считают, что при разработке проекта станции надо стремиться: 1) к упрощению проекта, 2) к применению больших агрегатов и котлов с высокой паропроизводительностью, 3) к применению высоких температур и давлений, 4) к сокра-

щению резервного и запасного оборудования и к уничтожению многообразия и многочисленности аппаратуры, 5) к упрощению конструкций зданий, 6) к применению более дешевых материалов и 7) к дальнейшей стандартизации оборудования.

Стандартизации оборудования, его типизации придается исключительное значение. В наших условиях это обстоятельство должно явиться одним из решающих факторов рационализации в деле строительства энергетического хозяйства.

Наконец небезынтересно отметить вопрос об архитектуре зданий станций. Американцы против всяких дорогих отделок наружных фасадов, но они высказываются за безусловно тщательную отделку внутри станций, при этом особенно рекомендуют строить „просторные“ станции.

Все это указывает на исключительно первостепенное значение для электрификации качества энергетического оборудования. Энергетическая установка, электрическая станция—предприятие с наиболее высоким строением органического состава капитала. Программа, предусматривающая постройку станций на мощность в 40—50 kw, предъявит большой спрос на первоклассное оборудование. Генеральный план электрификации должен быть обеспечен собственным машиностроением.

Выше было вкратце указано, каким стремительным темпом развивается энергетическая техника. Бывают случаи, когда строится новая станция и к моменту пуска оборудование этой станции уже устарело. Можно привести ряд примеров не только у нас, где станции строятся очень медленно, но даже в Америке, когда вторая очередь строится совершенно иначе, чем первая.

В таких условиях при совершенно категорических требованиях рационализации энергетического хозяйства мы часто строим заведомо отсталые установки. Примером может служить Бобриковская станция. Это—мощная установка в 300 тыс. kw на подмосковном угле. Эта станция будет играть огромную роль в хозяйственной жизни Московской области. Подмосковный уголь—низкосортное, дорогое топливо. Экономика требует применения хорошего оборудования, могущего обеспечить значительную экономию топлива. Предполагалось эту станцию строить с мощными агрегатами по 75 тыс. kw с котлами большой паропроизводительности при высоком давлении и значительном перегреве.

Невозможность для наших заводов изготовить такое оборудование заставляет отказаться от этого проекта. Мощность машин снижается до 44—50 тыс. kw, их количество увеличивается до 6, котлы устанавливаются нормальной производительности. Таким образом мы начинаем строить крупнейшую станцию на дорогом топливе при возможности хорошего коэффициента использования, как отсталую, устаревшую энергетическую установку. Сейчас у нас инженеры справедливо называют Бобриковскую станцию „неродившейся старушкой“.

Такое положение при выполнении электрификации в генеральном плане абсолютно недопустимо. Мы должны иметь мощную базу собственного энергетического машиностроения. Мы должны самостоятельно строить турбогенераторы, котлы и электрическую аппаратуру для любых мощностей и первоклассного качества. Это одна из сложнейших и труднейших производственных задач, но она должна быть разрешена и при этом в наикратчайшее время.

Социалистическое хозяйство во всех его звеньях нуждается в новой энергетике, в электрификации. Энергетика, базирующаяся на электрификации, действительно — ведущее звено в строительстве социалистического хозяйства. Если мы хотим это хозяйство всерьез строить, мы должны прежде всего научиться сами делать энергетические машины и аппараты. Не надо упускать из виду, что с каждым годом перед нашим энергохозяйством будут появляться все новые и новые технические проблемы, свойственные только нам. Кто будет еще иметь такие мощные организации систем единого энергетического хозяйства с выработкой и распределением 4—6 и более млрд. kwh? Перед нами будут все стоять вопросы защиты этих систем, устойчивости их работы и пр. В этом отношении мы скоро обгоним Америку, а в Европе нам уже почти нечему учиться. Теплофикация может вызвать потребность в новых типах турбин. Все это ставит задачи организации у нас не только производства машин и аппаратов по образцам, которые мы можем взять в Европе или в Америке, но и их самостоятельную конструктивную разработку с соответствующими научными исследованиями, изысканиями и экспериментами.

Количественные и качественные задачи, стоящие перед нашим машиностроением, огромны. Мы должны будем пускать в эксплуатацию 4—5 млн. kw новой мощности ежегодно. Но с этой задачей мы должны во что бы то ни стало справиться. В наикратчайшее время мы должны иметь свою турбину, свой котел, свою электрическую аппаратуру.

Первый генеральный план, план ГОЭЛРО предполагал соорудить 30 районных электрических станций общей мощностью в 1 500 900 kw. На май 1930 г. находятся в эксплуатации электрические районные станции мощностью в 1027,5 kw. В этом году, т. е. до октября 1930 г., вступит в эксплуатацию еще новая мощность примерно в размере 450 000 kw. Таким образом в этом году с некоторыми изменениями будет закончен выполнением план ГОЭЛРО.

Пятилетний план предусматривает сооружение электрических районных станций общей мощностью около 7 млн. kw.

Генеральный план ориентировочно может предусматривать сооружение 165 районных электрических станций и электроцентралей общей мощностью в 40—45 млн. kw (см. табл. на след. стр.).

1	2	3	4	5	6	7
Нижегородско-Ивановский район						1 расшир. на 88
1. НИГРЭМ I	торф	40	64 ¹	196	200	2 строит. на 132
2. " II	"	—	—	—	225	3 строит. на 120
3. Нижегородск. ТЭЦ	уголь	—	—	20	150	4 расшир. до 33
4. Новые в Ниж. Крае	торф	—	2	132	1 000	
5. Южская	"	—	—	—	220	
6. Переяславская	"	—	—	—	225	
7. ИВГРЭС	"	40	3	120	120	
8. Ивановская ТЭЦ	"	—	—	45	175	
9. Ляпинская	"	—	8 ⁴	33	33	
10. Ярославск. ТЭЦ	"	—	—	75	100	
11. Новые торфяные	"	—	—	—	200	
12. Новые на прив. топл.	уголь	—	—	—	500	
ЦЧО		80	72	621	3 148	
1. Липецкая	газы, дом. п.	—	—	—	150	
2. Вторая в ЦЧО	уголь	—	—	—	225	
3. Районные сел.-хов. станции	уголь и с.-х. отбросы	—	—	—	500	
4. Белгородская	уголь	40	—	—	—	
Средневожский район		40	—	—	875	
1. Казанская	мазут	—	1	44	100	1 строит. на 20
2. Новая в Татарст. Респ.	"	—	—	—	200	2 расшир. до 29
3. Самарская	" (см. Кашир. 20)	—	2	29	100	
4. Общесыртская	сланцы	—	—	—	500	
5. Волгострой	вода	—	—	—	600	
6. Каширская	сланцы	20	—	72	72	
7. Ундорская	"	20	—	—	50	
8. Район с.-х.	"	—	—	—	300	
Нижевожский район		40	—	145	1 922	
1. Саратовская	антр. штыб.	20	11 ¹	35	70 200	1 расшир. на 11
2. Сталинградская	" "	40	2	136	200	2 строит. на 48
3. Астраханская	" "	—	—	—	100	
4. Вольская	" "	—	—	—	100	
5. Металлург. завод	" "	—	—	—	300	
6. ТЭЦ	" "	—	—	—	120	
7. Нов. Сталинградск. и с.-х.	" "	—	—	—	500	
8. Марийская	торф	—	—	48	150	
Урал		60	11	219	1 740	
1. Кизеловская I	уголь	40	6 ¹	188	—	1 расшир. на 94
2. " II	"	—	—	—	750	2 строит. на 88
3. " III	"	—	—	—	—	
4. Чусовские Городки	мазут	—	—	24	50	
5. Чусовская	вода	25	—	—	40	
6. Ижевская Средне-Камская	дрова (торф)	—	24	72	150	
7. Березники-Соликам.	уголь	—	—	72	500	
8. Богословск.	бур. уголь	—	—	24	200	
9. Н.-садинская	торф (Егорм)40	—	—	—	220	
10. Нов.-торфяные	"	—	—	—	600	
11. Средне-Уральская	уголь	—	2	88	300	
12. Новая-Угольная	"	—	—	—	500	

1	2	3	4	5	6	7
13. Алапаевская	уголь	—	—	—	150	³ строят. на 94
14. Нижне-Тагильск.	"	—	—	—	200	⁴ строят. на 220
15. I Челябинская	"	60	³	142	—	⁵ ТЭЦ
II "	"	—	—	88	600	
III "	"	—	—	—	—	
16. Магнитогорская	уг. и отбросы	—	⁴	220	250	
17. Новая тепловая	уголь	—	—	—	300	
18. ТЭЦ и пиковый резерв	—	—	—	20 ⁵	500	
19. Metallург. новый (Бакальский)	уголь	—	—	—	200	
20. Закамская	торф	—	—	72	150	
21. Кама-Печор. (Колва)	вода	—	—	—	150	
С и б и р ь .		165	6	1 034	5 810	
а) Западная (Сибкрай)						¹ строят. на 48
1. I. Кузнецкая	уголь и дом. газы	40	1	96	1 500	² строят. на 48
II. "		—	—	—		
III. "		—	—	—		
2. Кемеровская	уг. и кокс. г.	—	²	96	1 000	
3. Ново-Сибирская	уголь	—	—	48	500	
4. Бийская	вода	—	—	—	300	
5. Район с.-х.	уголь	—	—	—	500	
6. Ангара	вода	—	—	—	1 000	
7. Иркутск (Черемхово)	уголь	—	—	—	500	
8. Район с.-х. станц.	"	—	—	—	500	
б) Восточная (Дальн.-Вост. край)		40	—	240	5 800	
1. Владивостокская	уголь	—	—	—	200	
Итого по Сибири		40	—	240	6 000	
К а з а к с к а я А С С Р						
1. Караганда	уголь	—	—	48	300	
2. Балхаш	"	—	—	—	200	
3. Уба	вода	Алтай 40	—	—	—	
4. Ульба	"	—	—	—	60	
5. Новые	вода и уголь	—	—	—	300	
З а п а д н а я о б л а с т ь и Б С С Р		40	—	48	860	
1. Брянская	торф	—	¹	70	70	¹ строят. на 22
2. Осиновская	"	—	²	44	150	² строят. на 32
3. Клинцов. (Кожаны)	"	—	—	48	70	
4. Новая в Запад. обл. (Жарк. Свитск.)	"	—	—	—	300	
5. Новые и Запад. обл.	"	—	—	—	50	
6. Новые в БССР	"	—	—	—	360	
У С С Р		—	—	162	1 000	
а) Донбасс						¹ расшир. на 88
1. Штеровская	антр. штыб.	100	64 ¹	152	152	² строят. на 132
2. Зуевская	" "	Гриш. 40	²	220	250	³ расшир. на 65
3. Ташковская	" уголь	Лисич. 80	—	—	250	
4. Донсода	"	—	8 ³	73	73	
5. Каменка	"	—	—	132	250	
6. Фабр.-зав. и ТЭЦ	"	—	—	180	1 000	
		220	72	757	1 975	

1	2	3	4	5	6	7
6) Приднепровье						4 строит. на 372, а все подводн. части на 558
1. Днепровская	вода	200	4	372	558	
2. Нижний Днепр	"	—	—	—	200	
3. 3-д Петровский	"	—	—	—	100	
4. " Дзержинского	"	—	—	132	150	
5. " Запорожский	газы	—	—	—	150	
6. Кривой Рог	"	—	—	50	50	
7. ТЭЦ	"	—	—	—	300	
8. Бурогольная	бур. уголь	—	—	132	500	
9. Новая тепловая	уголь	—	—	—	—	
		200	—	686	2 308	
в) Харьк., Киев. и Ю.-Зап. районы:						5 расшир. на 35
1. Чугуевская	уголь	—	44	92	400	
2. П. Харьковская	"	—	—	—	—	
3. Харьковская ТЭЦ	"	—	—	—	300	
4. I Киевская	"	—	11 ⁵	46	150	
5. II "	торф	—	—	—	—	
6. Бугская	вода	—	—	—	50	
7. Николаевская	уголь	—	—	30	100	
8. Одесская	"	—	—	24	100	
9. Крупн. с.-х. стр.-ва	"	—	—	—	200	
			55	192	1 300	
Итого по СССР		420	127	1 635	5 593	
Сев. Кавказ и Дагестан						1 расшир. на 11 2 строит. на 22,5 3 строит. на 25 4 в посл. антр. штыб. 5 строит. на 23 6 расшир. на 44
1. Судак	вода	—	—	—	200	
2. Грозненская	параф., мазут	20	10 ¹	69	200	
3. Гизель-Дон	вода	Терск. 40	2	22,5	22,5	
4. Ачадуки	"	—	—	15	15	
5. Терек	"	—	—	—	50	
6. Новая Гидрост.	"	—	—	—	150	
7. Баксанская	"	—	3	25	50	
8. На р. Белой	"	Кубан. 40	—	50	75	
9. Новая тепловая	уголь	—	—	—	250	
10. Краснодарская	пар. маз.	20	5	35	162	
11. Новороссийская	" штыб	—	22	34	70	
12. Ростовск. ТЭЦ	"	—	—	10	150	
и тепловые	—	—	—	—	1000	
13. Таганрог	"	—	—	10	200	
14. Шахтинская	антр. штыб.	Б.-Кал. 60	44 ⁶	93	93	
15. Несветай	" "	—	44	—	—	
16. Новые в Донбассе и входящ. в Волгодон.	уголь	—	—	132	150	
17. Сальская	"	—	—	12	200	
		180	76	507,5	3 049,1	
ЗСФСР						1 расшир. на 44 2 расшир. на 24 3 строит. на 48 4 строит. на 22,5 5 строит. на 40
1. Бакинские (2 ст.)	маз. и газ	—	112 ¹	224	500	
2. Азгидроцентральный	вода	—	—	34	150	
3. Земо-Авчалы	"	—	13 ²	37	40	
4. I РИОН	"	—	3	48	120	
II "	"	—	—	100	—	
5. Топоравань	"	—	—	—	100	
6. Храм	"	—	—	—	100	
7. Нов. Грузинские	"	—	—	—	400	
8. Дзоргетская	вода	—	4	22,5	22,5	
9. Канакирская	"	—	5	—	—	
				40	40	

1	2	3	4	5	6	7
10. Нов. в Армении СССР		—	—	30	400	
11. Ст. тепловые	маз. и уголь	—	—	—	100	
12. Нов. тепловые	" "	—	—	—	300	
Узбекистан			125	535,5	2 272,5	
1. Кедырья	вода	—	—	12,5	12,5	
2. Чырчик	"	40	—	—	200	
3. Кизыл-Фия	уголь	—	—	12	110	
4. 2 я ферганс. (Шураб)	"	—	—	24	48	
5. Исфайрам-Пай ирри- гац. и с. х.		—	—	—	300	
Итого		40	—	48,5	670,5	
Всего по СССР .		1 425	1 027,5	6 979,5	40 369 (40569)	

О „ПОБЕДАХ“ И ПРОТИВОРЕЧИЯХ КАПИТАЛИЗМА В США

(по поводу книги Л. Денни „Америка завоевывает Британию“, М.—Л. Гиз, 1930. Пер. с англ. под ред. А. М. Гинзбурга с предисловием К. Радека)

Англо-американское соперничество является одной из важнейших мирохозяйственных проблем современности. обстоятельное и всестороннее освещение этой проблемы дает только что вышедшая книга видного американского публициста Л. Денни. Автор правильно считает, что в основе политических взаимоотношений Англии и США и—вероятного в будущем—их военного столкновения лежит экономическое соперничество. Борьба за рынки сбыта как в других странах, так и в самих британских доминионах, борьба на рынке капиталов, борьба за рынки сырья и прежде всего за каучук, за нефтяные месторождения и за сырье для военно-химической промышленности, борьба за воздушные и океанские пути, за подводные кабели и средства радиосвязи—все это шаг за шагом анализирует Денни. Он дает при этом чрезвычайно богатый и свежий материал и ярко его излагает. Книга Денни несомненно одна из лучших в современной буржуазной литературе.

Тов. К. Радек называет ее в предисловии великолепной. Он указывает далее на частичные недочеты в книге, на то, что „автор трактует вопросы исключительно в экономическом разрезе“, что „он не в состоянии продумать картину возможного развития англо-американского соперничества“. Тов. Радек считает нужным отметить, что англо-американские отношения „базируются на их конкуренции, но не исчерпываются ею“.

Что же касается основного экономического содержания книги, то по этому поводу т. Радек пишет: „С основной его (Денни) картиной мы согласны. Она, по вашему убеждению, соответствует действительности“.

Можно ли так безоговорочно рекомендовать буржуазную книгу? Может ли в ней быть дана в основном правильная, соответствующая действительности картина? Безусловно нет. И внимательный читатель сможет заметить, что хотя отдельные факты Денни освещает правильно, объективно, в целом он дает неверную картину, затушевывая и обходя одни факты, искажая другие.

Достоинства книги Денни вытекают не только из его личных способностей, но и из того, что он является представителем американского капитала, побеждающего в современной борьбе основных империалистических группировок. Во многих вопросах он может быть поэтому более объективным, чем представители европейского и, в частности, английского капитала. Последние не могут смотреть правде в глаза, ибо правда эта по всей линии против них.

Цитируемый Денни Гладстон писал про Америку: „Это единственная в мире страна, которая может отнять—и вероятно отнимет—у нас наше коммерческое превосходство. Мы не имеем никакого права, и я не имею никакого желания роптать по этому поводу. Если Америка приобретет это превосходство, то ее завоевание будет обосновано правом сильнейшего и лучшего“.

Так мог рассуждать английский буржуа полвека тому назад, когда победа Америки была делом весьма отдаленного будущего, когда признанием возможности этой победы можно было кокетничать, ибо в основе этого кокетничания лежало убеждение в нереальности такой перспективы.

Теперь победа американского капитала и поражение английского есть факт. Об этом с большим воодушевлением рассказывает на четырехстах с лишним страницах Денни. И в этом вопросе он может быть объективен.

Он не считает нужным идеализировать победу Америки над Европой. Он материалист до мозга костей.

„Американская гегемония вряд ли может быть хуже, чем британская гегемония и гегемония прочих предшествовавших наций. Наше оружие—деньги и машины. Но прочие нации мира желают как раз денег и машин. Их материализм несколько не уступает нашему, хотя сила их несравнима с нашей. Вот почему наш триумф так легок и неизбежен“ (с. 415).

Что же получит и уже получает Америка в результате своей победы? На этот вопрос мы не найдем у Денни ответа, ибо дать правильный ответ на этот вопрос можно лишь, вскрыв противоречия американского развития. Но об этих противоречиях Денни предпочитает умолчать (хотя иногда он нечаянно и проговаривается). Бравурными криками: „Гром победы раздавайся!“—он пытается отвлечь и себя и читателя от рассмотрения этих неприятных для него вопросов.

Денни очень любит проводить аналогию между англо-германским соперничеством до мировой войны и современным англо-американским соревнованием. Но он почему-то не хочет вспомнить о том, что же получила Англия, когда ей удалось разгромить своего конкурента, каковы были плоды ее победы? А этот вопрос как раз весьма интересен. Он наталкивает нас на мысль о том, каковы же перспективы Америки в связи с все более выявляющейся победой ее над Англией. Не имеем ли мы и здесь дело с Пирровой победой?

Как только Денни подходит к этому вопросу, он начинает замалчивать, бормотать что-то неясное, а затем и просто исказить. Он теряет свою объективность и выявляет свое истинное лицо апологета капитала.

Одно из основных преимуществ США Денни видит в том, что „в Великобритании свирепствует индустриальная борьба, в Америке—индустриальный мир“ (с. 411). „Сравнительная покладистость американского рабочего класса в условиях нынешнего экономического строя является одним из главных козырей в руках американского капитала как в смысле обеспечения бесперебойности и высокого уровня производства, так и в смысле успешной борьбы за внутренний и внешний рынки... В течение последнего десятилетия реальная заработная плата рабочих, или по крайней мере организованной „рабочей аристократии“, возросла достаточно быстро для того, чтобы можно было избежать рабочего брожения“ (с. 43). „В настоящее время государственный департамент не боится коммунистической пропаганды“ (с. 302—303).

Так ли это все на самом деле? Действительно ли мы имеем в США столь прочную классовую идиллию, опираясь на которую американский капитал может легко идти к ожидающей его победе и триумфам? В свете последних событий—недавних первомайских демонстраций и с каждым днем разрастающегося движения безработных вряд ли стоит на этом останавливаться. Но дело конечно не только в событиях последних месяцев. Кризис лишь обострил и выявил с исключительной силой те противоречия, которые накапливались из года в год. Изображаемая Денни классовая идиллия это—выдумка, необходимая идеологу господствующих классов для успокоения последних.

Такой же выдумкой является утверждение Денни, что „Британия страдает от перенаселения, между тем как в Америке рост населения соответствует росту национального богатства“ (с. 11). В действительности Америка в настоящее время не меньше страдает от „перенаселения“, чем Британия. Несмотря на то, что иммигра-

дня в США сокращена в несколько раз (по сравнению с довоенной), несмотря на то, что продукция значительно выросла, число безработных в США по отношению к числу работающих даже в периоды „просперити“ было во много раз выше довоенного и лишь не на много уступало нормам английской безработицы. Несмотря на рост производства, число занятых в промышленности рабочих даже в кульминационный период подъема (1929) было меньше, чем в 1920 г. Именно в период „просперити“ возник новый термин: „технологическая безработица“. Наряду с этим жесточайший аграрный кризис и массовое разорение фермеров привели к созданию впервые в истории США аграрного перенаселения. Теперь число безработных в США достигает 6—8 млн. И как бы ни сложилась в дальнейшем конъюнктура, большая часть этой колоссальной резервной армии труда не сможет быть втянута в производство. Америка явно идет в этом отношении по следам Англии.

Деньги тревожно оценивает последствия войны для США¹: „В конечном итоге мы потеряли... Усиленное развитие промышленности и сельского хозяйства было в нашей стране, как и в других странах, слишком односторонним... Перемирие застало Америку, так же, как и Англию, обремененной множеством военнопромышленных предприятий, которые совершенно не были приспособлены для нужд мирного времени. С другой стороны, сельское хозяйство бурно развивалось, и перепроизводство сельскохозяйственной продукции, точно яд, губительно отражается на всем хозяйственном благосостоянии страны... Мы, подобно Британии, сильно пострадали от послевоенного ухудшения условий торговли, от сжатия мировых рынков, от уменьшения покупательной способности населения, обесценения валюты, создания новых национальных индустрий, защищаемых стенами высоких таможенных тарифов и торговыми барьерами. Все эти препятствия были вполне реальны, и если их отчасти удалось преодолеть, то это объясняется исключительной энергией американцев и их необыкновенным умением реорганизовывать промышленность внутри страны и создавать внешние рынки“ (с. 30—32).

Увы! Никакого необыкновенного умения создавать рынки американский капитал не выявил. Ему удалось лишь, опираясь на свое экономическое превосходство, отвоевать некоторые внешние рынки у своих соперников. Но у себя, внутри страны, там, где американский капитал не мог укреплять свои позиции путем передела рынка, там противоречия, созданные войной, не только не были преодолены в послевоенный период, но, наоборот, получили дальнейшее развитие. Американский промышленный капитал, продолжая развертывать свой производственный аппарат, явно выходил за пределы „нужд мирного времени“. Яд аграрного кризиса также все более поражает народнохозяйственный организм США.

Сокращение числа занятых индустриальных рабочих, снижение их жизненного уровня, а также аграрный кризис,—все это приводит к сужению внутреннего рынка и тем самым в необычайной степени усиливает значение внешних рынков для США.

„Если для Великобритании вопрос об иностранных рынках является вопросом существования, то для Соединенных Штатов—это вопрос „процветания“ (с. 57). Так старается утешить себя американский буржуа. Но это слабое утешение: в капиталистическом мире тот, кто не идет вперед, кто не „процветает“,—тот неизбежно теряет свои позиции. Для капитала „процветание“ и существование—это одно и то же. Капитал может мириться с угнетенным состоянием лишь как с кратковременным, преходящим явлением, за которым снова приходит оживление и процветание. И если американский капитал все больше должен задумываться о том, как обеспечить себе „процветание“, если его взоры при этом все более приковываются к внеш-

¹ Это между прочим выгодно отличает его от правых оппортунистов и в частности Пешпера, который на VI конгрессе Коминтерна утверждал: „Мировая война не внесла дезорганизации в американский капитализм. Наоборот, она колоссально стимулировала его“ (Стеногр. отчет, вып. VI, с. 172—173).

ним рынкам, то это значит, что и в этом отношении Америка начинает страдать той же болезнью, которая свалила ее неудачную соперницу—Англию.

Эта болезнь именуется старческим загниванием капитализма. Наиболее ярким ее выражением является сужение—или в лучшем случае замедленный рост—внутреннего рынка и связанное с этим необычайное обострение борьбы за внешние рынки и бегство капитала за границу. Денни пытается убедить себя и других, что это чисто английская болезнь, что в Америке дело обстоит несколько иначе.

„Новейший капитализм“ послевоенной Америки действует несколько по-иному, чем старая британская система. То, что рассказывает Брейльсфорд о бывшей Англии в своей книге „Olives of Endless Age“, никак не может относиться к нынешней Америке: „Внутренний рынок оскудел, замер, потому что новый производственный строй в погоне за барышами резко снизил покупательную способность масс, так что заработная плата, которую они могли расходовать, никак не поспевала за ростом производства, которое давали машины; политикой низкой заработной платы индустриальная система суживала свой внутренний рынок и должна была расширять его уже путем завоеваний. В половине прошлого столетия, наряду с экспортом потребительских товаров, начался экспорт капиталов... Привилегированный класс бездельников беспрестанно возводил в Азии и Африке укрепления и крепости для защиты тех специальных и политических привилегий, которыми он пользуется у себя дома“ (с. 152). Эта характеристика противоречий английского капитализма периода начала его упадка, вопреки заверениям Денни, полностью применима к современной Америке. Разве только вместо Африки надо вставить центральную и Южную Америку.

Денни не понимает тех факторов, которые форсируют экспорт капитала, и затушевывает те последствия, к которым экспорт капитала приводит:

„Правительство, бабькиры, крупнейшие экономисты и промышленники -экспортеры считают однако, что внешние займы и прямые вложения американского капитала за границей необходимы для процветания Америки. Разумеется, ни один американский промышленник, ни один американский рабочий, который испытывает на себе конкуренцию американского заграничного предприятия с его дешевым трудом, не одобрит такого взгляда на роль Америки, как нации-кредитора. Если мы вспомним однако, что только 750 млн. долл. из 7 млрд. долл. всех американских вложений за границей помещены в предприятия, которые непосредственно конкурируют с американскими, легко понять, что до поры до времени можно с этими факторами не очень считаться“ (с. 149—150). Эта оценка весьма расплывчата и все же в основе неверна. Противоречия, связанные с экспортом капитала, возникают не только при прямых вложениях в предприятия, конкурирующие с предприятиями экспортирующей страны. В частности не только американским предприятиям угрожает конкуренция тех предприятий, которые были непосредственно созданы американцами в Европе. Ввоз американского капитала самыми различными путями содействовал восстановлению европейской индустрии и тем самым создавал громадные затруднения для самой американской промышленности. Эти затруднения—факт сегодняшнего дня. И если американский буржуа утешает себя, что до поры до времени отрицательные последствия этого факта может терпеть, то это только потому, что помешать этому факту он не может.

Денни не понимает основного, что форсирование экспорта капитала так же, как и рост империалистических тенденций во внешнеторговой политике американского капитала, вытекает из обострения внутренних противоречий. Не понимая этого, он бессвязно лепечет: „В области механики мы не можем наладить справедливого распределения нашего богатства. Вместо этого мы эксплуатируем менее богатые нации. Империалистические тенденции бедного британского острова можно до некоторой степени извинить. Но нет такого оправдания для нас, располагающих почти целым континентом, за счет которого можно богатеть. Но мы не лишены хитрости.

Мы не повторим ошибки Великобритании. Слишком умные, чтобы пытаться управлять миром, мы просто будем владеть им“ (с. 414).

Имperialистические тенденции Британии обуславливаются не бедностью острова, а структурой ее экономики. Поскольку США имеют в основном такую же экономическую структуру, они, несмотря на обладание колоссальными природными ресурсами, неизбежно вступили на путь агрессивной империалистической политики. Когда Денни указывает, что в отличие от английских капиталистов „американские деловые круги в целом почти не применяют этих грубых форм принудительной торговли“ (с. 133), то это ложь. Материал, собранный самим Денни, достаточно убедительно показывает, что методы экспансии американского и английского капитала в основном тождественны. Когда Денни пишет, что американский капитал стремится экономически овладеть миром, отказываясь от попытки его политически подчинить себе, то это также ложь. Тов. Радек указывает в предисловии, что „эта мысль несомненно очень оригинальная, но она чересчур пахнет письменным столом“. Нет, это не оригинальничанье кабинетного ученого. Это обычный ход буржуазного апологета, стремящегося завуалировать применение наиболее резких форм империалистической агрессивности, отрицающего экономическую обусловленность их применения, связь их с основными противоречиями капитализма.

„Что может Великобритания противопоставить Америке? И что может ей противопоставить весь мир“?—смело вопрошает Денни (с. 415). „Ничто не может остановить нас. Ничто—до тех пор, пока не загниет сердце нашей финансовой империи“ (с. 414). На этот раз Денни ближе к истине, чем он это сам думает. Он смело говорит о загнивании империи, думая, что если это дело и возможно, то во всяком случае в далеком будущем. Его смелость напоминает отмеченную выше смелость Гладстона. Но она еще в меньшей степени обоснована. Ибо загнивание американского капитализма, необычайное обострение разъедающих его противоречий—не только вскоре наступит, оно уже разворачивается на наших глазах.

Подведем итоги. Денни безусловно прав, утверждая, что Америка побеждает Британию, опираясь на свои громадные природные ресурсы, на высокую технику, на мощь своих капиталистических организаций. Он прав и в том, что одной из основных причин поражения Британии являются противоречия ее экономического строя. Но он не прав, думая, что Америка свободна от этих противоречий. В связи с этим он дает неправильную характеристику причин и последствий империалистической активности США.

Книга Денни, ярко и увлекательно написанная, рассчитана на широкого читателя. Она безусловно заслуживает широкого распространения и у нас. Но, давая ее нашему читателю, необходимо было указать на ошибочность некоторых ее основных установок, вытекающих из буржуазно-апологетической концепции автора. Не сделав этого, т. Радек безусловно допустил ошибку. Эта ошибка тем более непонятна, что в своей статье по поводу книги Денни в „Правде“, № 86 от 28/III 1930, т. Радек сделал о ней ряд правильных указаний.

Л. З и м а н

О НОВОМ ЭТАПЕ НЭПА ¹

ДОКЛАД т. К. РОЗЕНТАЛЯ

Общепризнано, что в ходе развития нашей революции мы вступили в новый этап, в переходный от капитализма к социализму период. „Решительный перелом в отношении бедняцко-среднеяцких масс к колхозам“ характеризует новый этап. Содержание переходного от капитализма к социализму периода заключается в уничтожении классов, в создании новых производственных отношений, исключающих эксплуатацию и классовый антагонизм.

С приходом рабочего класса к власти и установлением пролетарской диктатуры классы капиталистов и помещиков были свергнуты, фабрики национализированы, отношения эксплуатации на них уничтожены и государственные предприятия превращены в предприятия последовательно-социалистического типа.

Но в деле уничтожения классов и создания новых производственных отношений свержение помещиков и капиталистов и превращение промышленных предприятий в предприятия последовательно-социалистического типа явилось не самой трудной задачей. Чтобы уничтожить классы, надо было, писал Ленин, „уничтожить разницу между рабочими и крестьянами, сделать всех работниками. Этого нельзя сделать сразу. Это—задача несравненно более трудная и, в силу необходимости, длительная“. Ошибочно было бы думать, что формы, в которых будет совершаться переход от социализма к капитализму, находятся вне зависимости от специфичности как международной обстановки, так и внутренней хозяйственной структуры страны, совершающей переход к социализму.

Ленин неоднократно указывал на различие форм переходного периода в зависимости от степени развития страны, вступившей на путь социалистического строительства. В то время как в странах передового капитализма, где преобладает крупное хозяйство в земледелии, возможен переход к непосредственному социалистическому строительству, „социалистическая революция в стране, где громадное большинство населения принадлежит к мелким земледельцам-производителям, возможна лишь путем целого ряда особых переходных мер, которые были бы совершенно ненужны в странах развитого капитализма, где наемные рабочие в промышленности и земледелии составляют громадное большинство“ ².

Выполнив первую задачу — уничтожение помещиков и капиталистов—необходимо приступить к переделке мелкого индивидуального бедняцко-среднеяцкого хозяйства. Для выполнения этого надо было прежде всего убедить крестьян в преимуществе крупного коллективного хозяйства перед мелким

¹ Экономическая секция Комакадемии посвятила данной проблеме три заседания—29 апреля, 4 мая и 23 мая 1930 г. Здесь мы даем краткое изложение доклада т. К. Розенталя и прений по этому докладу.

² Ленин, Соч., т. XVIII, ч. 1, с. 137.

индивидуальным, а убедить в этом можно только имея крупную промышленность, способную в корне перестроить материальную техническую базу сельского хозяйства и тем самым переработать всю психологию мелкого земледельца.

Эта политика проводилась после установления диктатуры пролетариата, но под влиянием гражданской войны мы сделали попытку, минуя ряд „посредствующих“ звеньев, приступить к непосредственному социалистическому строительству, к социалистическим формам производства и распределения, включая и сельское хозяйство.

Эта политика была необходима для победы в гражданской войне, а также для проверки и испытания сил как самого пролетариата, так и мелко-собственнической стихии и силы капитализма.

Необходимая на том этапе политика не могла все же разрешить задачи построения социализма.

„К весне 1921 года,—писал Ленин,—выяснилось, что мы потерпели поражение в попытке „штурмовым“ способом, т. е. самым сокращенным, быстрым и непосредственным, перейти к социалистическим основам производства и распределения. Политическая обстановка весны 1921 г. показала нам, что неизбежно в ряде хозяйственных вопросов отступить на позицию государственного капитализма, перейти от „штурма“ к осаде.

Убедившись на опыте, что „штурмом“ не могут быть разрешены задачи перехода к социалистическим формам, мы должны были изменить и нашу экономическую политику. Не ломать старого общественно-экономического уклада, а оживлять, овладевая в меру оживления,—вот классически ясная характеристика содержания той экономической политики, которую мы начали с весны 1921 г. А это означало, что приступить к осуществлению непосредственного перехода к социализму можно было только через ряд переходных мероприятий, что требовало отступления в целом ряде областей экономики, с тем, чтобы начать наступление, но уже на основах „новой экономической политики“. Необходимо было создать крупную социалистическую промышленность, производящую в массовом масштабе тракторы и сельскохозяйственные машины электрическую энергию, химические удобрения, и создать этим основу, способную реорганизовать земледелие. Но осуществить это в условиях полной разрухи и разорения невозможно было прямым путем, необходимо было в первую очередь добиться подъема производительных сил крестьянства, пока на основе мелкой промышленности, с целью обеспечения городов продовольствием и фабрик и заводов сырьем и топливом. До восстановления крупной промышленности полностью мы должны дать,—писал Ленин,—такие формы отношений между рабочим классом и крестьянством, между этими двумя единственными классами, на основе которых мы должны строить нашу экономику, должны между этими классами создать такой союз, который удовлетворил бы обе стороны хозяйственно, такой союз, который считался бы с мелким крестьянином как с мелким крестьянином, пока мы не можем ему дать всех продуктов крупной промышленности“.

Итак, для установления социалистических форм производственных отношений во всем народном хозяйстве нужно было разрешить задачу установления социалистических форм производственных отношений в деревне в массовом масштабе.

Политика военного коммунизма была политикой непосредственного социалистического строительства во всем народном хозяйстве. Отказавшись от нее, т. е. отказавшись на первом этапе нэпа от задачи установления социалистических форм производственных отношений в деревне, в массовом масштабе, мы этим отнюдь не отказались от разрешения задачи социалисти-

ческого строительства. Мы лишь перешли к политике посредствующих звеньев и переходных мер. А это значит, что центральной проблемой нэпа является переделка мелкого индивидуального товаропроизводителя в производителя социалистического.

Попытки обосновать переход от военного коммунизма к нэпу были самые различные. Тов. Ларину, например, нэп представляется чисто русским явлением, обусловленным поражением революционного движения в Европе. Тов. Зиновьеву нэп представляется только отступлением. Нэп действительно был отступлением, но только для того, чтобы, перегруппировав силы, изменить методы и приемы социалистического строительства, начать новое наступление. Это отступление выразилось в отказе от ломки в массовом масштабе старого общественно-экономического уклада деревни и установления там в массовом же масштабе производственных отношений социалистического типа до тех пор, пока для этого не будут созданы экономические условия.

Мы должны были строить свою политику, исходя из необходимости установления хозяйственных связей между городом и деревней на началах рыночных форм хозяйственной связи, на началах известной свободы торговли. Поведа наступление после перегруппировки сил, мы добились того, что социалистический сектор бурно рос в народном хозяйстве, вытесняя элементы капитализма. Борьба двух тенденций, социалистической и капиталистической, шла и идет под знаком все большего расширения сферы действия и влияния производственных отношений последовательно-социалистического типа.

Конечной же задачей нэпа является установление социалистических форм производственных отношений во всем народном хозяйстве, включая и сельское хозяйство, т. е. разрешение задачи непосредственного социалистического строительства во всем народном хозяйстве, когда минует необходимость в ряде переходных мер и посредствующих звеньев.

При каких условиях мы перестанем нуждаться в известной свободе торговли? Тогда, „когда,—говорит т. Сталин,—мы получим возможность наладить хозяйственные связи между городом и деревней через продуктообмен, без торговли с ее частным оборотом, с ее допущением известного оживления капитализма“.

В понимании задачи переделки простого товарного хозяйства и уничтожения класса капиталистов были равные направления. Интересно первое выступление т. Преображенского с точки зрения „предвосхищения“ некоторых теоретических положений правооппортунистических теорий о „врастании кулака в социализм“. Тов. Преображенскому представлялись возможным мирные взаимоотношения между каким-нибудь „кулачком“ и пролетарской диктатурой. Такой же „мирный“ характер взаимоотношений рисовался ему и между капиталистическими элементами города и советской властью. Переход к нэпу, с его точки зрения, отвратил опасность со стороны мелкобуржуазной контрреволюции. И все хозяйственные несоциалистические уклады вкупе с капитализмом начали „врастать“ в социализм. Но орудием социалистического строительства, по его мнению, явились не только „кулачки“, не только охотничьи торговцы, но и международный капитализм. Начав с полной свободы „кулачку“, т. Преображенский „диалектически“ перешел к „эксплоатации“ простого товарного хозяйства, превратив его в „колонию“ пролетарского государства и предоставив ему одну перспективу—быть „пожранным“ пролетарским государством.

Тов. Бухарин в своих высказываниях по вопросу о переделке крестьянского хозяйства не вносит ничего нового по сравнению с т. Преображенским. Так он пишет: „Может быть это слишком смелое пророчество, но я думаю, что даже кулаку на определенной стадии развития не особенно будет выгодно

потрясать наш режим“. По вопросу о классовой борьбе он говорит, что по мере улучшения советского аппарата, усиления местных партийных и комсомольских организаций—такие явления будут становиться все более редкими и в конце концов исчезнут. Он пишет, что „мы (?) не препятствуем накоплению у кулака“, что „кулацкие кооперативные гнезда будут точно так же через банки и т. д. вращаться в эту же (социалистическую) систему“. Как известно в споре о путях развития сельского хозяйства оказались неправы обе спорящие стороны. Ни „врастание“, ни „растворение“, ни „пожирание“ крестьянского хозяйства не было содержанием политики партии в деревне. Суть политики партии сводилась к тому, чтобы на основе роста крупной социалистической промышленности и усиления производственно-технического обслуживания деревни, на основе кооперирования растущего крестьянского (бедняцко-средняцкого) хозяйства, ведя политику ограничения и вытеснения капиталистических элементов как в городе, так и в деревне, на определенном этапе социалистического строительства—перейти к массовой переделке производственных отношений простого товарного хозяйства в производственные отношения, соответствующие социалистическим формам хозяйства. До появления необходимых условий для этой переделки необходимо „считаться с мелким крестьянством как мелким крестьянством“ и на этой основе поднимать сельское хозяйство. Это значит, что партия сознательно воздерживалась от непосредственного социалистического строительства в деревне в массовом масштабе, не только оставляя там производственные отношения простого товарного хозяйства, но и ведя политику, помогающую росту сельского хозяйства на этой основе. Затем партия всей своей политикой—индустриализацией страны, усилением производственного обслуживания сельского хозяйства, усилением производственных форм смычки, широким кооперированием крестьянского населения и внедрением идеи кооперации в толщу крестьянских масс, ростом производственных отношений последовательно-социалистического типа в городе, форсированным наступлением на кулака—подготовила предпосылки перехода к переделке отношений простого товарного хозяйства в отношения, соответствующие социалистическим формам. До сих пор непосредственное социалистическое строительство, т. е. установление социалистических форм производственных отношений и их расширенное воспроизводство в основном не затрагивало деревни. Теперь оно началось в деревне. В этом суть того этапа, в который мы вступили.

Отказавшись на первом этапе нэпа от задачи непосредственно социалистического переустройства сельского хозяйства в массовом масштабе, надо было найти посредствующие звенья для установления социалистических форм производственных отношений в сельском хозяйстве. Такими „посредствующими звеньями“ были крупная социалистическая промышленность, кооперация, рост пролетариата, рост его культурного развития и политического уровня, рост его влияния среди бедняцко-средняцких масс крестьянства. Но до тех пор, пока эти „посредствующие звенья“ не получили такого значения, которое позволило бы перейти к непосредственному социалистическому строительству в сельском хозяйстве, мы должны были пойти на допущение известной свободы торговли, известного оживления капитализма, на допущение концессий и т. д. Но, допустив рыночные формы хозяйственной связи, считаясь с мелким крестьянином как с мелким крестьянином, допустив известную свободу капитализма как в городе, так и в деревне, социализм вступил в бой с капитализмом, пользуясь его же оружием и в этом бою одерживая одну победу за другой. Начав с торговых форм смычки, мы все больше переходим к производственным формам смычки; начав со стихийно-рыночных форм связи города и деревни, мы стали переходить к системе договоров и контрактации;

начав с известного оживления капитализма, мы все больше его ограничивали и вытесняли; начав с оживления старого общественно-экономического уклада в деревне, мы все больше им овладевали и подчиняли своему влиянию.

Если говорить о периодизации „нэпа“, то можно сказать, что решением XV съезда партии было положено начало преодоления мелкого товарного бедняцко-средняцкого хозяйства, начало преодоления торговли.

Новый этап, в который мы вступили с лета 1929 г., характеризуется все большим переходом бедняцко-средняцких масс к коллективным формам хозяйства. Это значит, что в процесс непосредственно-социалистического строительства оказалось вовлеченным в массовом масштабе бедняцко-средняцкое крестьянское хозяйство. Этот процесс не мог не отразиться на экономической политике партии. Торговля начинает переставать быть основным связующим звеном города и деревни, промышленности и сельского хозяйства, перерастая через контрактацию, договор, производственные формы смычки в социалистический продуктообмен. Процесс перерастания торговли в социалистический продуктообмен является результатом бурных процессов коллективизации, результатом социалистического переустройства сельского хозяйства, результатом того, что с переходом к непосредственному социалистическому строительству в деревне мы вступили в период, когда „посредствующие звенья“ начинают—но только начинают—становиться излишними.

Такое же положение мы имеем в нашей политике по отношению к кулаку. Известная свобода кулаку, предоставление ему возможности существовать до поры, до времени, было на определенном этапе развития нашей революции необходимым „посредствующим звеном“ для поднятия индивидуального бедняцко-средняцкого крестьянского хозяйства. Но по мере того, как мы начали переходить к непосредственному социалистическому строительству в деревне, по мере того, как начали создаваться районы сплошной коллективизации, необходимость в этом „посредствующем звене“ начала исчезать, превращалась во вредную помеху в районах сплошной коллективизации. Поэтому мы сделали „поворот от старой политики ограничения (и вытеснения) капиталистических элементов деревни к новой политике ликвидации кулачества как класса“.

Таким образом мы вступили в процесс перерастания новой экономической политики в политику непосредственного социалистического строительства во всем народном хозяйстве. Когда этот процесс перерастания завершится, то мы „отбросим нэп к черту“ и будем осуществлять политику расширенного воспроизводства социалистических производственных отношений во всем народном хозяйстве.

Можно ли сказать, что это новое в экономической политике снимает нэп и делает его излишним? Конечно нет. Мы только находимся у самого начала этого процесса перерастания нэпа в политику непосредственного социалистического строительства. Это надо помнить для того, чтобы избежать как „левоопportunистических“ заскоков (рассматривающих существующую систему хозяйства, как „сплошное социалистическое плато“ и поэтому считающих возможным уже снять вопрос: „кто кого“), так и правоопportunистических попыток задержать начавшийся процесс непосредственного социалистического переустройства всего народного хозяйства.

ВЫСТУПЛЕНИЕ т. Я. ЛЕЙБМАНА

Одна из основных методологических погрешностей т. Розенталя заключается в том, что он идет не от нэпа к новому этапу, а наоборот. Создав определенную концепцию нового этапа, т. Розенталь уже под нее подгоняет опре-

деление нэпа, скатываясь в значительной степени в результате этого к право-„левым“ толкованиям его.

Ошибки т. Розенталя начинаются с неправильной оценки существа нэпа. Партия исходила и исходит в своей оценке содержания нэпа из того, что нэп—это политика строительства и построения социализма. Партия неизменно исходила из того, что наличие простого товарного хозяйства в нашей экономике требует от пролетариата такой системы экономических мероприятий, которые через ряд переходных форм и этапов привели бы в конечном счете к закрытию тех пор, из которых „ежедневно, ежечасно, вновь и вновь рождается капитализм“. Партия исходила из того, что переходный период кончается с построением фундамента социалистической экономики и, следовательно нэп, имеющий как раз эту задачу, является единственно возможной и единственно-правильной экономической политикой переходного периода.

Вот как оценивает нэп Владимир Ильич:

„Люди по многим вопросам расхопившиеся, с различных точек зрения оценивающие положение, единодушно и очень быстро пришли, без всяких колебаний, к тому, что у нас подхода настоящего к социалистической экономике, построению ее фундамента нет, и единственный способ найти этот подход—это новая экономическая политика... Мы знаем, что у нас никаких разногласий не было потому, что практическая необходимость иного подхода к постройке фундамента социалистической экономики для всех была ясна“³.

В духе этого же определения дает установку и т. Сталин в своем заключительном слове на XIV съезде партии, раскрывая диалектическое содержание, двойственную природу и историческую ограниченность нэпа.

После этих предварительных замечаний разрешите напомнить определение, которое дает нэпу т. Розенталь.

„В истории переходного периода,—говорит он,—новая экономическая политика является „предысторией“ к непосредственному социалистическому строительству во всем народном хозяйстве, когда минует надобность в длинном ряде переходных мер и посредствующих звеньев и когда, на основе окрепшей и выросшей социалистической индустрии, мы сумеем подойти вплотную „к крупному общественному машинному земледелию“⁴. И еще ярче:

„Короче говоря, новая экономическая политика была совокупностью таких мероприятий пролетарского государства в деле социалистического строительства, которые через ряд посредствующих звеньев и переходных мер должны были подвести к разрешению задач непосредственного социалистического строительства в объеме всего народного хозяйства, к коренной ломке старого общественно-экономического уклада деревни на базе мощной социалистической крупной промышленности, основе основ социализма и кооперации“⁵.

Итак нэп—лишь предыстория социалистического строительства, лишь подготовка и накопление предпосылок для этого непосредственного социалистического строительства.

Я спрашиваю, может ли нас удовлетворить такое определение нэпа? Нет, не может. Оно ни в коей мере не совпадает с оценками, которые давала нэпу наша партия. Тов. Розенталь приводит кучами цитаты из Ленина, но он все время берет те его высказывания, которые фиксируют внимание партии на той или иной данной очередной задаче.

³ Ленин, Соч., т. XVIII, ч. 2, доклад на XI съезде РКП.

⁴ „Большевик“ № 5, с. 69—70.

⁵ Там же, с. 74.

Тов. Розенталь совершенно обходит молчанием те общие характеристики, которые неоднократно давал Ленин нэпу.

Тов. Розенталь далее говорит, что нэп был политикой осады в противовес политике военного коммунизма, которая была штурмом. Понятно и в осаде могут быть элементы наступления. Но все же основной и решающей чертой осады является выжидание. Кстати сказать Ленин, когда говорил о переходе от штурма к осаде, связывал это, во-первых, с периодом отступления и, во-вторых, с переходом на позиции госкапитализма. Когда т. Розенталь весь нэп хочет уложить в понятие „осада“, то тут мы имеем завуалированную форму трактовки нэпа лишь как отступления. Куда же действительно девается наступление, которое мы стали осуществлять в товарообороте решениями XIII съезда партии? Где же форсированное наступление на кулацко-капиталистические элементы, которое мы стали осуществлять решениями XV съезда партии?

Поскольку т. Розенталь считает нэп предьсторией непосредственного социалистического строительства, постольку иного места для нэпа в своей триединой формуле „штурм—осада—штурм“ он отвести никак не может. Но чем же тогда отличается его определение нэпа от определений, которые давались нэпу „левой“ и объединенной оппозицией? Как и у последних—нэп у т. Розенталя принимает вид только отступления. Наступательные черты из него выпали.

Посмотрим, можно ли так механистически делить социалистическое строительство в рамках переходного периода на „опосредствованное“ и „непосредственное“, как то делает т. Розенталь. Развитие на протяжении всего минувшего периода нэпа наших социалистических командных позиций было непосредственным социалистическим строительством? Очевидно непосредственным. Но если для нэпа главным образом характерно именно опосредствованное социалистическое строительство, то т. Розенталь вступает в острейший конфликт с самым ходом социалистического строительства в нашей стране. Ведь это непосредственное социалистическое строительство охватывало непосредственно не меньше половины нашей экономики, оказывая социалистическое воздействие на другую его часть. Из этого видно, насколько необосновано деление Розенталя и насколько неправильно считать характерным для нэпа лишь опосредствованное социалистическое строительство.

Коминтерн считает нэп явлением не специфически-русским, а интернациональным. В программе Коминтерна имеется специальный раздел о международном значении нэпа. Мы прекрасно отдаем себе отчет в том, что не во всех странах этот нэп по формам, методам и продолжительности применения будет одинаков. Но поскольку в любой стране перед победившим в революции и закрепившим свою власть пролетариатам будет стоять задача социалистической переделки (а не экспроприации) простых товаропроизводителей, постольку система экономических мероприятий, в основных принципах сходная с нэпом, будет необходима в любой стране. Посмотрим, что говорит по этому поводу т. Розенталь:

„Именно в этом суть, задача и содержание тех особых переходных мер от капитализма к социализму, которые не нужны в странах с развитой крупной промышленностью, способных разрешить задачу непосредственного социалистического переустройства деревни и которые совершенно необходимы в странах, где преобладает мелкое хозяйство и где нет той крупной промышленности, которая способна реорганизовать земледелие“ (с. 65).

Международное значение тут выпало. И как же может быть иначе? Раз смысл нэпа, по Розенталю, в подготовке сил и накоплении предпосылок, то победивший пролетариат той страны, где эти силы и предпосылки имеются, не будет нуждаться в нэпе.

Тов. Розенталь говорит, что нэп был лишь подготовкой непосредственного социалистического строительства. Этим он грубо разрывает кооперативный план Ленина. Достаточно известно, что кооперативный план предполагает не только кооперирование процессов обращения, но самую эту первую стадию рассматривает как подготовку производственного кооперирования бедняцко-средняцкого крестьянства, его коллективизации, которая как раз и венчает собой этот кооперативный план. Достаточно также известно, что идеологи правого уклона пытались представить переход к коллективизации как ликвидацию нэпа, как скат партии к политике военного коммунизма. Тов. Розенталь немало облегчает такого рода утверждения своей разбивкой на непосредственное и опосредствованное социалистическое строительство. Очевидно, и это вряд ли т. Розенталь будет оспаривать, коллективизация есть непосредственное социалистическое строительство. А в рамках нэпа возможно лишь опосредствованное социалистическое строительство, т. е. кооперирование лишь процессов обращения. Таким образом процесс коллективизации оказывается за пределами нэпа, и кооперативный план Ленина оказывается разорванным. Желая выпятить новое на данном этапе, в чем мы с ним абсолютно согласны, т. Розенталь прибегнул для этого к такому пути доказательства, который объективно на-руку правому уклону, продолжающему быть главной опасностью на данном этапе.

Таким образом мы видим, что в вопросе о сущности нэпа т. Розенталь занимает позицию, отличающуюся от оценок нэпа партией.

Перехожу к оценке, которую т. Розенталь дает новому этапу. Необходимо, во-первых, отметить, что в другой своей статье „Два года пятилетки“⁶ т. Розенталь еще оценивает настоящий этап как этап нэпа. В своей статье в № 5 „Большевика“ он уже с некоторыми оговорками, существенного значения не имеющими, выводит настоящий этап за пределы нэпа. У него получается такая схема: штурм (политика военного коммунизма), осада (нэп), новый штурм (новый этап).

Механистичность подразделения на опосредствованное и непосредственное социалистическое строительство мы уже выше вскрыли.

Теперь одно из двух: или непосредственное социалистическое строительство качественно совпадает со строительством в рамках построенного социализма,—тогда вопрос ясен: тогда выходит, что мы уже вступили в первую фазу коммунизма и нэп уже снят. Но не поспешно ли это? Не стоят ли перед нами как раз на данном этапе такие задачи, разрешение которых лишь может нам позволить перейти к строительству в рамках построенного социализма. Ясно, что видеть в настоящем этапе в целом строительство, качественно совпадающее со строительством в рамках построенного социализма—безусловно неверно. Нам надо до того решить две сложнейших задачи настоящего этапа, в которых как раз и заключается его особенность. Ведь такое понимание „непосредственного социалистического строительства“ на данном этапе ведет прямехонько к утверждению, что вопрос „кто кого“ уже снят, социализм построен.

Но может быть и другое „или“: или непосредственное социалистическое строительство, являющееся, по мнению т. Розенталя, основной чертой настоящего этапа—этапа в переходном периоде, качественно отличается и от нэпа, и от строительства в рамках построенного социализма. Но тогда нужно сформулировать это качественное отличие. В отношении нэпа т. Розенталь по-своему это делает, но он совершенно не указывает, каково же качественное отличие этого непосредственного социалистического строительства на на-

⁶ «Коммунистическая революция» № 22—23, 1929.

стоящем этапе переходного периода от строительства в рамках построенного социализма. Прочтите последние абзацы его статьи там, где он говорит об условиях исчезновения остатков нэпа, и вы убедитесь, что никакого качественного отличия в вышеуказанном смысле не получается. А потому остается только лишь первое, столь неприятное „или“, а именно, что нэпа уже нет, что нэп уже кончился. Тов. Розенталь это в сущности и заявляет, говоря, что то „новое“, что имеется в нашей экономике, в нэп не укладывается.

Тов. Розенталь хотел дать три типа социалистического строительства: опосредствованное социалистическое строительство на протяжении нэпа, непосредственное социалистическое строительство на настоящем этапе переходного периода (уже не являющегося нэпом) и социалистическое строительство в рамках построенного социализма. А по сути получилось только два типа: опосредствованное социалистическое строительство в рамках нэпа, который уже кончился, и непосредственное социалистическое строительство данного этапа, качественно не отличающегося от строительства в рамках построенного социализма. Иначе говоря, нэп уже кончился, мы уже вступили в социализм.

Не приходится объяснять, насколько неправильно такое утверждение, ведущее к снижению классово-бдительности пролетариата, к снижению уровня его боеспособности, питающее собой „левые“ загибы на практике.

Рассуждая о сущности нэпа, мы указывали, что его назначением является построение фундамента социалистической экономики, что его стержнем является переделка крестьянского хозяйства на социалистический лад, что особенностью его является двойственная природа. Основными чертами настоящего этапа является сплошная коллективизация, охватившая широчайшие массы бедняцко-средняцкого крестьянства, и ликвидация кулачества как класса на этой основе. Что же представляет собой настоящий этап в его отношении к нэпу и социализму?

Настоящий этап—это этап нэпа, ибо фундамент социалистической экономики еще не построен, ибо сплошная коллективизация—это процесс, который на сегодняшний день охватил лишь 40—50% бедняцко-средняцких хозяйств в основных зерновых районах. Это этап нэпа, ибо ликвидацию кулачества как класса мы осуществляем лишь на базе сплошной коллективизации. Это этап нэпа, ибо наряду с основным лозунгом ликвидации кулачества сохранил еще свою силу в качестве подсобного—лозунг ограничения и вытеснения кулака. Это этап нэпа, ибо партия решительно борется с „левозагибными“ лозунгами „ликвидация нэпмана как класса“. Это этап нэпа, ибо мы сейчас еще не ставим перед собою, как ближайшую очередную задачу, полный переход к социалистическому распределению и продуктообмену.

Но вместе с тем неверно было бы видеть в новом этапе простое развитие и продолжение предыдущего его этапа. Ведь в нашей экономике происходит сейчас процесс превращения индивидуального крестьянского хозяйства в хозяйство социалистическое и на основе этого—сужение простого товарного хозяйства. А ведь именно наличие простого товарного хозяйства и необходимость его социалистической переделки и вызвали к жизни нэп. Грубо ошибочно было бы поэтому видеть тут простое развитие и продолжение старого, в то время, когда основным лозунгом в отношении капиталистических элементов уже стало не допущение, ограничение и вытеснение, а ликвидация.

Поскольку сердцевинной, стержнем нэпа является социалистическая переделка простого товарного хозяйства, поскольку сейчас мы переживаем этап скачка этого простого товарного хозяйства в хозяйство социалистическое через обобществление, постольку настоящий этап, будучи этапом нэпа, вместе с тем является этапом преодоления нэпа.

Нэп может стать лишним только тогда, когда будет выполнена его стержневая задача—социалистическая переделка простого товарного хозяйства. Мог ли бы нэп стать лишним на стадии кооперирования главным образом процессов обращения, характерной для предыдущего этапа его? Нет. Ибо тогда не был бы решен основной вопрос—вопрос о характере собственности в сельском хозяйстве. Можно ли следовательно говорить, что и первый этап нэпа также был этапом преодоления нэпа? Нет. То была подготовка перелома в крестьянском хозяйстве, подготовка скачка, о котором мы выше говорили.

Настоящий этап потому и является решающим и переломным, что именно на протяжении его происходит ломка старых отношений собственности в деревне, подготовленная всем предыдущим периодом развития. Вот почему именно о данном этапе нэпа можно говорить как об этапе преодоления нэпа.

В нэпе, двойственную природу которого мы выше подчеркнули, все больше берут верх социалистические его черты и преодолеваются черты, вызванные фактом наличия капиталистических элементов и их мелкобуржуазной базы. Тем самым подготавливается переход к политике социалистического строительства в рамках построенного социализма. В меру успешного осуществления задач настоящего этапа нэпа мы все больше преодолеваем нэп, приближаясь к тому моменту, когда задачи переходного периода будут в основном разрешены и в связи с этим нэп станет лишним. Таким образом настоящий нэп есть этап нэпа, который вместе с тем означает процесс преодоления нэпа.

ВЫСТУПЛЕНИЕ т. В. КАРПИНСКОГО

Я считаю, что основным недостатком заслушанного доклада и статьи т. Розенталя является самый метод подхода к освещению и решению вопросов, которые он ставит. Этот метод характеризуется схематизацией и склонностью к дефинициям (употребляя выражение т. Ленина), к злоупотреблению отвлеченными определениями, понятиями без конкретного анализа их содержания.

В самом деле, какова схема т. Розенталя? Мы практиковали политику непосредственного соцстроительства—это был первый этап. Второй этап—отказ от политики непосредственного соцстроительства, переход к посредствующим мерам. Третий этап—возвращение к политике непосредственного соцстроительства.

Схематизация сразу же ведет автора к разрыву с действительностью, к неправильному изображению хода развития и неверному пониманию нэпа. И у т. Розенталя волей-неволей получается (хотя он и делает ряд оговорок), что нэп был, в сущности, сплошным отступлением или сплошным обходным движением, и только теперь мы опять осуществляем переход к наступлению на капиталистические элементы в порядке непосредственного строительства социализма. В действительности же непосредственное строительство, начавшись в первом периоде, продолжалось и во втором периоде. Это—во-первых. Во-вторых, в оба эти периода—и особенно как раз во втором периоде—закладывался фундамент социалистической экономики. В-третьих, продолжалась борьба с капиталистическими элементами. Эти капиталистические элементы не были „пособниками капитализма“, как выходит у т. Розенталя. В-четвертых, укреплялась смычка крестьянской экономики с социалистической экономикой.

Нэп как закладка фундамента для социалистической экономики у т. Розенталя вовсе не оценен правильно.

У него получается разрыв между вторым и третьим этапом. У него сказано, что коллективизация имеет своим исходным пунктом рост крупной социалистической промышленности. А так как рост крупной социалистической промышленности начался совсем недавно, то выходит, что до этого не было никакой коллективизации. И это действительно должно так получиться, если мы станем на ту точку зрения, что нэп—это сплошное отступление. В действительности исходным пунктом коллективизации является диктатура пролетариата. Так, по крайней мере, ставил этот вопрос т. Ленин, например в полемике с Каутским.

Дальше наблюдается у т. Розенталя, как мы сказали, склонность к дефинициям, к употреблению отвлеченных определений без анализа их конкретного содержания. Он правильно обрушивается на недостаточность определения современного этапа нэпа как „заката“, „начала конца нэпа“ и т. д. Но, к сожалению, сам он ничего конкретного не дает. Я процитирую некоторые места из его статьи. Например он пишет: „Период посредствующих звеньев“ и „переходных мер“ к непосредственному социалистическому строительству перерастает в новый период—период непосредственного социалистического строительства, причем это последнее понятие, которое он употребляет бесчисленное число раз, так и остается у него без малейшей попытки определить конкретное его содержание.

По вопросу о частном капитале т. Розенталь говорит:

„Частный капитал все больше будет терять свое значение“. Видите ли: еще „будет терять“, даже еще не „теряет“—явная неверность. И дальше: „...,поскольку производственной базы он лишен“... Уже лишен. С одной стороны, частный капитал только еще будет терять свое значение (в то время как он уже потерял его в громадной мере), а, с другой стороны, он уже лишен производственной базы,—снова фактическая неверность, ибо известная производственная база у него еще есть.

Тов. Розенталь указывает на новые бесспорные факты нового этапа,— это ликвидация кулачества, но что это означает конкретно в смысле перехода к непосредственному социалистическому строительству, он не выясняет.

Построение крупной социалистической индустрии было и в первом этапе, и особенно во втором этапе. В чем разница теперь, на третьем этапе? Объяснения т. Розенталь не дает. Коллективизация развивалась и в первом, и особенно во втором этапе. В чем же разница теперь, на третьем этапе? Тут, правда, он указал на существенный момент, это — перелом в крестьянских массах в сторону коллективизации. Но чем отличается сейчас построение колхозов от того периода, когда колхозы были в небольшом количестве? Чем отличалась по типу своему тогдашняя организация колхозов от теперешнего этапа? Чем отличается от прежнего этапа построение колхозов теперь, в период непосредственного строительства? Тов. Розенталь не объяснил.

Точно также и с раскулачиванием. Чем отличается раскулачивание первого этапа, от раскулачивания в третьем этапе? Возврат ли это к старому? И на этот сравнительно простой вопрос нет ответа.

Новый этап, в который мы сейчас вступаем, вырастает непосредственно из второго этапа. Какие изменения требуются в нашей политике, например в политике по отношению к капиталистическим элементам? Частью наша политика уже изменена, но например в отношении середняка нужна ли какая-то иная политика? Многие товарищи вообразили, что мы вступили в такую фазу социалистического строительства, когда прежние отношения с середняком уже стали ненужными. Очень характерно, что у т. Розенталя этот вопрос обойден.

Ленин в первом этапе подчеркивал три момента: 1) восстановление крупной промышленности, 2) налаживание непосредственного продуктообмена с мелким крестьянским земледелием при содействии его обобществлению и 3) заем с крестьянина для восстановления крупной промышленности. Вот политика первого этапа. Вы знаете, что из политики первого этапа был осуществлен только заем, во всем остальном план за первый период остался несуществующим.

Возникает вопрос, чем же существенно отличается третий этап от первого?

Тов. Розенталь, утверждая, что третий этап есть возвращение к непосредственному строительству социализма, конкретно не определяет разницы. Или ее нет? А ведь разница бросается в глаза. Промышленность теперь не только восстановлена, но и в значительной степени развита. Контрагентом выступает в нашей хозяйственной связи с сельским хозяйством не только единоличник, а все более коллектив. Кроме того, в сельскохозяйственном производстве у нас имеются теперь мощные государственные предприятия—совхозы, предприятия последовательно - социалистического типа. Здесь у нас нет больше вынужденной необходимости прибегать к методам военного коммунизма. Крестьянство правда должно еще нести известные жертвы для развития промышленности, но теперь имеются у нас возможности крепкой связи с единоличником—бедняком и середняком, возможности подчинения его хозяйства государственным социалистическим планам, помимо вовлечения его в колхоз, возможности решительной борьбы с кулаком вплоть до ликвидации его как класса, и в результате всего этого есть действительная возможность организации планового продуктообмена между городом и коллективной деревней.

В чем сейчас конкретно выражается социалистическое строительство, если мы в самом деле приступили к тому, что т. Розенталь называет непосредственным строительством социализма? Находимся ли мы на каком-то новом этапе, или мы еще в него не вступили?

Ленин в своей известной статье о кооперации утверждал, что у нас имеются в наличии все необходимые и достаточные элементы для построения социализма. Первый элемент—политическая власть пролетариата. Второй—экономическая власть пролетариата, в руках которого находятся все крупные средства производства. Третий элемент—союз с бедняцко-середняцким крестьянством. Четвертый—руководство им. Пятый—кооперация.

Но в той же самой статье подчеркнута, что при наличии всех необходимых и достаточных элементов для построения социализма, это все - так и еще не построение социалистического общества.

В свое время мы заострили этот вопрос о построении социализма против оппозиции и утверждали, что мы строим социализм. Это безусловно верно, ибо когда мы строим крупную промышленность, мы конечно строим социализм, когда мы строим совхозы, это—тоже строительство социализма, когда мы строим колхозы, это постройка и развитие производственно-потребительских ячеек социалистического типа для будущего социалистического общества.

Когда мы строим сельскохозяйственные кооперативные предприятия, то это нельзя рассматривать иначе, как подготовку к постройке колхозно-кооперативных организаций—этих ячеек будущего социалистического общества. В целом мы безусловно строим социализм в разных частях народного хозяйства по-равному. Это строительство в разных частях народного хозяйства находится в разных стадиях. Все это вместе есть сложный процесс постепенного построения социализма. Можно сказать, что в той части народного хо-

зяйства, где еще нет непосредственного социалистического строительства в смысле построения предприятий последовательно - социалистического типа, мы переживаем колхозно-кооперативную стадию строительства. Но за этой стадией еще лежит целый переходный период к непосредственному построению социалистического общества.

Я полагаю, что те товарищи, которые думают, будто мы теперь уже вступили в стадию непосредственного построения социалистического общества, во-первых, упускают из виду, что до этого построения лежит еще целая переходная стадия от кооперативных колхозных объединений к крупному механизированному сельскохозяйственному производству последовательно-социалистического типа. Во-вторых, они упускают из виду все те особенности, которыми эти колхозно-кооперативные объединения отличаются в настоящий период в смысле неизжитых еще экономических противоречий, элементов классовой борьбы, имеющихся у них. Докладчик этот момент обошел как в своей статье, так и в заслушанном нами докладе. А упускать этот момент никак нельзя, ибо он имеет громадное значение для всего колхозного строительства и, несомненно, корень ошибок и извращений, сделанных в колхозном строительстве за последнее время, лежит как раз здесь.

ВЫСТУПЛЕНИЕ т. К. БУТАЕВА

Основная проблема доклада и прений заключается в выяснении того, является ли новый этап, который мы сейчас переживаем, этапом нэпа или выходит за рамки нэпа. Я считаю, что этот этап является этапом нэпа и не выходит за его рамки. Нэп был отступлением, подготовкой к наступлению и самим наступлением. Наш теперешний этап есть новый этап нэпа и, я бы сказал, последний его этап.

Я коснусь трех вопросов: товарообмена, классов и классовой борьбы и содержания нового этапа. Верно ли, что содержанием нынешнего этапа нэпа является непосредственное строительство социализма во всем народном хозяйстве, как утверждает т. Розенталь?

Ленин, обосновывая политику нэпа, считал, что „правильной политикой пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в мелкокрестьянской стране, является обмен хлеба на продукты промышленности, необходимые крестьянину“... „Продналог есть переход к ней“. С этой точки зрения нэп как отступление от политики разверстки в политике продуктообмена нельзя считать отступлением. Но на этой политике продуктообмена мы не удержались из-за разорения и отсталости страны, и отступили дальше к товарообмену и к торговле. Если проследить нэп по этой форме связи и отношений, то мы увидим, что имеем тут отступление к товарообмену и торговле, подготовку к наступлению, выражающуюся в обобществлении торговли, регулировании ее государством и в переходе от регулирующего нэповского товарооборота к социалистическому продуктообмену. Этот последний момент и является содержанием нового этапа. Социалистический продуктообмен, налаживаемый в теперешний новый этап, отличается от того товарообмена, который предполагал Ленин в 1921 г. Теперешний продуктообмен есть обмен продуктов социалистической промышленности с коллективизированной деревней, а не с мелким крестьянским хозяйством, как это предполагалось в начале нэпа. Таким образом по линии форм, связей и отношений содержанием нэпа является отступление, подготовка к наступлению и само это наступление.

Нэповский товарооборот включает в себя элементы продуктообмена. С другой стороны, он является товарным обменом. Нэповский товарообмен имеет двойственный характер. Новый этап является этапом, когда сторона

продуктообмена побеждает, а следовательно уничтожаются стоимостные отношения и той стороны нэповского товарообмена, которая выражает собой подлинный товарообмен.

Тов. Розенталь утверждает, что все то новое, что мы имеем теперь, не укладывается в рамки нэпа, что нэп ограничивается только отступлением и подготовкой к наступлению. Это положение неверно, ибо нэп есть не только отступление и подготовка к наступлению, но и само наступление по линии формы отношений между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством.

Что касается классов и классовой борьбы, то нынешний новый этап является этапом уничтожения классов. Мы не только уничтожаем кулачество как класс, но и переводим мелкие бедняцко-середняцкие хозяйства в крупные коллективизированные хозяйства, а следовательно лишаем мелкого производителя классовых черт индивидуального частного собственника. Это еще не полное уничтожение класса мелких собственников, но это уже начало его уничтожения.

Что касается вопроса об основном содержании нового этапа, то оно заключается в непосредственном переходе от мелкого производства к социализму. Положение т. Розенталя о том, что новый этап—это этап непосредственного строительства социализма во всем народном хозяйстве, слишком неопределенно. Непосредственное строительство социализма было у нас и до нового этапа в области крупного производства, в области промышленности, товарооборота, в области связи между различными секторами и т. д. Новый же этап характерен переходом от мелкого производства к социализму.

Переход от мелкого производства к социализму происходит в условиях обостренной классовой борьбы. Это не дается простой непосредственной эволюцией, автоматическим вращением мелкого производства в социализм. Этот переход меняет существующие отношения и формы проявления этих отношений, изменяет соотношение между различными секторами, изменяет содержание нэпа в новый период. Этот переход от мелкого производства к социализму включается в содержание нэпа, с чем соглашается и т. Розенталь, утверждая, что „центральной проблемой нэпа является проблема переделки мелкого хозяйства в социалистическое крупное“.

Можно разное подходить к вопросу о нэпе вообще и о новом этапе в частности. Есть люди, которые понимают нэп как свободу хозяйственной инициативы, свободу частнохозяйственного развития, и все, что противоречит этому, является уже военным коммунизмом, не нэпом, а его отрицанием. Так понимать нэп—это значит не понимать его вовсе, не понимать диалектики его развития, не видеть двойственной его природы. В этом отношении т. Розенталь делает ошибку, считая, что все то, что есть нового, уже не нэп, а выходит за его рамки.

Если принять положение, что сплошная коллективизация, строительство совхозов и развитие социалистического продуктообмена—уже не нэп, а другая, отличная от нэпа политика, то это было бы некоторой теоретической основой „левых“ перегибз, которые мы недавно имели на практике.

Если коллективизацию проводить не на рельсах нэпа, то неизбежно закрытие товарооборота, ограничение свободы обмена, усиление административного нажима. С другой стороны, я полагаю, что в этих „левых“ перегибах есть некоторое практическое применение слишком большого увлечения только формой производства. Есть известное диалектическое соотношение между формой и содержанием. Форма развития производительных сил в наших условиях обгоняет развитие содержания. Но если этот обгон заходит так далеко вперед,

что диалектическая связь с содержанием не сохраняется, то этим самым форма отрывается от содержания и обречена на гибель. Повидимому и эта неправильная трактовка диалектического соотношения между формой и содержанием была невидим, так сказать, теоретическим „подготовлением“ так наз. „левых“ перегибов в практике коллективизации.

Итак содержание нового этапа нэпа можно сформулировать следующим образом: во-первых, новый этап является процессом последнего решительного боя за решение проблемы „кто кого“. Во-вторых, новый этап является этапом социалистической реконструкции сельского хозяйства, проходящей по линии сплошной коллективизации, следовательно уничтожения мелко-товарной и натурально-патриархальной форм производства, поскольку они охватываются сплошной коллективизацией, одновременной ликвидации капиталистического сектора в сельском хозяйстве на базе сплошной коллективизации.

В-третьих, новый этап является процессом уничтожения противоречий между сельским хозяйством и промышленностью, а следовательно противоположности между городом и деревней.

В-четвертых, новый этап является процессом обеспечения крестьянскому хозяйству расширенного воспроизводства по линии социалистического укрупнения.

В-пятых, новый этап означает уничтожение классов, с одной стороны, по линии переделки мелких товаропроизводителей, с другой стороны, по линии ликвидации кулачества как класса.

В-шестых, новый этап является процессом превращения нэповского товарооборота с двойственным содержанием в социалистический продуктообмен между городом, с его социалистической промышленностью, и коллективизированной деревней.

В-седьмых, мы имеем процесс ликвидации стихийно-рыночных отношений в стране и большой охват всего народного хозяйства непосредственным прямым планированием.

Далее, новый этап является процессом реорганизации всей системы хозяйствования, переделки ее в систему социалистического хозяйствования.

А вслед за этим, скорее параллельно этому, идут задачи ломки старых бытовых отношений и т. д.

Вот то основное содержание нового этапа, которое, развиваясь, будет снимать нэп как особую политику и от которого мы непосредственно вступаем в социалистическое хозяйство.

ВЫСТУПЛЕНИЕ т. А. РОМАНСКОГО

Схема нового этапа, данная т. Розенталем, представляющая собой такую последовательность: наступление, отступление, новое отступление—является неправильной. Я попытаюсь подойти к этому вопросу с точки зрения расширенного воспроизводства. Проблема расширенного воспроизводства является одной из центральных проблем, которые стоят перед социалистическим строительством.

Чтобы не быть голословным, я приведу несколько высказываний Ленина по этому вопросу. В своей статье „Грозящая катастрофа и как с ней бороться“ в 1917 г. Ленин писал: „Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и экономически. . . Погибнуть или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей“⁷. О чем здесь говорит Ленин? Он говорит

⁷ Ленин, Соч., т. XXI, с. 191.

о темпах—о расширенном воспроизводстве. Еще яснее это сказано Лениным в 1918 г. Я вам прочту это место, оно очень интересное, я думаю, что много времени я у вас не займу. Ленин пишет: „Во всякой социалистической революции, после того, как решена задача завоевания власти пролетариатом, и по мере того, как решается в главном эта основная задача экспроприировать экспроприаторов, выдвигается на первый план коренная задача создания высшего, чем капитализм, общественного уклада, именно повышения производительности труда и в связи с этим и для этого его высшая организация. . . Подъем производительности труда требует прежде всего обеспечения материальной основы крупной индустрии: развития производства топлива, железа, машиностроения, химической промышленности“⁸. Проблема расширенного воспроизводства, которая встала перед советской властью, представляет собой систему мер, не имеющих ничего общего с красногвардейской атакой на старый быт, в смысле немедленной ломки отношений между мелкими товаропроизводителями. Был захват власти, была социализирована, по существу национализирована, земля, были национализированы фабрики и заводы. Думать, что непосредственно после Октября мы имели какое-то бешеное наступление вперед, думать, что мы имели какую-то дальнейшую красногвардейскую атаку на старый экономический быт—это, по-моему, неверно.

Как Ленину рисовалась практическая задача расширенного воспроизводства, которая встала, повторяю, сейчас же, на второй день после завоевания власти, когда советская власть приступила к непосредственному руководству экономической жизнью страны? Я прочту следующее место из статьи Ленина „Очередные задачи советской власти“. В 1918 г. Ленин писал: „На очередь дня выдвигается восстановление разрушенных войной и хозяйничанием буржуазии производительных сил; излечение ран, нанесенных войной, поражением в войне, спекуляцией и попытками буржуазии восстановить свергнутую власть эксплуататоров, экономический подъем страны; прочная охрана элементарного порядка“^{8а}.

Таким образом никакой красногвардейской атаки на экономику мелкого производства не было. Из этого вытекает следующий вывод: военный коммунизм не был дальнейшим наступлением по сравнению с той политикой, которая была раньше. А к чему сводится схема т. Розенталя? Наступление, отступление и дальнейшее наступление. После захвата власти, после захвата командных высот в 1917 г. и в начале 1918 г. никакого „бешеного наступления“ мы не имели.

Можно ли говорить, что во время гражданской войны мы сделали следующий прыжок вперед, что мы перешли вновь в дальнейшее наступление, что мы пошли дальше того, что мы хотели сделать?

В момент военного коммунизма мы имели не наступление вперед, а качественное изменение экономической политики. Разве можно говорить о том, что в эпоху гражданской войны, в эпоху военного коммунизма мы строили социализм, что мы шли дальше того, что было накануне политики военного коммунизма в стране? Разве это утверждение верно? Это совершенно неверно. В обстановке военного коммунизма расширенное воспроизводство было снято с порядка дня. Поставленная в порядок дня после Октябрьской революции эта проблема в обстановке гражданской войны и военного коммунизма была снята. Мы не только не имели расширенного воспроизводства, но даже простого воспроизводства. Мы имели систему потребительскую. Это была экономика осажденной крепости. Достаточно вспомнить призывы Ленина к крестьянству дать рабочему классу „в долг“, „в ссуду“ хлеб, нужный для военной

⁸ Ленин, Соч., т. XXII, с. 453.

^{8а} Там же, т. XV, с. 182.

защиты диктатуры пролетариата⁹. Мы имели военный союз рабочего класса с середняком. Что отсюда следует? Что нельзя говорить о том, что нэп является отступлением. На очереди была другая задача—военная защита пролетарской диктатуры.

Могут сказать, что об отступлении говорил сам Ленин. Ленин писал, что повышенная оплата буржуазных специалистов есть „шаг назад“¹⁰. Верно, Ленин говорил об отступлении. Но о каком отступлении? Нужно вспомнить, в какой обстановке совершался переход к нэпу. Вся ли тогда партийная масса быстро осознала огромную историческую роль нэпа как этапа в истории развития пролетарской революции в России? Нет, это было не так. На деле многие товарищи восприняли нэп как сдачу октябрьских позиций, как начало капитуляции. Почему? Потому что экономика уравниленного потребления эпохи гражданской войны явилась для них формой социалистического производства, методом социалистического расширенного воспроизводства. Таким образом в момент введения нэпа мы имели ликвидацию военно-потребительской экономической политики—и военно-потребительской психологии—в связи с новым наступлением на капитализм путем организации расширенного воспроизводства.

Установка т. Розенталя политически совершенно неверна. Эта неверная теоретическая установка влечет за собой ряд существенных практически-политических выводов.

Тов. Розенталь говорит: „Мы вправе утверждать, что, когда будут созданы условия и предпосылки для того, чтобы перейти к решению задачи непосредственного социалистического строительства во всем народном хозяйстве, когда микует необходимость переходных и посредствующих звеньев, эта экономическая политика будет ненужной и мы должны будем перейти к иной политике, политике непосредственного социалистического строительства“. Развивая свою мысль, т. Розенталь продолжает, выбросив с похвальной пронципальностью этот абзац из стенограммы: „От ряда долгих, постепенных, осторожных, реформистских (?) действий мы должны будем (?) перейти к новым штурмам, но в иных условиях, в иной обстановке, в иной организованности и с иным взаимоотношением сил борющихся классов“.

Что значит будущее время в фразе: „Когда будут созданы условия и предпосылки для того, чтобы перейти к решению непосредственного социалистического строительства во всем народном хозяйстве?“ Что же, сейчас, в условиях социалистической реконструкции промышленности и коллективизации сельского хозяйства, мы не имеем „непосредственного социалистического строительства во всем народном хозяйстве“? С этой установкой логически увязывается тезис т. Розенталя о „реформистских действиях“ в настоящем и „новых штурмах“ в будущем—„в иных условиях, в иной обстановке, в иной организованности и с иным взаимоотношением сил борющихся классов“. Здесь ясно видно, как правая установка ведет к левым загибам. Политический импрессионизм мешает т. Розенталю охватить правильную перспективу развития социалистической революции в СССР,—социалистической революции, заключающейся в ломке старых, защите и строительстве новых отношений.

Это не случайно у т. Розенталя. Тов. Розенталь в своем докладе определял нэп то в виде стратегического маневра, то в виде отступления. Я утверждаю, что нэп—по существу—не был ни стратегическим маневром, ни отступлением. Нэп был политической линией.

⁹ Ленин, Соч., т. XXV, с. 15, 62.

¹⁰ Ленин, Соч., т. XXII, с. 447.

Тов. Розенталь, квалифицируя нэп как отступление, говорил в своем докладе о том, что мы допустили „оживление капитализма“, „допустили“ кулака и т. д.

Но, товарищи, ведь невольно напрашивается вопрос: что же, за все время существования нэпа, с первого дня до сегодняшнего дня, „допуская“ кулака, разве партия не вела в то же время борьбы с кулаком? Можно ли говорить о допущении кулака, о допущении капитализма, характеризуя этими моментами нэп, не говоря о борьбе с кулаком? По-моему нельзя. И вот то, что Розенталь считал необходимым сказать о допущении кулака, об оживлении капитализма, о допущении капитализма и т. д., мне кажется, вытекает из его общей установки, общей ориентировки на то, что мы нэп начали, отступая откуда-то, что сначала было отступление, потом наступление. Я думаю, т. Бугаев прав в том отношении, что нэп был от начала до конца наступлением. Изменяются только этапы наступления. Этап, который мы сейчас переживаем, характеризуется тем, что наступление, которое первоначально мы вели в сфере товарообмена, которое вели затем в сфере промышленности, ставя в первую очередь расширенное воспроизводство в городе, расширенное воспроизводство в индустрии,—сейчас это наступление мы переносим в сельское хозяйство. На очередь ставится вопрос о расширенном воспроизводстве в сельском хозяйстве. В чем заключается расширенное воспроизводство в сельском хозяйстве? В том, что до сих пор мы имели разрыв между расширенным воспроизводством в промышленности и сельском хозяйстве. Это расширенное воспроизводство в промышленности находилось в противоречии с замедленным темпом, не деградацией, а замедленным темпом в сельском хозяйстве. Сейчас мы переносим расширенное воспроизводство в сельское хозяйство. Таким образом с точки зрения правильной политической перспективы мы наблюдаем непрерывную цепь наступления, а не отступления. Тут постепенное, упорное, систематическое строительство социализма.

ВЫСТУПЛЕНИЕ т. М. РЫЛЬСКОГО

На XIV партсъезде Зиновьев ставил вопрос о том, что нэп является отступлением, и делал отсюда последовательно вывод, что между нэпом и социализмом должен быть еще какой-то новый переходный этап, который и будет характеризоваться наступлением. Этот тезис Зиновьева вытекает из следующего его положения: „Союз рабочего класса с крестьянством—это всерьез, надолго и навсегда, вплоть до уничтожения классов вообще (до социализма—М. Р.). Нэп—это всерьез и надолго, но не навсегда“ (т. е. не до социализма—М. Р.).

Методологическая ошибка этой концепции заключается в том, что нэп рассматривается здесь в статике, а не в динамике. Берется 1921/1922 г., когда имело место отступление, и то, что характеризует первый этап нэпа, переносится механически на весь нэп.

Исходя из такой установки, нельзя отличить разные этапы нэпа, нельзя понять те этапы нэпа, где мы уже имеем наступление, а там, где наступление—там уже не нэп.

Другой корень этой неверной установки Зиновьева заключается в том, что он игнорирует двойственную природу нэпа. Он видит лишь одну сторону нэпа,—допущение товарных отношений, допущение капиталистических элементов и т. д., и не видит второй стороны, характеризующей социалистическое наступление. Отсюда получается, что нэп—это сплошное отступление.

Отсюда вытекает троцкистская теория о невозможности построения социализма в одной стране, ибо если нэп есть отступление, то естественно,

что на рельсах нэпа и в союзе с середняком построить социализм невозможно. Отсюда вытекает антисередняцкий уклон, отсюда вытекает теоретическое обоснование „левых“ загибов.

Тов. Розенталь нам вновь преподносит эти старые теории под несколько новой приправкой. Из его установки, что мы теперь имеем этап не нэпа, вытекает трактовка нэпа как отступления. Проводимое им противопоставление непосредственного социалистического строительства опосредствованному, кроме путаницы ничего дать не может.

Следует отметить, что теория, рассматривающая нэп как отступление, а современный этап, как не нэп, является наглядным образчиком смыкания правых и левых установок. Мы уже показали, что эта теория означает теоретическое обоснование „левого“ уклона и „левых“ загибов. С другой стороны, и правые (Бухарин и др.), словесно борясь с определением нэпа как отступления, на деле скатываются к такой же трактовке нэпа. Бухарин сводит нэп только к рыночным отношениям. У него „выпадает“ капитализм, но зато „выпадает“ и другая сторона нэпа, означающая социалистическое наступление. Поэтому по существу правые также сводят нэп к отступлению. Поэтому все мероприятия, вытекающие из этой второй стороны нэпа (государственное регулирование рынка, контрактация, коллективизация, ограничение кулачества, ликвидация кулачества как класса), они рассматривают, как отмену нэпа. Различие правых и „левых“ установок лишь в том, что „левые“ рассматривают эту мнимую отмену нэпа, как положительное явление, тогда как правые в этом видят угрозу разрыва союза с середняком и источник всевозможных катастроф.

Прежде, чем перейти к характеристике современного этапа нэпа, нужно заметить, что новый этап нэпа и его ловунги, в частности ловунг ликвидации кулачества как класса, не были неожиданностью. Они были предвидены Лениным.

Каковы основные моменты данного этапа?

Во-первых, мы должны отметить, что сейчас происходит бурное развитие производительных сил, причем новое в этих производительных силах заключается в том, что мы уже начали создавать ощутительную материальную базу для сельского хозяйства. Чем дальше мы уходим от линии капиталистической пропорциональности хозяйства, тем более бурно сказывается влияние наших производственных отношений на производительные силы, причем они являются не только толкачами производительных сил, но своего рода дополнительным материальным фактором.

Во-вторых, длительное сосуществование, с одной стороны, обобществленного хозяйства в городе, с другой стороны—распыленного хозяйства на селе все время не могло продолжаться. Например в условиях капиталистических процесс расширенного воспроизводства крестьянского хозяйства происходит таким образом, что фактически мы там имеем расширенное воспроизводство только кулацкого хозяйства. Процесс разорения середняка в любой буржуазной стране показывает, что громадные массы середняков не могут иметь у себя процесс расширенного воспроизводства. В условиях же диктатуры пролетариата, когда пути развития производительных сил на базе мелкого хозяйства ограничены,—ясно, что единственный выход для расширенного воспроизводства заключается в том что это расширенное воспроизводство может происходить на базе не одиноличных хозяйств, а лишь на базе социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Стремление осуществить расширенное воспроизводство является сильным толчком крестьянства в колхозы. Тут, понятно, решающую роль сыграла материальная база для коллективизации.

Современный этап вносит нечто новое в проблему диспропорции в нашей стране. Мы имеем двустороннюю диспропорцию. С одной стороны, наша промышленность отставала от потребностей с. х., с другой стороны, с. х. отставало от потребностей промышленности. Теперь мы имеем решительные шаги в деле изживания диспропорции между промышленностью и с. х. Промышленность начинает давать с. х. материальную базу, необходимую для сплошной коллективизации. Этот момент производит и обратное действие в том смысле, что отставание с. х. от промышленности таким образом тоже должно смягчаться. На данном этапе производительные силы кулачества заменяются производительными силами колхозов и совхозов. Это обстоятельство означает громадный шаг к разрешению зерновой проблемы и также способствует ослаблению диспропорции между с. х. и промышленностью.

Следующая характерная черта нынешнего этапа заключается в том, что мы приступили к ликвидации кулачества как класса, но, с другой стороны, мы еще имеем сохранение рыночных отношений. Однако эти рыночные отношения резко отличаются от рыночных отношений, которые мы имели до данного этапа. Они трансформируются в организованный обмен города и деревни (контрактация).

Характерная особенность данного этапа состоит в гигантски возросшей силе планирования, в том, что мы начинаем (проводя сплошную коллективизацию, ликвидацию кулачества как класса, развивая контрактацию и т. д.) решительно суживать поле, откуда рождаются стихия и капитализм. Но отсюда не вытекает, что проблема „кто кого“ уже снимается на данном этапе. Наоборот, гибнущий класс — кулачество — будет отчаянно сопротивляться. По мере того, как наши колхозы будут превращаться в предприятия последовательно-социалистического типа, встанет вопрос о переходе уже этих трансформированных рыночных отношений в отношения не рыночные, которые характеризуют собой начальную стадию социализма.

ВЫСТУПЛЕНИЕ т. Б. БАЕВСКОГО

Для выяснения вопроса о том, является ли новый этап нашего социалистического строительства новым этапом в рамках нэпа, или выходит за его пределы, товарищи невольно возвращаются к определению содержания нэпа. Если нэп определять, как это сделал т. Бутаев, лишь как отступление, подготовку к наступлению и самое наступление и затем констатировать, что в настоящее время мы имеем наступление, но уже иного характера, то у нас нет никакого критерия для определения этого нового этапа. Содержание нэпа сводится к такой системе мероприятий, которые рассчитаны на вовлечение основной массы крестьянства в социалистическое строительство, на победу социалистических элементов над капиталистическими. Значит ли это, что при нэпе мы будем иметь полное переустройство мелко-товарного крестьянского хозяйства в коллективное обобщественное хозяйство, включение крестьянских хозяйств в общую социалистическую систему хозяйства? Нет, не значит.

Нэп обеспечивает построение фундамента социализма, но это не значит, что вплоть до самого построения фундамента социализма мы будем иметь нэп и что политику, которую мы сейчас начали вести, можно квалифицировать как нэп. Ленин говорил о том, что основа всей новой экономической политики — это мелкий крестьянин, союз с этим мелким крестьянином как таковым, союз, позволяющий рядом переходов включить основную массу крестьянских хозяйств в систему социалистического строительства, подготовить

к участию в непосредственном социалистическом строительстве. Сохранение в руках пролетариата таких командных высот, как социалистическая промышленность, дальнейшее развитие их как раз и обеспечивает построение фундамента социализма, разумеется, немыслимое без и вне социалистической перестройки сельского хозяйства.

Рассматривать нэп только как отступление, значит отрицать наличие социалистического строительства в рамках нэпа. Это значит, если вспомнить позицию Зиновьева и других, стоявших на троцкистской точке зрения, что наша промышленность не имеет последовательно-социалистического характера; это значит трактовать фактически невозможность социалистического строительства в нашей стране; это значит ставить вопрос в такую плоскость, что победа возможна лишь в том случае, если нам окажет помощь международный пролетариат.

Мы вынуждены напомнить это, ибо здесь дается неправильное понимание нэпа как отступления. Эта точка зрения заключается в том, что нэп имеет преобладающим содержанием не непосредственное социалистическое строительство, а ряд переходных мер, ряд посредствующих звеньев, подводящих к социализму мелкое крестьянское хозяйство, здесь указывалось на то, что понятие непосредственного и опосредствованного движения к социализму является бессодержательным понятием. Это неверно и противоречит тому, что писал об этом Ленин. Когда речь идет о том, что возможен прямой переход к социалистическому строительству, то это и есть непосредственное социалистическое строительство. Когда же говорят, что такой прямой переход к социалистическому строительству невозможен, то отсюда вытекает необходимость в переходных мероприятиях, в каких-то опосредствующих звеньях, целью которых является подведение к непосредственному социалистическому строительству.

Когда главным было регулирование товарооборота, когда необходимо было возобновить и развязать рыночные отношения и затем уже начать наступление в смысле постепенного подчинения их регулирующему государственному воздействию и т. д. и т. п., то это и были не непосредственные, а посредствующие пути движения к социализму. Это-то и называется переходными мероприятиями, дающими возможность перехода к непосредственному социалистическому строительству во всем народном хозяйстве.

Итак, главная характерная черта содержания нового этапа заключается в том, что начался переход к непосредственному социалистическому строительству в масштабе всего народного хозяйства. Отсюда не следует, что тем самым отпадают и известные переходные мероприятия, характерные для нэпа. Было бы неверно думать и выводить отсюда то, что нэп уже целиком перерос в новый этап социалистического строительства, что нэпа уже вовсе нет. Когда речь идет об определении нового этапа, как нового этапа социалистического строительства, то здесь имеется в виду динамика, процесс перерастания нэпа в политику непосредственного социалистического строительства. Сейчас мы имеем сочетание и того, и другого, но сочетание, в котором начинают преобладать элементы политики непосредственного социалистического строительства.

Следовательно, нельзя ставить вопрос о том, имеем ли мы одну или две политики. В вопросах ликвидации кулачества как класса и ограничения кулацких тенденций мы имеем главным решающим лозунгом ликвидацию кулачества как класса и в качестве вспомогательного лозунга — ограничение кулацких тенденций. Тут мы имеем и элементы нэпа и элементы новой политики.

Точно так же, если взять колхозную политику партии, то нужно будет сказать, что она является главной, а сохраняющаяся еще задача подъема индивидуальных крестьянских хозяйств—подчиненной первой.

Ставить вопрос о двух политиках—это значит не понимать процесса перерастания, не понимать того, что в новом есть элементы старого. В новом этапе социалистического строительства мы имеем еще элементы нэпа, но чем дальше, тем больше элементы нэпа будут преодолеваются, перерастать в политику непосредственного социалистического строительства.

Тов. Лейбман считает критерием для различных этапов развития нашей революции социалистическое строительство, но если стать на эту точку зрения, то тогда нельзя установить никакой периодизации, ибо т. Лейбман вынужден будет констатировать, что мы вообще на протяжении всей революции имеем социалистическое строительство. Это, разумеется, правильно, но все же не дает возможности разграничения одного этапа от другого.

Те товарищи, которые утверждают, что нэп является политикой на весь переходный период вплоть до социализма, обнаруживают непонимание процесса перерастания одной политики в другую, непонимание того, что при определении нового этапа социалистического строительства речь вовсе не идет о том, что нэп упраздняется или же что в таком случае под нэпом понимается только отступление. Общеизвестно, что нэп означал не только отступление, но и наступление, которое включало в себя и ограничение кулачества, и подчинение товарооборота регулирующему воздействию государства, и рост социалистической промышленности и т. д. И речь идет о том, что это наступление, которое мы начали вскоре же после произведенного отступления и перегруппировки сил, сменилось другим наступлением, основное содержание которого заключается в приступе к непосредственному социалистическому строительству в объеме всего народного хозяйства. Мы имеем сейчас постепенное преодоление элементов нэпа, процесс перерастания их в элементы непосредственного социалистического строительства. Когда же эти последние окажутся явно подавляющими, то мы уже будем иметь дело не с нэпом и не с процессом перерастания его в политику непосредственного социалистического строительства, а с социализмом.

Вот в чем, на мой взгляд, заключается сущность нового этапа, и с этой точки зрения, я думаю, только и можно подходить к определению разницы между тем этапом, который мы уже прожили, и тем этапом социалистического строительства, который только начался.

ВЫСТУПЛЕНИЕ т. Р. ВАЙСБЕРГА

В докладе т. Розенталя мы имеем общую „лапидарную“ постановку вопроса—какой путь мы прошли: отступление или наступление? Если так поставить вопрос, то, мне кажется, что тут двух мнений быть не может. Мы прошли огромную полосу великого наступления. То, что мы прошли до сих пор, не оставляет никаких сомнений на этот счет. Но одновременно начинают вводить диалектические „поправки“.

В каком смысле можно говорить об отступлении? Мне кажется, что в первую очередь здесь нужно отметить первую полосу нэпа, когда, как говорил Ленин и вся партия, мы отступили от тех позиций, которые мы заняли во время военного коммунизма. Определяет ли это отступление весь дальнейший период? Я думаю, что здесь надо говорить только о кратковременном историческом отрезке, который характеризует собой отступление от определенных позиций, какие мы вынуждены были занять в период военного коммунизма.

Дальше. У нас первый же этап нэпа уже диалектически включает в себя некоторые моменты подготовки наступления и затем начинается развертывание самого наступления с различной силой, с различной степенью успеха на отдельных этапах, что зависит от ряда чрезвычайно сложных объективных условий. Можно ли сказать, что в дальнейшем у нас было только сплошное наступление? Конечно у нас и в дальнейшем были отдельные маневры, у нас были периоды тех или иных временных уступок, например вопрос о введении аренды, наемного труда в деревне, вопрос о повышении хлебных цен в 1928 г. Но даже эти отдельные маневры, эти отдельные виды отступлений шли на общем фоне большого наступления. Мне думается, что это нужно было в основном твердо запомнить,—что в целом, несмотря на отдельные зигзаги и несмотря на первый этап отступления от тех высот, которые мы заняли во время военного коммунизма, все-таки весь пройденный этап представляет собой этап наступления.

Что представляет собой наш капитализм, с которым нам приходится вести борьбу все время в различных формах? Я думаю, что здесь надо все-таки подчеркнуть, что и тогда, когда мы давали наибольшие возможности для развития капитализма, тогда, когда мы особенно решительно отступали после военного коммунизма и когда мы на определенных этапах нэпа развязывали силы капитализма, все-таки мы никогда не доходили до восстановления капитализма в той форме и в тех масштабах, в каких он был до войны и в каких он имеется в Западной Европе. Возьмем хотя бы один пример. Финансовый капитал у нас не был восстановлен ни на одном этапе, и это одно из наших величайших преимуществ. Нам удалось вести свою политику так, что классовому врагу мы не дали восстановиться вполне развернуто и не давали ему таких позиций, с которых он мог бы по всему фронту атаковать нас. Это конечно ни в коей степени не умаляет значения необходимости борьбы с капитализмом на всех этапах нэпа, но в этом все-таки отличие того капитализма, который мы имеем за весь пройденный этап, от того, что мы имели до войны, и от того, что имеется в капиталистических странах. Мне кажется, это тоже нужно учесть. Непонимание того, что мы имеем дело с процессами нэпа, которые еще не закончились, непонимание того, что мы должны обращать внимание в первую очередь на те процессы, которые происходят в сфере производства, опять-таки наиболее ярко выступает у т. Богусе. Раньше, чем я перейду к положительным формулировкам, разрешите назвать еще несколько слов относительно тех формулировок, которые этому вопросу т. Богусевский.

Я не буду говорить о его понимании проблемы „кто и достаточно много раз писалось и говорилось, я не буду говорить о его крайности, о его паникерстве по поводу „оперативной“ Я хочу остановиться только на одном моменте, который, мне кажется, ошибкой особенно распространенной, и поэтому заслуживающей особого внимания. Сколько мы ни говорим на словах о примате над всем остальным, все-таки применение этого положения к условиям нашей действительности часто дает осечку. Это особенно заметно у т. Богусевского. Он дает буквально следующую формулу: „делывается,—говорит он,—вся надстройка. Никогда еще так не происходила переделка надстройки, как именно сейчас. Это, конечно, не времени“. И дальше подчеркивает т. Богусевский: „Это, конечно, существенно новое, чем еще резко характеризуется новый период“. Существенно новое он находит в наших надстройках у него начинается перечисление отдельных аппаратов, котор

зуюм. В этом он видит центр тяжести того, что у нас происходит на новом этапе. Богушевский подменяет экономику администрированием.

Что касается наших аппаратов, то огромную организующую роль правильно построенного аппарата отрицать ни в коем случае не приходится. Если говорить о надстройках в целом, то они, конечно, у нас должны забежать несколько вперед по отношению к производительным силам, но не отрываться от них. Они должны создавать ту форму, которая толкает вперед развитие производительных сил. Все это, мне кажется, достаточно ясно. Но сводить вопрос исключительно к этому—абсолютно неверно. Я фиксирую внимание на этом моменте, который, по-моему, является концентрированием наиболее распространенных в наше время ошибок. Вот эта манера приводит к тому, что иногда за лесом надстроек можно проглядеть базу производства,—это та опасность, на которую сейчас нужно обратить особое внимание и решительно преодолеть.

Если говорить о новом этапе, то какие здесь моменты нужно отметить?

Первое и основное это то, что мы вступили в период таких больших темпов развития нашего социалистического сектора, которые дают нам возможность повести все остальное хозяйство столь решительно по направлению к социализму, как это мы до сих пор делать не могли. Темпы развития социалистического сектора в данный период усилились. Перед нами только теперь раскрываются огромные потенциальные возможности в самом социалистическом секторе, которые на данном этапе еще далеко не полностью проявили себя, их проявление еще впереди. Социалистическое соревнование, непрерывное производство, ударничество, первые победы коммунистических методов работы у нас начали развиваться особенно сильно с прошлого года, но в достаточно полной форме они себя еще не выявили. Здесь у нас огромные возможности, которые далеко еще не исчерпаны. Это второй момент. Третий момент. Резко возросла роль плана в народном хозяйстве и культурном строительстве, чего у нас в такой степени до сих пор все-таки еще не было.

Четвертый момент. Мы теперь впервые ставим на более реальные рельсы задачу „догнать и перегнать“. Конечно в этом отношении мы еще отстаем, на отдельных участках, даже в смысле качества работы, у нас уже проявляются в этом отношении первые положительные результаты.

Пятый момент. Рост совхозов и колхозов. Мы здесь решительно отошли от старых темпов, которые были у нас примерно 5—6 лет тому назад. Преодоления левых перегибов и после введения колхозов в нормальное состояние надо констатировать, что здесь мы стоим перед таким огромным, которого у нас до сих пор еще не было. Конечно это в первую очередь происходит на основе роста социалистического сектора в городе, роста нашей организованности и плановости. Но темпы роста в этом отношении прочно завоеванными, хотя внутри самих колхозов проделана огромная работа по действительному перевоспитанию крестьянства и созданию из них коммунистических отрядов.

Шестой момент. Вывод по отношению к капиталистическим элементам. Кажется, что именно благодаря тому огромному перелому, который произошел на этом участке, объективные условия для роста капиталистического сектора сокращаются, и это целиком оправдывает лозунг ликвидации класса.

Седьмой момент. Совхозы и колхозы поглощают больше рабочей силы и больше продукции, чем их дает естественный прирост населения в деревне. Это раньше мы до сих пор не имели еще. Это новое явление, которое имеет огромное значение для „года великого перелома“. Отсюда и выход для

наемного труда, отпускаемого бедняцкими и отчасти середняцкими хозяйствами, для труда, который раньше служил предметом эксплуатации, а также для той земли, которую бедняцкие и батрацкие элементы должны были отдавать в аренду кулаку и т. д. Такого рода новое явление у нас в деревне началось. Является ли оно уже повсеместным, всеохватывающим? Можно ли на основании этого говорить, что мы уже покончили с индивидуальным крестьянским хозяйством, что мы уже покончили с середняком, бедняком и т. д.? Конечно так говорить было бы абсурдно, но этот новый процесс нужно отметить и вместе с тем сказать, что сегодня все-таки объекты эксплуатации еще остаются, что сегодня возможности для выделения капиталистических элементов еще имеются, но они начинают по объему своему сокращаться. Отсюда экономическая обоснованность лозунга: сперва ограничение, вытеснение, потом ликвидация кулачества как класса, отсюда особенная его актуальность для районов сплошной коллективизации. Но конечно этот лозунг у нас базируется не только на объективных экономических предпосылках, но и на тех административных мероприятиях, которые надо с умом, а не головопаяски, в отдельных случаях применять.

Седьмой момент. Вместе с этим надо отметить наибольшее обострение классовой борьбы и в городе, и в деревне. Тут и вредительство, и кулацкие выступления, и пр. явления классовой борьбы, которые вам всем известны. Ясно, что этот новый этап и момент сокращения объективных возможностей для капитализма ни в коей мере классовой борьбы не ослабляют, но на определенных участках ведут к еще большему ее обострению.

Восьмой момент. В самом колхозном движении центральной и решающей является форма переходная, артель, а не коммуна, что подготовлено предыдущим ходом нашего развития и что является в свою очередь подготовительной ступенью для перехода на высшую фазу развития.

Девятый момент. Усиливается руководящая роль партии и в городе и в деревне. Факт вступления рабочих целых предприятий в партию, факт такого тесного союза между рабочим классом и партией именно на данном этапе является новым моментом, характеризующим весь новый этап.

Десятый момент. Аппарат управления, о чем я говорил выше в связи с критикой т. Богусhevского. Этот момент является тоже важным и играющим значительную роль; но конечно не моментом самодовлеющим. Мы на новом этапе реорганизуем некоторые звенья нашей государственной и кооперативной системы с таким расчетом, что они должны помочь нашему дальнейшему развитию, снять некоторые отдельные помехи, которые стоят у нас на пути, и способствовать созданию новых форм для более мощного развития производительных сил.

Наконец последние два момента: усиливается роль контроля рабочих над государственным аппаратом, шефство над отдельными учреждениями, вливание целых колонн пролетариата в государственный аппарат,—все это характеризует также переход на более высокую ступень и некоторое начало сращивания между аппаратом управления и аппаратом производства, что в дальнейшем должно конечно у нас получить наиболее яркое выражение.

И последний момент—строительство новых городов, изживание противоречий между городом и деревней, то, что являлось наиболее ощутимым злом в капиталистическом обществе.

Я, как видите, попытался набросать такие моменты, из которых можно сразу сказать, что тут есть ряд противоречивых явлений. Меня могут упрекнуть в том, что не все тут даже внутренне стройно увязано. Но мне представляется, что, именно избегая схематизма, именно избегая того, чтобы по-

пытаться в одном надуманном, искусственно натянутом слове сказать, в чем новый этап, мы должны брать эти сложные моменты в их диалектической взаимозависимости, потому что они так даны действительностью, потому что они так движутся на данном историческом этапе. Именно из них мы должны исходить, чтобы иметь некоторый материал для понимания того нового этапа, в который мы вступили.

В заключение я подчеркиваю, что я не пытался здесь дать что-то вполне законченное, я рассматриваю свои наброски просто как материал для общей работы нашей коллективной мысли, которая должна нам помочь общими усилиями уяснить себе тот новый этап нэпа, в котором наша страна находится.

Вообще мы капиталистическое развитие в необходимой степени все время обуздывали. Это тоже являлось одним из необходимых условий нашего наступления. Конечно сила обуздывания различна в различные периоды нэпа и в различные периоды того этапа нэпа, который мы уже прошли. Мы говорим о нэпе как о политике, которая строит фундамент социалистического общества. И здесь, мне представляется, необходимо особенно учитывать то, что нэп является именно не статикой, а динамикой, является движением по направлению к социалистическому обществу.

Мне думается, что крупнейшие ошибки в этом смысле совершает т. Богусhevский, который охарактеризовал 1928 год в своей статье, как год, в который стали друг перед другом, лицом к лицу два величайших титана в стране: социализм и капитализм. Он говорит, что мы находились в таком положении, когда малейшая уступка по отношению к капитализму смогла бы немедленно инициативу в его руки, что мы действительно погибли бы немедленно именно в 1928 г. Какое-то чудо случилось, что мы не погибли, а какое—по Богусhevскому неизвестно. Мне представляется, что тут т. Богусhevский не учитывает того простого обстоятельства, что ведь весь пройденный период до 1928 г. представлял собой процесс нарастания удельного веса социалистических элементов и процесс снижения удельного веса частнохозяйственных элементов, и капиталистических в особенности. Ведь уже с 1926 г. у нас начинается даже абсолютное сокращение тех капиталистических форм, которые у нас имеются в промышленности и в торговле. Вот это непонимание результатов движения всего пройденного пути, непонимание того, что мы все время находились в процессе борьбы между социализмом и капитализмом, и в процессе борьбы за влияние на простое товарное мелкокрестьянское хозяйство, — непонимание этого, мне кажется, является одним из существенных отличий во всем построении той теории, какую мы находим у Богусhevского. Это предопределяет и непонимание им современного этапа нэпа, который он также рассматривает статически, а не динамически.

Ведь кажется избитой истиной, когда говоришь о том, что нэп есть движение, что тут имеются диалектические противоречия и пр. и пр., но, к сожалению, об этом приходится говорить, когда сталкиваешься с тем, что люди на отдельных конкретных явлениях, на анализе конкретного исторического процесса как раз обнаруживают непонимание того, что является как будто простым, авбучным и ясным. Цель этого движения—диалектическое преодоление самого нэпа, диалектическое преодоление той экономической и политической структуры, которая у нас имеется. И в этом смысле мы можем прямо сказать, что мы являемся тем единственным государством в мире, которое не только не стремится в исторической перспективе сохранить существующий экономический и политический строй, но, наоборот, стремится его уничтожить, заменить его другим. И в этом смысле наша экономическая поли-

тика придает всему нашему народному хозяйству сугубую динамичность и предопределяет его особую изменчивость.

Вопрос о посредствующих звеньях. Мне кажется, что в этом вопросе при анализе того, что у нас было до сих пор и в попытке понять новый этап, т. Розенталь совершает определенную ошибку. Он включает в посредствующие звенья все—и рост рабочего класса, и рост промышленности, и рост кооперации, и рост капитализма. Верно ли это? Вообще можно конечно перечислить эти и еще ряд других элементов, но в какой связи? и при какой расстановке классовых сил? Мне думается, что эту расстановку классовых сил и эту необходимую политическую связь для правильного понимания сделанных этапов и нового этапа как раз т. Розенталь здесь не дает. Мы привыкли говорить о посредствующих рычагах, о передаточных ремнях, о государстве и государственной промышленности как о ведущем начале для крестьянского хозяйства. Далее мы говорим о кооперации, о контрактации, о целом ряде связующих элементов, которые нам дают возможность преобразовать с. х. Но на другом полюсе остается всегда и неизменно, до полной ликвидации его, капитализм, с которым мы ведем борьбу. Вот расстановки классовых сил мы, к сожалению, не находим у т. Розенталя.

Я не могу согласиться с тем, что кулак является у нас посредствующим звеном. Здесь конечно мы должны вести борьбу на уничтожение, используя для этого все и в том числе наши посредствующие звенья. И тут, мне кажется, необходимо учесть еще и этот процесс перерастания самих посредствующих звеньев, процесс перерастания, скажем, такой формы, как кооперация. Я этого коснусь дальше, но, забегая немного вперед, я скажу только следующее. Ясно, что мы вступили сейчас в такой период, когда мы получаем возможность действительно врезаться в производственный процесс мелкого индивидуального сельского хозяйства, повести решительную политику социально-технической реконструкции именно в области производства. И вот с этой точки зрения особенно важно учесть процесс перерастания, скажем, кооперирования в области обращения в процесс кооперирования в области производства. Когда Бухарин говорит, что „коллективное хозяйство—это не главная магистраль, не столбовая дорога, не главный путь, по которому крестьянство пойдет к социализму, столбовая дорога пойдет по кооперативной линии, а главный путь это—организация социализма через кооперацию в сельском хозяйстве“,—то мне кажется, что здесь получается недиалектический разрыв, такое противопоставление одной формы другой, которое с точки зрения нашего понимания исторического процесса и с точки зрения нашей действительности ничем не оправдывается. И Энгельс и Ленин говорили о кооперации, включая в нее также и производственное кооперирование, т. е. колхозное движение. Я на этом моменте останавливаюсь не только потому, что мы встречаемся с ним у т. Бухарина, но еще и потому, что это одна из тех ошибок, которые являются наиболее распространенными среди наших практических работников; на практике очень часто можно как раз с этим встретиться.

Если бухаринское понимание всеми своими корнями сидит в непонимании того, что процессы и явления нэпа перерастают в процессы социалистические при активнейшем воздействии пролетариата на крестьянство, если Бухарин механистически „стабилизирует“ нэп, то другие пытаются из рамок нэпа выпрыгнуть, не понимая необходимости его активного преодоления.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ДОКЛАДЧИКА—К. РОЗЕНТАЛЯ

Основное обвинение, которое мне было предъявлено,—это то, что я характеризую нэп только как отступление. Это неверно ни формально, ни по существу. И в статье и в докладе мною сказано, что нэп включает и отступление, и перегруппировку сил, и наступление. Весь раздел в статье, который озаглавлен „От штурма к осаде“, показывал, как шло это наступление и в чем оно конкретно выразилось. Но дело не в том, чтобы утверждать—наступление, наступление. Чем отличается наступление на данном этапе от того, которое было? Необходимо было в дискуссии показать конкретные особенности того нового в наступлении, которое мы имеем. В этой части было сказано чрезвычайно мало. Тов. К. Бугаев на вопрос, чем отличается теперешнее наступление от того, которое мы вели до сих пор, ответил так: и раньше было наступление, но „сейчас исключительное наступление“. Такая характеристика ничего не дает. Тов. Карпинский, говоря, что непосредственное содействие было и при военном коммунизме и теперь, не заметил никаких особенностей ни одного из этих этапов.

Нэп предполагал наличие двух типов хозяйства, двух видов производственных отношений: последовательно-социалистическую форму отношений и производственные отношения простого товарного хозяйства. В этом основа нэпа. Задача нэпа заключается в том, чтобы из этих двух разных форм сделать одну — социалистическую. Дальше мы подходим к вопросу о том, как добиться разрешения этой задачи. Когда мы говорим, что базируем советскую власть и социалистическое строительство на двух различных основах, а в этом заключалась основа нэпа, то шел вопрос о том, какие посредствующие звенья будут связывать эту социалистическую форму производственных отношений с производственными отношениями простого товарного хозяйства. Таким посредствующим звеном был рынок и торговля. Мы не могли на первом этапе нэпа переделать мелкое крестьянское хозяйство, перед нами стала задача, с одной стороны, развития социалистического сектора, т. е. непосредственное социалистическое строительство, с другой стороны, подъема бедняцко-средняцкого хозяйства на основах простого товарного хозяйства. Сущность нашего наступления заключалась на том этапе в том, что мы должны были овладеть посредствующими звеньями, связывающими социалистический сектор и простое товарное хозяйство. Мы наступали, строя социализм, развивая социалистический сектор, промышленность, кооперацию и т. д., наступали тогда, когда ограничивали и вытесняли капиталистические элементы из сферы товарооборота и остальных отраслей народного хозяйства. Теперь наше наступление характеризуется тем, что мы вступили в процесс переделки простого товарного хозяйства, когда из двух основ, благодаря этой переделке, начинает рождаться одна основа—социалистическая форма хозяйства не только в городе, но и в деревне. А это значит, что посредствующие звенья, которые были характерны для первого этапа нэпа, начинают становиться излишними. Это есть новая форма наступления. Говоря о нэпе, необходимо различать то новое, что имеется в каждом данном моменте. Это новое заключается в том, что целый ряд явлений, который мы наблюдаем в нашей экономике сейчас, становится чем-то другим, чем-то отличным от того, что мы имели раньше. Значит ли это, что мы тем самым уже сняли все задачи, которые перед нами стояли? Конечно нет. Но те задачи, которые стояли перед нами на первом этапе нэпа превратились в задачи подсобные и вспомогательные. С этой точки зрения я не могу согласиться с т. Бомштейн („Правда“), что нельзя ставить вопрос так: и коренная ломка и оживление старого обществен-

ного уклада деревни. Я считаю, что на определенном отрезке времени мы, наряду с коллективизацией деревни, должны будем помогать бедняцко-средняцкому крестьянству поднимать их хозяйство на прежней основе мелко-товарного производства. Теория и практика „левых“ загибов как раз и характеризуется забвением этого момента. Но это отнюдь не противоречит тому, что главная задача—коллективизация бедняцко-средняцких хозяйств.

Несколько слов по поводу выступления т. Романского. Тов. Романский утверждает, что ни в каком смысле нэп не являлся отступлением назад. Тов. Романский очевидно забыл слова Ленина, что мы должны сначала отступить, а потом равняться и сильнее прыгнуть вперед. Несостоятельность положения, выставленного т. Романским, очевидна.

Второе выставленное против меня обвинение заключается в том, что я считаю нэп уже законченным и что между нэпом и социализмом я мыслю еще какой-то переходный период. Это обвинение было сформулировано тт. Богусhevским и Черниным. Между тем т. Чернин в газете „За индустриализацию“ (21/1 1930), редактируемой т. Богусhevским, писал следующее: во-первых, „нэпом не покрывается переходный период“, во-вторых, „между нэпом и построением полного соц. общества“ будет еще некий „промежуточный период“ и, в-третьих, после нэпа „остается концессионный капитал“ и „на длительный период товарно-денежная форма хозяйства“, преодоление которых и составит задачу этого посленэповского периода. В мае же эти же товарищи обвиняют меня в том, что я мыслил некий „промежуточный период“ между нэпом и социализмом.

Тов. Чернин в статье в „Правде“ упрекает меня в том, что я забываю то обстоятельство, что историческое название нэпа—это уничтожение классов. А в статье в газете „За индустриализацию“ утверждает, что после нэпа на длительный период времени остается товарно-денежная форма хозяйства и концессионный капитал, но ведь „товарно-денежная форма хозяйства“ предполагает существование классов, следовательно, по Чернину, после нэпа остаются классы. Наконец нельзя ведь концессионный капитал мыслить себе без классов. В статье в „Правде“ (20/III 1930) я дал резкую критику ошибочных положений и Богусhevского и Чернина. Проблема рынка т. Богусhevским уже снята. „Косвенное“—через рынок—„воздействие“ на все отрасли „народного хозяйства“ у него оказалось замененным „прямым оперативным“ воздействием, минуя рынок и помимо рынка. А если снята проблема рынка, то, следовательно, снята и вся проблема частнохозяйственного (торгового) капитализма и уже конечно и задача ограничения и вытеснения кулачества и задача ликвидации кулачества как класса. Им собственно негде быть, когда налицо уже „сплошное социалистическое плато“.

Тов. Богусhevский и Чернин „поспешили“ сдать нэп „в исторический музей за ненадобностью“.

За такого рода утверждение я подверг критике взгляды Чернина—Богусhevского. В моих же статьях указано точно и ясно, что нэп еще не закончен. Новое же на данном этапе я видел в том, что нэп начинает—но только начинает—перерастать в политику непосредственного социалистического строительства во всем народном хозяйстве.

Что касается вопроса о посредственном и непосредственном социалистическом строительстве, то т. Рыльский прямо утверждал, что у Ленина такой постановки вопроса нет. Это неверно. Ленин ясно говорит о том, что мы перешли от непосредственного социалистического строительства во всем народном хозяйстве к ряду посредствующих звеньев, но это не исключает непосредственного социалистического строительства. Тов. Бутаев здесь выступил с утверждением, что развернутый социалистический продуктообмен полностью

включается в нэп. Это весьма существенно. Если говорить о социалистическом продуктообмене между социалистической промышленностью и индивидуальным крестьянским хозяйством, как ставил вопрос Ленин в начале нэпа, то это несомненно правильно,—это включается в нэп. Но тот социалистический продуктообмен,—который у нас начинается сейчас, отличается от того продуктообмена в начале нэпа. Сейчас у нас устанавливается продуктообмен между крупной социалистической промышленностью и коллективизированной деревней. Это качественно иное. Эта новая форма хозяйственных связей между городом и деревней не является уже характерной для нэпа.

Есть опасность, что может быть не понят тот факт, что мы находимся только в состоянии процесса перерастания одной политики в другую. Из этого непонимания могут вытекать самые неприятные политические последствия.

Есть другая опасность—перескочить через этот процесс, как это сделал т. Богусhevский, у которого получилось, что вопрос „кто кого“ снят. Таковую же ошибку допустил т. Рыльский. Он характеризовал новый этап следующим образом: чем отличаются рыночные отношения данного этапа,—спрашивает т. Рыльский, и отвечает,—„их характерная особенность заключается, во-первых, в том, что если в прошлое время из рыночных отношений выросла капитализм, то на данном этапе все клапаны и поры для выращивания капитализма закрыты“. Я полагаю, что поскольку имеются рыночные отношения, постольку они неизбежно будут порождать капитализм. Если принять то положение, что на данном этапе все поры для развития капитализма закрыты то отсюда вытекает, что вопрос „кто кого“ снят. В этом ошибка тт. Рыльского и Богусhevского.

Тов. Карпинский в своем выступлении, указывая на мое положение, что коллективизация имеет своим исходным пунктом рост крупной социалистической промышленности, говорит, что „коллективизация имеет своим исходным пунктом не промышленность, а диктатуру пролетариата“. Если т. Карпинский думает, что социалистическая промышленность может быть и не при диктатуре пролетариата,—он делает открытие, которое ему необходимо было бы аргументировать.

Второй упрек, брошенный мне т. Карпинским, касается моей фразы о том, что капитализм у нас является пособником социализма, причем слово „пособник“ у меня взято в кавычки. Тов. Карпинский заявляет: „Как бы вы ни ставили кавычки, но пособником социализма капитализм никогда не был“. Между тем слово „пособник“ у меня взято из статьи Ленина „О продналоге“.

Далее т. Карпинский оспаривает то положение, что частный торговый капитал лишен у нас производственной базы. Это значит, по его мнению, недооценивать торговый капитал и крупную буржуазию. Между тем на этот счет имеются определенные высказывания т. Сталина. „Для точности следует заметить,—писал т. Сталин—что партия не давала указания распространить лозунг ликвидации кулачества как класса на новую городскую буржуазию. Нужно видеть разницу между нэпманами, давно уже лишенными в основном производственной базы и не имеющими поэтому сколько-нибудь серьезного веса в нашей хозяйственной жизни, и между кулаками, которые до последнего времени имели огромный хозяйственный вес в деревне и которых мы теперь только лишаем их производственной базы“.

Последний пункт обвинения, предъявленный мне т. Карпинским, заключается в том, что у меня не сказано, чем отличается раскулачивание первого этапа от теперешнего этапа. У меня специально два абзаца посвящены критике бухаринских положений, что новый этап характеризуется как этап антикулацкой революции.

„Не ликвидация кулачества как класса характеризует новый этап, а те бурные процессы коллективизации, которые привели к созданию ряда районов сплошной коллективизации и тем самым выдвинули лозунг ликвидации кулачества как класса“. Мы ликвидируем кулачество только там, где налицо имеются все необходимые предпосылки и где исчерпавший свою роль капитализм превращается из „неизбежного зла“ в „зло“, которое может и должно быть уничтожено, ибо оно существенно вредит делу перехода к более чистым формам колхозного строительства.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ г. В. М И Л Ю Т И Н

Обсуждение чрезвычайно важного и существенного вопроса, поднятого т. Розенталем, пошло не по тому направлению, по которому надлежало бы, и не стояло на том уровне, на каком заслуживало. Противники стали искать у т. Розенталя правоуклонистское направление. Тов. Розенталь указал на те неправильные формулировки, которые у него были, и ответил на обвинение его в том, что он недооценивает социалистическое наступление в период нэпа.

Сейчас заниматься вопросом, что такое нэп, был ли он наступлением или отступлением в начальном периоде, после прожитого даже странно. Перед нами задача—дать оценку экономической политики и наметить пути экономической политики в настоящий период, в конкретных условиях, пользуясь тем историческим опытом, который мы имеем.

Существенным недостатком в докладе т. Розенталя, помимо неправильных формулировок, является то, что, несмотря на ссылки, он не исторически поставил анализ развития нэпа. Ведь мы имеем ряд этапов нэпа: первоначальный период, нэп в период восстановления народного хозяйства и нэп реконструктивного периода, и мне представлялось, что центр тяжести нужно сконцентрировать на последней части. А в статье и в докладе т. Розенталя эта часть наименее полно поставлена.

Действительно, никто не скажет, что реконструктивный период сейчас закончен. Но вместе с тем нужно подчеркнуть то принципиально новое на данном этапе развития, что мы имеем.

В области индустриализации страны мы не можем сказать, что мы индустриализацию заканчиваем. Мы имеем колоссальнейшие достижения в промышленности, в производстве с.-х. машин, в области металлургии. Но мы имеем такую область, как электрификацию, в которой хотя и есть огромные достижения, но не достигнут еще тот план, который был намечен Гоэлро.

Затем в ряде отраслей промышленности, в области химической промышленности, в области машиностроения мы только лишь разворачиваем производство. Мы еще не превратились в промышленно-аграрную страну. При этих условиях мы еще не можем сказать, что мы индустриализацию заканчиваем. Наша задача заключается в том, чтобы превратиться из страны аграрной в аграрно-промышленную. Мы выбрали пути решения этой задачи, но убаюкивать себя тем, что мы задачу уже решили—неверно.

В области сельского хозяйства мы имеем на основе индустриализации страны переворот, колоссальный сдвиг, несмотря на допущенные ошибки, перегибы и загибы. У нас по существу зерновая проблема в с. х. в значительной степени может считаться решенной экономически. Перед нами еще стоит проблема животноводческая, технических культур и т. д. Но можно ли сейчас сказать, что мы уже здесь изживаем целый ряд отношений рыночных, производственных и т. д., ликвидируем проблему индивидуального сектора, рынка, денег, и т. д.? Нельзя.

Такой принципиально новый вопрос, как ликвидация кулачества как класса в районах сплошной коллективизации, впервые поставлен в этом году.

Многие считали, что район сплошной коллективизации—это тот район, где все на 100% коллективизировано. Это неверно. В данных условиях это есть район, который основную массу бедняцко-средняцкую коллективизировал примерно на 60—70% и обобществил соответствующие основные средства производства. Но 30% или около того остаются вне коллективизации. Почему в районе сплошной коллективизации можно поставить проблему ликвидации кулака как класса? Потому что имеем здесь иную ситуацию по сравнению с той, которая имеется в индивидуальном секторе с. х., потому что мы здесь имеем центр хозяйства, перемещенный в социалистический сектор с. х., который дает новую законосообразность и необходимость сделать новые выводы в области классовых отношений. На основании этого мы можем прийти к ликвидации кулачества как класса, так как процесс воспроизводства происходит уже на базе обобществленных средств производства, так как здесь порождение кулака, которое происходит в индивидуальном секторе сельского хозяйства, где он господствует, будет иного характера, иного удельного веса, и мы можем поэтому здесь ликвидировать кулака. Троцкизм говорит, что мы совершаем ошибку, когда говорим о ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации, так как сама коллективизация будет порождать кулака. В этом случае Троцкий повторяет Каутского, который давал такую же оценку всему нашему социалистическому строительству. Правые также неверно оценивали коллективизацию, ее роль и значение не только в области экономической реконструкции сельского хозяйства, но и в области классовых отношений.

Середняк и бедняк в колхозе отличаются от середняка и бедняка в индивидуальном секторе. В индивидуальном секторе середняк и бедняк в своем экономическом развитии могут идти по двум направлениям,—по капиталистической линии развития и по социалистической, так как процесс развития совершается на базе необобществленных средств производства, на базе рыночных отношений, на базе, где планового хозяйства нет, а есть только регулирование планового хозяйства. В коллективных же условиях, где развитие совершается на базе обобществленных средств производства, на базе планового хозяйства, здесь середняк и бедняк находятся в особых условиях развития, где различия между ними будут значительно быстрее нивжиты. Средняк и бедняк в колхозе поднялись в своем развитии по пути соцстроительства, и поэтому в тезисах Яковлева можно считать, что опора на колхозника иная, чем опора на бедняка и середняка вне колхозов. Этим не снимаются все проблемы, которые мы ставили себе в области деревни, в области союза с середняком, в области содействия его развитию в сторону социализма, в области снабжения заготовок и т. д.

В области контрактации например у нас было немало ошибок. Поэтому т. Розенталь прав в отношении того, что здесь оставаться на старых позициях, не видеть нового и приспособлять к старинке нашу политику, как это делают правые, было бы движением вспять. Но, с другой стороны, нельзя делать перескок через это новое, не учитывать всего своеобразия и трудностей, переживаемых сейчас в области народного хозяйства, в области индустриализации, несмотря на то, что путь перед нами ясен.

Сейчас мы начинаем познать первые результаты реконструктивного периода нэпа в области индустриализации, в области реконструкции сельского хозяйства. Но мы еще находимся в труднейшем периоде, когда мы только начинаем подходить к разрешению таких проблем, как топливная, проблема

электрификации и т. д., и когда только начинаем пробивать себе дорогу в области сельского хозяйства, когда начинаем решать верную проблему на почве крупного обобщественного хозяйства и когда только ставим перед собой проблему животноводства.

В области классовых отношений мы имеем укрепление диктатуры пролетариата, но вместе с тем ставим проблему ликвидации остатков капитализма в деревне. И здесь было бы ошибкой переоценивать положение.

Нужно сказать, что наша теория, марксистско-ленинская теория, является наиболее передовой теорией. Но теоретическая наша работа, т. е. использование теоретических достижений с помощью методологии этой теории, проработка текущей действительности, оценка отношений в области общественных явлений в историческом и перспективном разрезе, у нас отстает. Одна из причин отставания заключается в том, что ей не придается должного значения до сих пор, что у нас вопрос о кадрах стоит еще чрезвычайно остро, настолько остро, что мы не можем достаточно высоко поднять теоретическую работу. Поэтому всякое углубление вопроса в этом направлении является очень ценным.

А. Л е р м а н.

Редакционная коллегия:

**С. Бессонов, Б. Боринин, Р. Вайсберг, А. Кон, Л. Крицман, А. Леонтьев, Л. Мартенс,
А. Мендельсон, В. Милютин, К. Розенталь, С. Рокин.**

СО Д Е Р Ж А Н И Е

СТАТЬИ

Стр.

К XVI партсъезду	3
Л. Крицман—К анализу происходящего перелома	7
Б. Васкин—К анализу переходного хозяйства	27
М. Рыльский—Об одной опасной теории	52
В. Вейц—Техническое перевооружение СССР и капиталистических стран	63
А. Колдобский—Индустриализация СССР между XV и XVI съездами	95
С. Бессонов—О путях реконструкции транспорта в разрезе генерального и пятилетнего планов	122
Ю. Флаксерман—Черновые наброски заданий к генеральному плану электрификации	145

БИБЛИОГРАФИЯ

Л. Зиман—О победах и противоречиях капитализма в США (по поводу книги Денни „Америка завоевывает Британию“)	184
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О новом этапе нэпа (доклад К. Розенталя и прения по нему в Экономической секции Комакадемии)	189
--	-----

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1930 ГОД НА

„ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ“

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
СЕКЦИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ,
2-й ГОД ИЗДАНИЯ

Редакционная коллегия: С. Бессонов, Б. Борилин, Р. Вайсберг, Л. Крицман, А. Кон, А. Леонтьев, А. Мендельсон, В. Милютин, Л. Маргенс, К. Розенталь, С. Ронин.

СОДЕРЖАНИЕ № 1

Статьи:

Милютин В. и Борилин Б.—К различным политическим экономиям.

Мендельсон Л.—Американское „процветание“ в свете всеобщего кризиса капитализма.

Гатовский Л.—О предмете и методе теории советского хозяйства.

Раонин Б.—Проблема эмиссии в переходном хозяйстве.

Преображенский Е.—Изменения в стоимости золота и товарные цены.

Блюмин И.—Теория Штольца-на.

БИБЛИОГРАФИЯ

Дашевский Г.—Ф. Штернберг—Империализм.

Абезгауз Г., Дунор Г., Мерзон Д.—„Рубишина или марксизм?“. Сборник ст. под ред. С. Бессонова и А. Кона.

От редакции.

СОДЕРЖАНИЕ № 2

Статьи:

Милютин В.—Экономический кризис в капиталистических странах.

Смит М.—К вопросу об учете эффективности капитальных вложений.

Турецкий Ш.—Сфера обращения в свете перспективного развития.

Раонин Б.—„Производство, распределение, обмен и потребление“ при капитализме в переходном хозяйстве.

Нозлов Г.—Перерождение кредита.

Преображенский Е.—Изменения в стоимости золота и товарные цены.

БИБЛИОГРАФИЯ

Доборин Г.—Буржуазная апологетика в политической экономии (о Касселе).

Шафир Я.—М. Спектатор. Теория аграрных кризисов.

Преображенский Е.—Генрих Кунов. Всеобщая теория хозяйства.

Цегоев С.—П. Берлин. Очерк развития экономических учений в XIX и XX вв.

От редакции.

СОДЕРЖАНИЕ № 3

Статьи:

Кривичный М.—К вопросу об этапах нашей экономики.

Смит М.—Незатухающие темпы

Михайлович С.—Мировой экономический кризис и теория бескризисного развития капиталистического хозяйства

Варга Е.—Накопление и крах капитализма.

Пашнов А.—„Качество“ и „количество“ в теории австрийской школы.

Блюмин И.—Теория Штольца-на.

Бурдянский И. М.—Против механицизма в рационализации.

БИБЛИОГРАФИЯ

Берштейн А.—Кредит и конъюнктура.

У С Л О В И Я П О Д П И С К И:

Без приложений на год 12 руб., на 1/2 года 6 руб. 50 коп., с приложениями на год 1930—24 руб.

ЗАКАЗЫ И ПОДПИСКУ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ:

Москва, ГСП, 10, Волхонка, 14, Издательство Коммунистической академии.